

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Хвастунова Юлия Викторовна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ДУХОВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ
ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ**

Специальность 5.10.1 – теория и история культуры, искусства

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора философских наук

Горно-Алтайск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования духовности в постсекулярной культуре	23
1.1. Эвристический потенциал соотношения традиционной духовности и «новой духовности».....	23
1.2. Трансгуманизм как основа современной постсекулярной культуры	57
1.3. Культурфилософские основы осмысления «новой духовности».....	81
1.4. Методологические основания рецепции «новой духовности» в трансгуманизме.....	102
Глава 2. Культурфилософская оценка теорий и проектов «новой духовности» в трансгуманизме	120
2.1. Трансгуманистические организации в условиях развития постсекулярной культуры.....	120
2.2. Теории и проекты трансгуманизма в современной культуре.....	130
2.3. Проекция псевдоконфессиональной конвергенции и модели духовности в трансгуманизме.....	164
Глава 3. Культуродуховная парадигма русской «философии сопротивления»	181
3.1. Основные направления концептуализации русской «философии сопротивления».....	181
3.2. Процессы трансформации современной духовности в постсекулярной культуре.....	204
3.3. Проявления локальной духовности в постсекулярной культуре (на примере развития новой духовности в Республике Алтай).....	228
Заключение	239
Список использованной литературы	248

Введение

Актуальность научного исследования. В XXI в. можно констатировать факт глубокого кризиса духовной жизни, основанного на элиминировании ее базовых оснований: смысла, порядка, истины, высших оснований бытия и высших ценностей. Большую роль в этом сыграла постмодернистская философия с ее центральным тезисом деконструкции и языковыми играми. В мире, где правит «небожественное сакральное, равное профанному», где всевозможные психологические надломы и «выверты» выдаются за озарения, а аффекты и невежество – за проявления оригинальности, множатся псевдодуховные проекты. За бесконечным копанием в лингвистических конструкциях, статистике, больших данных (Big Data), нейронных связях мозга, психологических реакциях и тому подобном, по сути, уже исчез сам человек.

Из понятия духовности многие современные мыслители так долго и скрупулёзно вытравливали и отсекали «не главные или не сущностные» компоненты, что в итоге она либо превратилась в пустой конструкт, либо радикально трансформировалась. При этом особую роль сыграли атеистические и узкоматериалистические установки последних веков, которые все еще продолжают доминировать, несмотря на множество накопившихся фактов, говорящих против этих установок и возвращающих религии ее базовую роль не только в духовной жизни человека, но и в формировании новой философской и научной картины мира. Указанным негативным социкультурным тенденциям способствует не только постоянная редукция метафизических основ духовности, но и раздувание потребительских утилитарных и гедонистических устремлений, навязывание тотальной цифровизации жизни общества.

Квинтэссенцией духовного кризиса постсекулярной культуры является идеология трансгуманизма. В настоящее время трансгуманизм – это комплексное разноуровневое движение, которое реализуется одновременно в нескольких направлениях. Главным объединяющим проектом для всех трансгуманистических направлений является «совершенствование человека» (от англ. «Human

Enhancement»). При этом трансгуманизм утверждает так называемую «новую духовность», которая, с позиций классического ее понимания, является антидуховностью.

В наибольшей степени эта тенденция затрагивает основы русской культуры и несет прямые угрозы ее культурно-духовным основам. В очередной раз фундаментальные незыблемые основания подлинной духовности, а равно и ее вариации в русской культуре, сумевшей выжить в XX в., подвергаются серьезному испытанию. Соответственно, задачи их сохранения усложнились, тем более что речь уже идет не только о нравственных, культурных основах бытия, но и о сохранении человека даже как биологического вида в условиях надвигающейся угрозы реализации проектов радикальной трансформации человека, в том числе, через трансформацию современной культуры.

Поэтому актуальной представляется задача анализа процессов трансформаций понятия духовности, выявления мировоззренческих основ и форм современной «духовности», ее отличия от духовности подлинной.

В этой ситуации доминирования постклассической парадигмы все четче вырисовываются контуры новой российской философии сопротивления, которая должна сформировать общий методологический подход с целью защиты: в рамках философской антропологии – основы человеческого бытия; в социальной философии – здоровые основы общества, в культуре и культурологических исследованиях – суть подлинной культуры, отделив ее от редуций и техноимитаций, в религии и религиоведении – защитить и обосновать основы подлинной религиозной духовности, в этике – высшие ценности и нормы. Другими словами, необходимо защитить жизненное священное пространство в контексте нового этапа – постсекулярной культуры.

Степень научной разработанности темы.

Особую значимость для нашего исследования имела русская религиозно-философская традиция, как она представлена в работах мыслителей XIX-XXI веков. Именно в это время, когда шло активное становление европейской и российской секулярной культуры, понятие духовности утратило свой

исключительно религиозный характер и стало важной общей характеристикой культуры. Эта трансформация понятия духовности отчетливо осознается именно религиозными и, прежде всего, русскими мыслителями. Среди них следует выделить таких авторов, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, П.А. Флоренский, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет, П.Д. Юркевич, и другие. Далее существенный вклад в изучение духовности внесли философы XX века - М.М. Бахтин, П.С. Гуревич, Д.С. Лихачёв, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман и другие.

В русской богословской и религиозно-философской традициях духовность раскрывается в ряде отдельных направлений, в частности, в философии сердца, которая в древних религиозных учениях Востока и Запада занимала важнейшее место, затем с ростом влияния рационализма, позитивизма и сциентизма эта тема начала исчезать, лишь изредка появляясь в работах отдельных философов. Так, Б. Паскаль в своих «Мыслях» писал о «логике сердца». Позже Макс Шелер развивал интегральную концепцию человека, где «логика чувств», очищенная и скрепленная нравственными ценностями и руководимая «порядком любви», «*ordo amoris*», противопоставляется «логике интеллекта». О сердечном познании, духовности, коренящейся в сердце, размышляли И.В. Киреевский и А.С. Хомяков. Отдельные работы написали Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, М.М. Тареев, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и П.Д. Юркевич. В триаде А.Ф. Лосева сердце является одним из важных компонентов – «точкой абсолютной интеллигенции». Врач и ученый еп. Лука Войно-Ясенецкий выделил уникальные функции сердца, сопоставив богословское понимание с медицинскими представлениями. Отдельную авторскую «философию сердца» развивали Е.П. Блаватская, Н.К. и Е.И. Рерихи и их последователи. В конце XX в. философия сердца получила свое развитие в теории о синергии С.С. Хоружего. Тема духовности и роли сердца с точки зрения противостояния естественного и искусственного представлена в ряде работ В.А. Кутырева.

Исследование духовности в целом, с учетом ее истории, атрибутов, антиподов широко и фундаментально представлено в социальной философии и

философской антропологии в работах А.М. Багаутдинова, М.А. Барга, В.С. Барулина, И.А. Бокачева, Р.А. Бурханова, В.И. Гараджа, В.И. Гусева, Б.В. Емельянова, А.Я. Канапацкого, Л.А. Коневских, А.А. Королькова, А.Д. Косичева, С.Б. Крымского, В.А. Кутырева, Г.П. Меньчикова, Л.Е. Моториной, В.А. Панпурина, Д.В. Пивоварова, Г.В. Платонова, С.М. Поздязевой, С.Н. Семенова, В.И. Слободчикова, А.К. Уледова, Е.В. Ушаковой, И.В. Фотиевой, С.В. Франц, и др. Срез соотношения духовности и нравственности, а также аксиологический аспект духовности, в том числе, трактовки духовности в космизме отражены в работах Е.П. Алексеевой, Х.А. Барлыбаева, Н.В. Башковой, С.К. Бондыревой, С.К. Васильева, П.В. Вахреневоy, П.С. Гуревича, А.А. Гусейнова, О.Г. Дробницкого, В.Ю. Инговатова, Т.А. Ионовой, М.С. Кагана, Е. М. Калашниковой, Н.С. Катуниной, Г.П. Ковалевой, Д.В. Колесова, В.А. Кувакиной, Р.Л. Лившиц, И.Н. Михеевой, Л.А. Мясниковой, В.А. Пономаренко, В.И. Федотовой, З. В. Фоминой, С.В. Хомутцова, И.В. Черниковой, И.А. Черных, В.Н. Шердакова, С.И. Шлекина, С.П. Штумпф, Л.А. Шумихиной. Аспекты духовности в ее художественно-эстетическом ракурсе представлены в работах Д.С. Лихачёва, А.М. Панченко, Л.А. Шумихиной и других.

Тема духовности активно прорабатывается теоретиками концепции жизненных сил (витализм): культурвитализма и социального витализма. Данное направление представлено такими исследователями, как С.И. Григорьев, Л.А. Гуцаленко, Л.Д. Дёмина, С.Ф. Денисов, А.А. Короткова, Х. Понтер, Е.А. Попов, Ю.Е. Растов, Т.А. Семилет, А.С. Фролов и другие.

Евразийская трактовка духовности, в том числе через призму модели духовно-экологической цивилизации, представлена в работах Т.А. Артамоновой, С.И. Бондаренко, С.М. Журавлевой, А.В. Иванова, И.Н. Каланчиной, Н.Н. Моисеева, Ю.В. Попкова, В.С. Степина, А.И. Субетто, Е.А. Тюгашева, А.Д. Урсула, И.В. Фотиевой, М.Ю. Шишина.

Вопросам современной (с конца XX в.) трансформации духовности, в том числе религиозной духовности и религиозности, появлению понятия «новая духовность» в апологетическом продвижении новых религиозных движений (НРД)

и разнообразных групп Нового века (New Age) посвящены работы западных религиоведов и социологов религии, а также некоторых отечественных исследователей.

В современной западной философии, социологии религии и религиоведении принято вести точку отсчета с конца XX и, соответственно с культурных событий именно западного общества, где массовая потребительская культура сделала своеобразный разворот в сторону интереса к определенной «новой духовности» одновременно с сексуальной революцией и хиппи. На Западе активно экспериментировали в духовно-религиозной сфере. Трансперсональная психология, совмещающая восточные практики с наркотическими препаратами, дала много фактического материала. Рост новых религиозных движений (НРД), культов и, соответственно, рост их приверженцев, в том числе среде ученых, молодежи, в шоу-индустрии, спровоцировал интерес как к изучению «новой духовности», так и одновременно к ее обоснованию и продвижению. Появляются теории «невидимой религии» Т. Лукмана, «имплицитной религии» Э. Бэйли, «веры без принадлежности» Г. Дэви, «диффузной религии» Р. Киприани, «неопределенной религиозности» («Fuzzy Fidelity») Д. Воаса и А. Крокета, «окультуры» Д. Кирби, «духовной революции» Л. Вудхед, П. Хееласа, «неинституциональной религии» М. Борга, «псевдорелигии» И. Ваха, «квазирелигии» П. Тиллиха, «гиперрелигии» А. Посамэ, «придуманных религий» К. Кьюсак, теории Брикколажа «bricolage» Д. Эрвье-Лежер и других. Е.Д. Руткевич перечислила более десяти видов «духовности» в западной науке: «экуменическая», «воплощённая», «феминистская», «холистическая», «интегральная», «научная», «светская», «визуальная», «трудовая», «духовность киберпространства» и т.д.

Так, в отношении феминистической духовности, которая сейчас определяется со своим отношением к новой становящейся культуре и к трансгуманизму, в том числе, Р. Брайдотти, вслед за Д. Харауэй, четко обозначила свою позицию о будущем постчеловеке как «неунитарном субъекте», или постсущество, путь к которому лежит через «новую духовность». Подробный критический обзорный анализ «новой духовности» в формате Нового века

представлен М. Добровольским («Holistic/New Age Spirituality»). Понятие «новая религиозность», медиарелигиозность как «эkleктическая смесь отдельных элементов традиционных религий, восточной мистики, популярных псевдонаучных теорий, многочисленных мифов и суеверий» в массовой культуре представлено у Ю.В. Рыжова. Исследование пересечений новой духовности/религиозности с популярной/массовой культурой и квазирелигиозностью представлено в работах О.Н. Михельсон.

В этом русле в большинстве работ по современной культуре исследователи применяют следующие определения: «потребительская культура», «массовая культура», «информационная культура» «нарциссическая культура», «культура эпохи постмодернизма». Исследования массовой культуры представлены в работах Т.С. Злотниковой, А.В. Костиной, А.В. Кукаркина, К.Э. Разлогова, А.И. Шендрика, и других.

Активно появляются теории, в которых аргументируется завершение постмодернизма и формирование новой культуры, в целом пока обозначенной как «постпостмодернистская»¹, ее синонимами могут стать названия теорий, предложенные следующими авторами новейшей трансформации культуры: диджимодернизм А. Кирби, в котором сделан акцент на новой трактовке современного цифрового текста, теория «автомодернизма» Р. Сэмюэлса, метамодернизма Р. Аккера, Т. Вермюлена, ремодернизм Б. Чайилдиша, Ч. Томсона, перформатизм Р. Эшельмана и другие концепции.

В России также появляются различные трактовки современного состояния культуры, например, в антропологической теории «человека перехода» С.А. Смирнова, описывающей момент смены философской эпохи постмодерна на еще не сформировавшийся следующий этап историко-философского развития, где главенствует неопределенность, которую С.А. Смирнов обозначил как «культурная пауза».

¹ Американский культуролог Дж. Нилон предложил термин «постпостмодернизм» в 2012 г. См.: Nealon J. T. Post-postmodernism: or, The logic of just-in-time capitalism. Stanford, 2012.

Одна из новейших отечественных работ, раскрывающая различные аспекты культуры после постмодернизма, – диссертация А.В. Павлова «Философия культуры в постпостмодернизме». Анализу современного состояния «постпостмодернистской культуры» и такой ее разновидности, как нарциссическая культура (эгоистичная, гедонистическая), посвящены работы отечественных ученых – П.А. Ореховского и В.И. Разумова (породившие большую дискуссию), С.М. Журавлевой, Г.А. Иларионова и В.И. Кудашева, И.В. Сохань.

Мы разделяем мнение о «конце постмодернизма», в рамках которого обозначились новые явления и процессы, знаменующие процесс радикальной трансформации современной культуры. В духовно-религиозном аспекте она предстает как постсекулярная культура. Осмысление термина «постсекулярная культура» встречается редко, но такая необходимость уже назрела. Исследования постсекулярности в рамках философско-культурологического, а также теологического анализа встречаются в работах Дж. Капуто, А. В. Зондервана, подчеркивающего предчувствие постсекулярной культуры в работах Ф. Риффа. Религиовед А. Портерфилд применил термин «постсекулярная культура» для критического описания растущего влияния религии на высшее образование в США. Литературовед Дж. Макклор использовал понятие «постсекулярная культура» для описания культуры, в которой родились анти-секулярные мотивы жажды духовного как ситуации «частичной веры» (анг. «Partial Faiths») в современной американской литературе. В работах отечественных исследователей К.А. Багаева, Е.В. Кныш, Е.В. Кузьминой, Г.Я. Куликова, Т.П. Минченко, К.В. Пашкова, Р.Р. Фазлеевой, Д.А. Цыплакова и других фиксируется типология современной культуры с учетом постсекулярных характеристик. В отношении постсекулярной культуры в контексте современности становится востребованной теория множественных современностей Ш. Эйзенштадта, ее вариации в работах Й. Арнасона. В рамках московской антропологической школы, в диссертации В.Г. Кириленко постсекулярность определяется процессом реонтологизации. Итак, помимо необходимости выявить характеристики постсекулярной культуры применительно к трансгуманизму, необходимо показать наметившиеся тенденции

– развитие техницистского, а также антидуховного трансгуманизма, где человеку не остается места, в особенности, подлинно духовному человеку, с вечными ценностями и возможностью безграничного личного преображения, что мы находим в русской религиозной философии.

Признанными методологами и теоретиками трансгуманизма среди современных ученых принято считать В. Бейнбриджа, Н. Бострома, В. Винджа, Р. Курцвейла, М. Мора, Д. Пирса, Дж. Хьюза, М. Уолкера. Среди отечественных философов – это Д.И. Дубровский с его информационной теорией, Д.И. Ицков, Д.А. Медведев и В.В. Прайд, А.В. Турчин – организаторы Российского Трансгуманистического движения и другие.

Трансгуманизму как таковому и явлениям, с ним связанным, посвящены работы Ж. Бодрийяра, Э. В. Ильенкова, В.Н. Катасонова, В.А. Кутырева, В.А. Лепского, П.Д. Тищенко, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, С.С. Хоружего, представителей Изборского клуба (динамический консерватизм): В. В. Аверьянова, работы Русской экспертной школы В.А. Щипкова, работы О.Н. Четвериковой и других.

К западным критикам трансгуманизма или отдельных его направлений, как, например, теории «Human Enhancement», следует отнести: М. Хаускелера, Т. Питерса, Т. Вульфа, Д. Трейси, В. Феркиса, Дж. Эллула, Р. Нибура, Х. Тирош-Самуэльсон. Х. Вайзман критикует нейроредукционизм (нейробиологическое обоснование морали). Продолжает критику нейроэтики с богословской точки зрения Н. Мессер, который выделяет в современной науке *нейроманию* – желание подставлять приставку «нейро» ко всему, при этом он видит господство нейроэссенциализма в трансгуманистических теориях. Отдельные критические статьи написаны С. Дин-Драммонд, Э. Дэвисом, Дж. Ланиром, А. Макколумом, Р. Манцокко, Р. Спероу, Н.К. Хейлз.

Отечественные критики трансгуманизма: П.С. Гуревич, Н.Н. Ростова, С.С. Хоружий, Б.Г. Юдин. Критика некорректной трактовки идей космизма трансгуманистическими идеологами встречается в работах авторов Изборского клуба: В.В. Аверьянова, С.Д. Баранова, А.Ю. Комогорцева, К.А. Черемных,

И.А. Шнуренко, и других, а также у В.Д. Бугарь, А.И. Нафиковой. А.Е. Шишкин пишет о возможной войне между человеком и постчеловеком, также данной теме посвящены некоторые работы Д.А. Беляева и А.А. Коновалова.

Среди последних диссертаций по теме трансгуманизма или смежным темам следует отметить работы И.С. Буйнякова, А.А. Дыдрова, Д.К. Казеннова, В.В. Трофимова, Э.Т. Эрдэнэева. В.Г. Кириленко проводит различие понятий «технологической сингулярности» и «антропологической сингулярности». Отношение к трансгуманизму в традиционных религиях рассмотрено в работах И.В. Аксенова, В.И. Таланина.

Автором данной работы в течении ряда лет осуществлялось исследование «новой духовности» и религиозности в контексте этнокультуры, конфессионального разнообразия, социологического мониторинга отдельных организаций, групп и авторских проектов в Республике Алтай¹.

В то же время, несмотря на обилие разноплановых работ, на наш взгляд, здесь остается большое пространство для дальнейших исследований, особенно в аспекте детального анализа проблем духовности и ее современного антипода, антидуховности, что и определило выбор темы диссертации.

Научная проблема. Понятие «новая духовность» (в английском языке «spirituality») появилось в западной науке в постсекулярный период. Под ним понимается целый спектр, на первый взгляд, разнородных направлений и движений, которые тем не менее объединены рядом признаков, в первую очередь, определенными мировоззренческими основаниями. Анализ этих оснований, выявление и систематизация основных признаков и характеристик, форм проявления «новой духовности» в современной культуре, искусстве, социальной жизни; сопоставление с характеристиками и признаками духовности, понимаемой в традиционном смысле, на сегодняшний день представляет собой важную проблему как в теоретическом, так и в практическом плане, особенно с учетом

¹Хвастунова Ю. В. Новый тип религиозного лидера в неоязычестве на примере группы Алтай Янг Ак Янг в Республике Алтай // Народы и религии Евразии. 2019. № 18(1). С. 104-112; Хвастунова Ю. В. Современное тенгрианство (на примере версии тенгрианства В.А. Сата в Республике Алтай) // Colloquium heptaplomeres. 2018. Вып. V. С. 33-43.

растущей пропаганды «новой духовности» и подмены ею на понятийном уровне подлинной духовности, что нередко является целенаправленным идеологическим актом и определяет культурную политику общества постсекулярной культуры. При этом среди наиболее влиятельных и одиозных движений, трансформирующих современную духовность, выделяется трансгуманизм, хотя последний продолжает на официальном уровне отрицать наличие своей духовно-религиозной программы, и данная тема также нуждается в углубленном рассмотрении.

Объект – феномен духовности в постсекулярной культуре.

Предмет – основные направления и аспекты трансформации духовности в постсекулярной культуре.

Цель исследования: выявить базовые идеи, характеристики и формы трансформации духовности в постсекулярной культуре.

Задачи диссертационного исследования:

1. Дать обзор различных подходов к определению духовности с опорой на ее понимание в русской религиозной философии и ее современных трансформаций, представленных в понятии «новой духовности».

2. Проанализировать понятие и феномен постсекулярной культуры как социокультурной основы формирования «новой духовности» в соотношении с трансгуманизмом как ядром современной постсекулярной культуры.

3. Выявить культурфилософские основы осмысления «новой духовности».

4. Установить методологические основания рецепции «новой духовности» в трансгуманизме.

5. Определить специфику трансгуманистических организаций в условиях развития постсекулярной культуры.

6. Охарактеризовать теории и проекты трансгуманизма в современной культуре.

7. Установить проекции псевдоконфессиональной конвергенции в их соотношении с моделями духовности в трансгуманизме.

8. Выявить основные направления концептуализации русской «философии сопротивления» в разрезе достижений ее отдельных школ и авторских теорий как альтернативу «новой духовности».

9. Дать оценку процессам трансформации современной духовности в постсекулярной культуре.

10. Рассмотреть формы проявления «новой духовности» на примере соответствующих ее вариантов в социокультурном пространстве Республики Алтай.

Теоретические основания исследования могут быть представлены следующими тезисами с опорой на нижеуказанных исследователей: 1) восприятие культуры как цельной, ядром которой являются высшие духовные ценности, зафиксированные, в первую очередь, в религиозных традициях и религиозно-философских концепциях (Н.А. Бердяев, А.В. Иванов, Г.П. Ковалева, Л.А. Коневских, Ю.В. Рыжов, В.С. Соловьев, В.Г. Федотова, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и другие), в противовес интерпретации ее как бессистемного неиерархизированного конгломерата равнозначимых мнений, идей, артефактов и концепций; 2) представление о человеке как о цельном, прежде всего, духовном существе, в противоположность искусственным, гибридным, дигитальным моделям «расчеловеченного» человека: гомутера, трансчеловека, постчеловека (Ф.И. Гиренок, П.С. Гуревич, В.А. Кутырев, Е.А. Попов, Н.Н. Ростова, Т.А. Семилет и другие); 3) выделение современного этапа развития культуры как постсекулярного в контексте неопределенности/переходности, а также видение секулярности как изначально ограниченного в методологическом плане понятия (Э. Зверде, А.В. Зондерван, Е.В. Кныш, А. Кырлежев, Т.П. Минченко, А. Портерфилд, Б. Тернер, В.А. Щипков, Д.А. Цыплаков, Ю. Хабермас и другие); 4) утверждение необходимости особого пути развития русской культуры и прочих культур как уникальных, в контексте «священной истории», вариативности современности в противовес западноцентричным представлениям (В.В. Аверьянов, В.Э. Багдасарян, Н.Я. Данилевский, Н.А. Нарочницкая, А. Тойнби, О. Шпенглер, Ш. Эйзенштадт и другие); 5) необходимость учета амбивалентного характера и

роли техники в современном обществе и культуре (У. Бек, Н.А. Бердяев, П. Бурдьё, Ф.И. Гиренок, М.А. Кильдяшов, В.В. Миронов, З.А. Сокулер, Х. Тирош-Самуэльсон, Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский, Ю. Хабермас и другие); 6) анализ современной оккультуры «новой духовности» в формате постсекулярных процессов с учетом растущего влияния трансгуманизма на культуру (Э. Дэвис, Д. Кирби, К.А. Колкунова, Т. Питерс, О.Н. Четверикова и другие); 7) определение закономерности усиления позиций антинейроредукционизма в культурном пространстве (Дж. Аннас, М. Газзанига, Л.Р. Каас, Ф. Коллинз, У. Пенфилд и другие).

Методологические основания исследования. Методологической основой исследования является культурфилософский подход, ориентированный на понимание культуры в её целостности, всеобъемлемости и системной связности, в полноте конкретных форм ее существования, функционирования и развития. Этот подход применен к анализу современной постсекулярной культуры и, в первую очередь, важнейшего фактора, оказывающего влияние на ее развитие, а именно, трансгуманизма. Аксиологический подход дает возможность определить современную культуру через систему фундаментальных ценностей, в соотнесении с духовно-нравственными ценностями в русской религиозной философии. Философско-антропологический подход, используемый в работе, предполагает взгляд на человека на уровне его сущности, специфики именно человеческого бытия, в противоположность биологизаторским и социологизаторским подходам.

Помимо указанных, в работе используется междисциплинарный подход, позволяющий использовать наработки и данные из различных наук (религиоведения, социологии, антропологии, генетики, литературоведения, культурологии и т.д.).

Методы исследования. Среди общенаучных методов, в первую очередь, использовался метод типологизации при анализе форм проявления «новой духовности». Историко-философский и историко-генетический методы применялись для анализа этапов формирования трансгуманистической духовности, начиная с ее квази-религиозных основ и модификаций вплоть до

современного этапа совмещения традиционных религиозных идей с теориями моделируемой вселенной, цифровой матрицы, виртуального мира личностной духовности и виртуальных церквей, единой мировой трансрелигии человекобога.

С помощью диалектического метода стало возможным рассмотрение современной трансформации духовности в изменяющейся противоречивой постсекулярной культуре, включая учет принципов противоречивости, развития, взаимосвязи и системности. Элементы герменевтического метода применялись для выявления неявных смыслов, контекста, «двойного дна» понятий, определений и принципов трансгуманизма в части его презентации «новой духовности», проекта «human enhancement» в первоисточниках и исследовательской литературе.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Дана оценка эвристическому потенциалу использования понятия духовности для характеристики явлений и процессов человеческого индивидуального и коллективного бытия в системе ценностно-смысловых координат традиционной духовности и «новой духовности».

2. Выявлены ключевые особенности постсекулярной культуры, связанные с поляризацией представлений о духовности и противопоставлением основных черт традиционной и «новой духовности».

3. На основании обобщения идей ряда мыслителей выявлены культурфилософские основы осмысления «новой духовности» с акцентом на концептуализации цельной явленности Духа.

4. Одним из ключевых методологических оснований рецепции «новой духовности» в трансгуманизме названо положение, в соответствии с которым трансгуманизм имеет старую мировоззренческую (антидуховную) основу, идеи и практики которой в полной мере начали реализовываться в условиях развития постсекулярной культуры.

5. Установлено, что в основании понятия «новой духовности» лежат оккультно-магические идеи и практики, адаптированные к восприятию современного массового человека и реализованные в деятельности конкретного движения «Нью Эйдж», при этом «новая духовность» соотнесена с таким

атрибутивными характеристиками человеческого бытия, которые по своей сути являются перверсиями традиционной духовности.

6. Доказано, что в главном проекте «духовности» трансгуманизма – «Human Enhancement» воплощена трансгуманистическая «духовность», опирающаяся на базовые принципы и идеи трансгуманизма.

7. Выявлены проекции псевдоконфессиональной конвергенции в их соотношении с моделями духовности в трансгуманизме, через которые осуществляется презентация и апология «новой духовности» с внедрением ее идей и установок в человеческую культуру.

8. В качестве основных направлений концептуализации русской «философии сопротивления» в разрезе достижений ее отдельных школ и авторских теорий как альтернативы «новой духовности» проанализированы соответствующие ценностно-смысловые установки «новой духовности» в современном искусстве с эстетизацией форм и концептов, обусловленных игровым началом и не связанных с традиционной духовностью и известными классическими принципами отражения реальности.

9. Выявлены принципы, лежащие в основании процессов трансформации современной духовности в постсекулярной культуре и позволяющие идентифицировать трансгуманистический проект «философии сопротивления», в рамках которого переосмысливается содержание традиционной системы культуры и «традиционного» человека.

10. Представлена локальная презентация «новой духовности» с присущими ей базовыми характеристиками в региональном контексте этнокультуры Республики Алтай в деятельности движения «Алтай Дян Ак Дян».

Положения, выносимые на защиту:

1. В современной сложной мировой ситуации, связанной с обострением международной обстановки и социально-экономических проблем, с ростом многих кризисных явлений важной задачей является анализ доминирующих в современном обществе идей и установок, мировоззренческих оснований разных типов культур, базовых понятий и их интерпретаций. Среди этих понятий важное

место занимает понятие *духовности*, которое можно считать интегральным, характеризующим суммарный вектор ценностных и моральных установок, жизненных целей и господствующих представлений о мире как индивида, так и социальной группы или общества в целом. Это понятие сегодня подвергается множеству интерпретаций, среди которых можно выделить два основных полюса, представленных в терминах «традиционная духовность» и «новая духовность».

2. Поляризация представлений о духовности обусловлена противоречиями становления *постсекулярной культуры*. Последняя характеризуется следующими чертами: амбивалентность и религиозная неопределенность; «спектральность» проявлений по отношению к традиционным религиям; гибридность, хаотичное смешение элементов «новой духовности» с традиционной; пластичность, в силу чего то или иное направление в культуре быстро «заражается» влияниями и меняет вектор. В целом в постсекулярной культуре можно выделить два полюса, ориентированные соответственно на «новую духовность» и на традиционную.

3. Обобщая размышления и выводы многих мыслителей, в первую очередь, представителей русской религиозной философии, можно дать следующее определение традиционной духовности: это цельная явленность Духа, раскрывающегося при условии умосердного живого знания, опирающегося на фундаментальные нравственные ценности, где человек как единое духовно-телесное существо (единство психофизиологического, эмоционально-когнитивного и духовно-нравственного уровней) в пределе преображается в богочеловека и достигает единства с миром и с людьми. Соответственно, духовность включает волю к всестороннему личному совершенствованию, познанию и творчеству; любовь и сопереживание всему живому; реализацию принципов нестяжательства и служения; признание достоинства и чести человека.

4. «Новая духовность» – термин, отражающий представления о радикальной эволюции духовности, господствующие в различных направлениях западной науки и философии. Одним из ее основных истоков можно считать популярное движение «Нью Эйдж», базирующееся на оккультно-магических идеях

и практиках, адаптированных к восприятию современного массового человека. «Новая духовность» может быть охарактеризована следующим рядом признаков: неинституциональность; квази (псевдо-)религиозность в виде эклектической смеси отдельных и часто искаженных или редуцированных элементов из различных религий, магии и пр.; редукция «священного» до «сакрального» и сакрального до обыденного; моральный плюрализм с преобладанием гедонистической этики; нецельность; вариативность.

5. Разновидностью «новой духовности» является трансгуманистическая «духовность», опирающаяся на базовые принципы и идеи трансгуманизма: а) технооптимизм, сциентизм и технопрогрессизм, откуда следует редукция всего разнообразия культуры до технической цифровой опции; б) теория моделируемой Вселенной и нейробиологической концепции сознания, откуда следуют идеи «загрузки» сознания: его эмуляции, оцифровки и включения оцифрованных сознаний в единую мировую сеть, подчиненную «цифровому Богу» (Сверхразуму); в) культ клонирования с претензией на полную идентичность копии и оригинала; г) применение к людям новейших радикальных технологий: генетической редакции, нанотехнологий, дизайнерских наркотиков и в итоге трансформация человека в постчеловека-киборга, достигшего цифрового бессмертия. «Духовность» трансгуманизма в наибольшей степени отражена в главном проекте – «Human Enhancement».

6. Презентация и апология «новой духовности», внедрение ее идей и установок в культуру осуществляется посредством следующих методов и приемов: а) использование постмодернистской языковой игры, заменяющей классическую философскую аргументацию, понятий «с двойным дном»; понятий-«фантомов», ложных оппозиций; б) апелляция к научным достижениям и техническим новациям, в том числе, к тем, которые еще не состоялись, не исследованы в плане возможных последствий или имеют очевидные негативные последствия; в) игнорирование онтологических, гносеологических и антропологических оснований культуры; г) использование имитаций, виртуальных симуляций, фейков и фантазий. Активизируется деятельность ведущих международных организаций,

транслирующих идеи и установки «новой духовности» и рекрутирующих новых последователей.

7. В современном искусстве фиксируется рост установок «новой духовности»: а) размывание границ между противоположными моральными нормами и ценностями; б) отрицание уникальности человека, который трактуется как конструкт, переходный вид, должный смениться трансчеловеком, а затем постчеловеком; в) апологетика и внедрение образов мутантов и киборгов, андрогинов; г) гипертрофированная сексуальность и гомосексуальность; д) предпочтение без-образного, эстетизация негативных явлений; е) включение элементов «оккультной духовности» (процесс как мистерия; арт-объект как оккультно-магический акт) и синтез цифровых технологий с оккультно-магическими; ж) агрессивные методы воздействия на человека (чувственно-эмоциональная экзальтация с акцентуацией на боли). Превалирует игровой формат внедрения данных установок, при котором снижается порог критичности реципиента. Используются следующие приемы: эпатаж, провокация, сочетание несочетаемого, недосказанность и ложь, сарказм, ирония; популярной стала цифровая метафора, которая, после стадии принятия, из метафоры превращается в факт в сознании зрителя.

8. Трансгуманистический проект, по убеждениям его сторонников, пройдя точку невозврата, готов завершить проект «культура», атрибуты которого полностью трансформируются или исчезнут вместе с «традиционным» человеком. В связи с этим в рамках отечественной мысли формируются основания альтернативного проекта, называемого «философией сопротивления». Он опирается на следующие принципы: а) доминирование «человека духовного» в противовес трансчеловеку и постчеловеку; б) признание объективной реальности, телесности, сознания, жизни, абсолютных истин, целостности и подлинности в противовес искусственности/имитации; в) сердечное созерцание в противовес когнитивным практикам дигитальной философии; г) «теозис», естественное преобразование человека против искусственных и механических «Human Enhancement Technologies»; д) утверждение подлинной свободы и отвержение ее

симуляций в виде «морфологической свободы», «принципа проактивности»; е) признание человеческой уникальности и запрет радикальных экспериментов над человеком; ж) цельность и самодостаточность, в том числе включающие половую самоидентификацию (мужчина и женщина), реализующую возможность подлинного союза полов; з) разумное технологическое развитие против неофильства, технооптимизма и технопрогрессизма; и) служение прекрасному в искусстве против эстетизации безобразного и античеловеческого; к) соборность, всеединство и иерархичность против сетевого конгломерата («сетевидности») и цифрового пост-общества.

9. «Новая духовность» в региональном контексте сохраняет свои базовые характеристики, но преломляется через призму этнокультуры, специфических верований и их комбинаций, что можно видеть на примере движения «Алтай Дян Ак Дян» в республике Алтай. Движение базируется на идее совершенствования человеческой природы и открытия сверхспособностей; учении о новой планетарной эре; на трансформированных оккультно-магических культах и практиках; на своеобразной интерпретации экологических идей.

Теоретическая и практическая значимость. В работе представлена амбивалентная суть постсекулярной культуры, где в случае разворачивания негативного сценария, с доминированием антидуховности / «новой духовности», осуществится закат и гибель человечества. Решение поставленных в диссертации задач будет способствовать более актуальному и глубокому пониманию трансформации духовности в постсекулярной культуре с учетом влияния трансгуманизма.

Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью изучения и объективного понимания изменений в духовно-религиозной сфере современного общества и культуре как на региональном, так и на мировом уровне, поскольку компьютеризация, цифровизация, рост влияния дигитальной философии оказывают непосредственное влияние на духовность. Сама духовность трансформируется и привносит новые формы коммуникации, презентации в сеть. Например, на региональном уровне, растет сегмент новой духовности New Age.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в лекционных курсах по философии, культурологии, социологии культуры, социологии религии, а также для практических исследований в данном направлении, в том числе, на региональном уровне, в частности, в Республике Алтай и сопредельных регионах.

Достоверность результатов диссертации подтверждается постановкой проблемы, определением предмета, корректным использованием понятийно-категориального и терминологического аппарата, философской методологии, большим объемом проанализированной научной и философской литературы по соответствующей проблематике с ее критическим обобщением и выделением ключевых направлений исследований.

Апробация исследования. Результаты исследования представлены в авторской монографии (13 усл. п. л.) и четырех коллективных монографиях, в 32 статьях в журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ, в том числе в «Web of Science», и 5 статьях в международных зарубежных журналах, а также в статьях, представленных в РИНЦ.

Основные положения работы обсуждены автором на конференциях и семинарах: ежегодной международной научной конференции «Макарьевские чтения» (г. Горно-Алтайск: с 2006 г. по настоящее время); во Всероссийской научной конференции VIII Сибирский философский семинар «Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции» (13-15 сентября 2019 г.); в научно-практической конференции «Государство, Общество и Церковь: российская нация и национальное единство» с международным участием (11-12 ноября 2021 г., г. Новосибирск); на международной научной конференции «Бренное и вечное: мифология и социальные технологии цифровой цивилизации» (22-23 ноября 2021 г., г. Великий Новгород) и других.

Результаты исследования были использованы в преподавании курсов «Социология культуры», «Социология религии», «Религия как социальный институт в системе социального управления».

Материалы диссертации прошли апробацию в работе Совета при Главе Республики Алтай, Председателе Правительства Республики Алтай по межрелигиозным отношениям; на круглых столах в Комитете по национальной политике и связям с общественностью РА, а также на семинарах Общественной палаты РА и на круглых столах, проводимых Советом городской администрации по вопросам взаимодействия с религиозными организациями (г. Горно-Алтайск).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих десять параграфов, заключения и списка использованной литературы из 463 источников, в том числе, более 100 на иностранном языке. Общий объем диссертации составляет 288 страниц.

Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования духовности в постсекулярной культуре

1.1. Эвристический потенциал соотношения традиционной духовности и «новой духовности»

Исследователи духовности уже на стадии знакомства с материалами сталкиваются с проблемой выбора той или иной классификации подходов к столь востребованной теме. Во-первых, существуют различные подходы и трактовки духовности в философии, культурологии, теологии, религиоведении, социологии религии, психологии и педагогике. Также принято различать подходы к духовности по следующим основаниям: религиозный (разделяемый на религиоведческий и теологический), мистико-эзотерический, который активно включается в современную западную науку, в частности, в социологию религии, а в ее рамках в социологию духовности, затем, собственно научный и философский подходы, которые также подразделяются на различные направления.

Помимо этого, существует исторически оформившаяся, классическая религиозная трактовка данного понятия, а параллельно ей развивается многовековая философская традиция интерпретаций духовности, в частности, с особым акцентом представленная в русской философской школе. Также налицо уже довольно четко прорисовывающаяся тенденция, по крайней мере, в западной мысли, внедрения нового смысла и отсюда новой терминологии применительно к духовности: «новая духовность», «spirituality»¹, «новая религиозность», органически вписанная в некий проект будущего, в частности, в трансгуманистическую парадигму.

Проблемы духовности существовали всегда, но их конкретное выражение варьировалось в зависимости от исторической эпохи, типа общества, особенностей той или иной цивилизационной матрицы с ее доминирующим типом культуры,

¹Достаточно сравнить термин «духовность» в философских словарях на английском и русском языках, чтобы обнаружить существенную разницу, которая фиксирует, насколько в данном вопросе Запад и Россия уже принципиально различно смотрят на человека, культуру и общество.

ролью отдельной личности и т.д. В древних цивилизациях духовность выражалась в той или иной религиозной традиции и следовании ей и прежде всего, в культовой религиозности, которая широко реализовывалась как в социальном плане, так и в экономико-политическом.

В Средние века шла длительная дискуссия о соотношении в духовности (и в религии в целом) веры и разума, далее Запад развернулся в сторону секуляризации, прежде всего в утверждении деистических представлений, затем прямо атеистических, что отразилось в появлении целого ряда философских течений, где элиминирование самого понятия духовности постепенно было доведено до логического конца в философии постмодернизма. Это, безусловно, сказалось на всей социокультурной жизни современного общества.

В современном российском научном и философском пространстве в обсуждении темы духовности наблюдался сильный крен в сторону психолого-педагогических¹ теорий. Такая обусловленность имела под собой основу – социальный заказ и востребованность в подобных диссертациях с начала XXI века. Ряд таких работ был призван существенно потеснить серьезное направление изучения духовности в социальной философии и философской антропологии, развивающееся уже более века, где формировались глубокие концепции духовности, проработки самого определения, атрибутов, эволюции духовности, типологий духовности.

В западной мысли, в работах по социологии религии, в религиоведении, философии предпринимались попытки обосновать на новом этапе так называемую «новую духовность». Во многом такие исследования шли в аспекте анализа процессов секуляризации, десекуляризации, «возвращения религии», «приватизации религии» и постсекуляризации. Одновременно они перемежались с темой осмысления тенденций современности, обычно в европоцентристском (западоцентристском) ключе. Соответственно, противоположные концепции, как,

¹ Новые трактовки духовности должны были «помочь» РФ и, например, российской системе образования перейти на рельсы болонской системы, отсюда новые проекты, многочисленные ФГОСы, компетентностный подход и прочее.

например теория множественной современности Э. Эйзенштадта, покоящиеся на более ранних идеях цивилизационной школы (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, О. Тойнби) были не в почете.

Важность и непреходящее значение темы духовности в ее религиозном понимании подтверждается постоянным и, более того, растущим интересом к проблемам религии, секуляризации, религиозной политике¹. При этом, хотя в нашей стране, начиная с постперестроечного периода, не принято критиковать религию как таковую, но объемные критические работы все же находят для себя «легитимные каналы». По большей части, это критика конкретной конфессии, преимущественно РПЦ, или, шире, так называемых традиционных конфессий² и традиционных ценностей, что вылилось в резонансные акции, осуществляемые не на безвозмездной основе, которые можно охарактеризовать как «пробные тесты», провокации³ с целью выявить степень готовности российского общества к более широкому внедрению «новой духовности» во все сферы отечественной культуры.

Теперь кратко выделим основные смысловые значения духовности.

Так, в работах В.С. Барулина фиксируется интегральное, комплексное определение понятия «духовность». Он подчеркивает ее всеобъемлющий и многоуровневый характер⁴. Духовность – это то, что лучше всего характеризует и отличает человека от всего остального (*сущность человека*), и отсюда вытекает весь потенциал человеческих возможностей. В итоге духовность обретает *онтологический интегративный характер*. Этот вывод косвенно подтверждается

¹Аглей Е. А. Репрезентация образа религии на российском телевидении. Казань, 2019; Антиклерикализм как культурно-исторический феномен / отв. ред. М. М. Шахнович. СПб., 2011; Глаголев В. С. Столкновение в светском обществе религиозных и секулярных парадигм // Проблемы укрепления единства российской нации. 2014. Ч. 2. С. 48–55; Кржевов В. С. Религия в современной России: духовное возрождение или клерикализация общества? // Философские науки. 2012. № 10. С. 93–105; Малахов В. С., Летняков Д. Э. Мерцающий секуляризм: религия в российском публичном пространстве // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 135–149; Шнирельман В. Религиозная культура или приглашение в религию – чему учат новые учебники? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 4 (35). С. 89–118.

²Бесков А. А. Антиклерикальный дискурс в современной российской науке // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 1. С. 88–111.

³Повсеместные синхронные акции, наподобие Pussy Riot, Femen, заявки на гей-парады во всех крупных центрах, что вовсе не определялось спросом общества или политической повесткой дня в России.

⁴Барулин В. С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии. М., 1994. С. 88–110.

⁴Пичко Н. С. Духовность человека как философская проблема // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. Том I (Культурология). С. 89.

множеством работ в разных областях науки, где духовность как раз отражает некие объединяющие общие универсальные начала.

Этот подход коррелирует с традицией русской религиозной философии. Многие русские философы имели не только высшее философское, но и естественнонаучное и/или техническое образование и одновременно отличались профессиональными познаниями в области религии. Ряд философов, ученых являлись богословами, священниками, организаторами профильных институтов и центров, например С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев и т.д.

Как правило, русские философы начинали с анализа этимологии слов, отталкиваясь от языка, на котором написано основное произведение, и заканчивая рассмотрением языковых нюансов у различных народов мира как представителей той или иной культуры. Понятие «духовность, духовное» в русском языке происходит от слова «дух», а последнее предполагает важные смысловые акценты: дыхание, сердце, дуновение Бога¹ и дар жизни. Конечно, подобные корни слова «духовность» находят не только в русском языке.

Так, исследователь Н.С. Пичко², обращаясь к анализу понятия «дух» у Э. Тэйлора, выделяет переводы: «тень», «дыхание», «сердце». У русских философов, с отсылкой к библейской трактовке, подчеркивается перевод – «ветер, дуновение», нечто легкое, неуловимое, нематериальное, данное от Бога³. Правда далее, описывая историю трактовки духовности в отдельных эпохах, Н.С. Пичко⁴ повторяет устоявшийся тезис об игнорировании и принижении телесности в средневековой христианской философии, но это не совсем так. Ученые, анализируя внешние признаки, например, некоторую «легкость» изображения телесности на средневековых миниатюрах или правила жесткой аскезы, делают вывод о принижении телесности (клише: «тело-темница») и акцентировании лишь на

¹ Приведем одно любопытное наблюдение: сколько шума возникло по поводу предложения писать слово «Бог» с большой буквы. Но вот, например часто слово «Artificial Intelligence» - Искусственный Интеллект или ИИ пишут с большой буквы, и никто не возражает.

² Пичко Н. С. Указ. Соч. С. 62-67.

³ Бердяев Н. А. Дух и реальность. М.; Харьков, 2003. С. 73.

⁴ Пичко Н. С. Указ. Соч. С. 63.

духовно-душевном плане. Но необходимо этот вопрос рассматривать в контексте всего христианского богословия, поскольку «строгости» в отношении тела как раз связаны не с принижением или отказом от него (как у гностиков или сторонников виртуальной иммортологии у трансгуманистов), а с желанием его спасти и преобразить: спастись должен весь человек, поскольку и Христос воскрес весь, духовно и телесно. Русская религиозная философия хорошо знала богословскую традицию, умела ее включать в философский дискурс и развивать далее, с учетом современного языка. Поэтому неудивительно, что у Н.А. Бердяева, или С.Н. Булгакова духовность и дух перекликаются с ветхозаветными и новозаветными смысловыми трактовками¹.

В качестве показательного примера следует упомянуть развернутую трактовку отношений: «Святой Дух – душа – духовность» у Серафима Саровского в его беседе с Н. Мотовиловым о стяжании Святого Духа, где преподобный Серафим заключает: «Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божия. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божия»². Также благодатные дары Святого Духа описываются через силу Иисусовой молитвы³.

Обращение к богословским трактовкам духовности дает возможность понять, почему ряд философов настаивает на том, что при всей полноте и адекватности теоретического описания духовности, ее характеристик и свойств, ее суть такова, что такие описания лишь примерно очерчивают границы понятия. В действительности же духовность нельзя полностью выразить с помощью понятийно-рационального инструментария. Равно и «религия» в изначальном смысле, как «связь с Богом», не может быть полностью схвачена рациональным способом. Такой точки зрения придерживались многие русские философы, в том числе нынешние философы и ученые, такие как С.С. Хоружий, Ф.И. Гиренок, А.А.

¹ Библейская энциклопедия / Никифор (Бажанов). М., 2005. С. 205.

² Беседа Преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым о стяжании Духа Святого Божия // Православная библиотека. URL: <https://www.pravoslavnaya-biblioteka.ru/biblioteka/articles/o-tseli-khristianskoj-zhizni.html>.

³ Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Париж. 1973.

Корольков¹, А. И. Агеев. Так, А.И. Агеев, на вопрос журналиста о том, что для него является самым главным, ответил «Стяжание Духа Святого...». А в качестве атрибутов духовности А.И. Агеев выделяет правдолюбие, религиозность, нестяжательство, достоинство².

Рассмотрим ряд трактовок духовности в *русской религиозной философии*. Начнем со славянофилов: И.В. Киреевского и А.С. Хомякова.

Оба мыслителя развивали философию, основанную на восточно-христианской традиции, на опыте Святых отцов и русского православия. И хотя, например известна критика В.С. Соловьевым работ А.С. Хомякова, но общепризнано влияние славянофилов на последующее развитие русской религиозной философии. Они проложили мост от «чистых» богословов к философам рубежа XIX–XX вв. Еще одно частое обвинение славянофилов касается чрезмерной идеализации ими России, русского народа, его культуры и религии. Этот недостаток общеизвестен, но преувеличен. На самом деле они активно «сканировали» жизнь в своем отечестве и жёстко критиковали все, по их мнению, существующие пороки, неустройства и ошибки.

При этом славянофилы одними из первых отметили проблему западной философии, которая в своем стремлении к максимально точным понятиям и определениям столкнулась с утратой способности непосредственного созерцания истины, в том числе, тех высших истин, о которых говорит религия и которые постигаются только верой.

А.С. Хомяков довольно четко выявил грани духовности. Так, у него понятие «вера»³ шире, нежели понятие «религия». Вера являет собой искание и реализацию духа, «духовного» в жизни, поэтому вера у субъекта есть всегда, но она реализуется в разных полюсах – от истовой веры в Бога, до атеизма или пантеизма, или фетишизма в том смысле, как реализуется потребительство у современного

¹ Корольков А. А. Духовная антропология. СПб., 2005. С. 190, 192.

² Агеев А. И. Линия фронта проходит через сердце // Православная беседа. URL: <https://www.ageev.net/2012/05/liniya-fronta-proxodit-cherez-serdce/>

³ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М., 1900. В 8 т. Т. 1. С. 331-348. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book18631/#page/339/mode/1up>

человека¹. И само христианство, в его основных конфессиях, по А.С. Хомякову, также различно. Чистой в богословском смысле религии практически не существует, как и чистой духовности: конкретная духовность того или иного народа будет содержать различные элементы: народные традиции, собственные убеждения и т.д.

Философ предлагает понятие «живознание», в котором пытается отразить цельность познания, включающего и веру, и рациональное знание. Живознание является атрибутом подлинной духовности. Западная же духовность предстает у него как движение в сторону опустынивания, иссушения, когда за все более точными логическими определениями теряется, выхолащивается подлинная духовность. В этом контексте у А.С. Хомякова можно увидеть центральную оппозицию: живое и неживое/мертвое. Все подлинное, исконное и цельное он определяет как «живое знание», «живое предание», «живой опыт», «книга живая и живое чтение», что противоположно схематичному филологическому копанию, расчленению слов до предела отдельных мертвых фракций и т.д. Итак, *живое – значит духовное, т.е. дух в нем ширится и реализуется в своей цельности и крепкости, в своей соборности*. А.С. Хомяков не мыслит преобразования вне веры, которая помогает уму быть цельным.

Философ критикует опору лишь на рассудочное знание, последнее он определяет как поверхностное, фрагментарное и рассеивающееся². Итак, у Хомякова духовность имеет атрибуты цельности, всеохватности; живого знания – в противовес искусственному и мертвому; нравственной фундированности и подтвержденности самой жизнью³. Вместе с идеей соборности философ вносит в трактовку духовности обязательный компонент – свободу, которая реализуется только в соборности как живом духовном общении с ближними и с Высшим началом на фундаменте любви.

¹ Розанов В. В. Поздние фазы славянофильства. Н. Я. Данилевский. URL: <https://danilevsky.ru/publikatsii-otvorchestve/pozdnie-fazy-slavyanofilstva-n-ya-danilevskij>

² Хомяков А. С. Указ. Соч. Т. 2. С. 254.

³ Хомяков А. С. Указ. Соч. Т. 1. С. 327.

И.В. Киреевский, во многом близкий А.С. Хомякову, применяет определение «живое цельное созерцание», противоположное рассудочному¹. Он описывает подлинную (свойственную, как он полагает, прежде всего, русскому православию) духовность как «живое, цельное понимание внутренней, духовной жизни и живое, непредупрежденное созерцание внешней природы равно изгонялись из оцепленного круга западного мышления...»². И.В. Киреевский ополчается на схоластику за ее чрезмерное погружение в рассудочность и небрежение живым опытом. Он высоко ценит опыт патристики, наблюдения отцов-пустынников, которые для него являются настоящими опытными философами; сетует об игнорировании рассудочным Западом опыта духоносных старцев³.

Надо отметить, что ситуация в XXI в. ничуть не изменилась. Так, читая статьи о духовности как западных, так и отечественных исследователей, в частности, анализирующих концепции «новой духовности», остается удивляться полному игнорированию и незнанию не только опыта великих практиков прошлого, но даже выдающихся русских философов. Ведущие журналы представляют работы западных авторов, посвященные специфике духовности в западном обществе и без тени сомнения автоматически экстраполируют опыт, например, Д. Эрвье-Лежер или К. Кьюсака на духовность российскую. При этом отечественные разработки даже не упоминаются.

И.В. Киреевский заметил еще одну особенность западных ученых, они используют порой те же определения, но вкладывают в них иной смысл, далекий от учения святых отцов «...центр духовного бытия ими не ищется»⁴. Во-первых, в западной философии преобладает формальное рассудочное отношение к исследованию духовности, во-вторых, постоянное расчленение любого объекта на части, отчего он, «как сломанная шкатулка», уже не может продемонстрировать способ своей работы. И рассудочная наука делает выводы по неким остаточным явлениям, в том числе, о сути духовности. И.В. Киреевский пишет и о совместной

¹ Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 184.

² Там же. С.184.

³ Там же. С. 191-192.

⁴ Там же. С. 191, 194.

молитве, в которой люди увеличивают силу духовного влияния, о чем потом более подробно напишут русские религиозные философы в концепции всеединства и соборности. Философ подчеркивает значимость духовного зрения «духовных очес».¹ Последнее неотделимо от нравственного совершенствования, возгревающего живое цельное знание, которое при правильном развитии духовности будет разгораться, как пламя, а при забвении гаснуть².

Еще один самобытный мыслитель той эпохи – Н.Я. Данилевский³. О нем пишут как о противоречивой фигуре, славянофиле или неославянофиле⁴, но не с точки зрения его собственных колебаний или терзаний, а с точки зрения оценки его наследия в России и за рубежом. В России знают его наследие; существует институт, посвященный философу⁵. В Европе о нем знают меньше, нежели об О. Шпенглере, хотя Н.Я. Данилевский является основоположником теории локальных цивилизаций. Н.Я. Данилевский много ссылался на славянофилов, например, на страницах «России и Европы», и прямо или косвенно постоянно апеллировал к теме духовности, подчеркивая незыблемую уверенность в существовании и фундаментальности духовных законов. Последние имеют универсальный характер и обуславливают возникновение различных культурно-исторических типов, каждый из которых самобытен и не передается другому. Духовность же конкретного культурно-исторического типа исчезает в случае его ухода с исторической сцены. Мистический аспект существования, предназначения той или иной культуры у Н.Я. Данилевского объясняет неслучайность и особую роль славянского культурно-исторического типа. Если духовность развивается правильно или даже неправильно, все же возможен момент, когда она будет реанимирована, активирована, очищена в нужный час и в нужном месте.

¹ Киреевский И. В. Указ. Соч. С. 274.

² Там же. С. 296-297, 315.

³ В 2022 году отмечалось 200-летие со дня рождения Н. Я. Данилевского (1822-1885), и символично, что в России сейчас начались известные события, совпавшие с датами, связанными с Н. Я. Данилевским.

⁴ См.: Шиманская О. К. Принципы философии кризиса в творчестве Н. Я. Данилевского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1 (5). С. 626.

⁵ АНО «Институт русско-славянских исследований имени Николая Яковлевича Данилевского» (ИРСИ)⁵, возглавляемый А. В. Буренковым. Также в коллектив ИРСИ входят: Д. Б. Синяговский, А. В. Черников, А. Ю. Бунин, Н. Б. Саморышкина.

Н.Я. Данилевский выделяет важность и приоритет духовного начала в остальных сферах жизни, которое имеет мистическое измерение. При этом русская духовность опирается на всеобщность, соборность; ей свойственна особая эмоциональная чувствительность; сила духа (поскольку она способна и противостоит давлению других цивилизаций); особая терпимость как отсутствие агрессивности, насильственности и отсюда особое терпение и послушание русского народа; нестяжательство (отсутствие корысти)¹; способность мирного сосуществования и нахождение единой основы для различных этнических культур в рамках единой российской культуры; гибкость и живучесть русской культуры².

Развитие, или прогресс, по Н.Я. Данилевскому, определяется не научно-техническими достижениями, а, прежде всего, максимальной выраженностью духа и духовности в своем конкретном культурно-историческом типе³. Главная духовная болезнь российского общества, которую четко видел Н.Я. Данилевский, это «европейничанье», поэтому его критика выступает своеобразным предупреждением для современной российской культуры.

Один из самых оригинальных русских философов, которого С.Л. Франк⁴ обозначил как первого самостоятельного философа-гения, одиночку – В.С. Соловьев. Он рассматривал духовность в ее связи со всеми сферами бытия, что отражено в философии всеединства (мир и человечество как цельный живой организм, пронизанный единым божественным началом)⁵. Духовность трактуется прежде всего с акцентированием на нравственной составляющей, «моральной философии». Подлинная духовность возводит человека на более высокий уровень бытия. Духовные силы человека, как выражение единого духа – это разум, чувства, воля, которые составляют три сферы духовной жизни. Этика раскрывает моральные обязанности, которые есть выражение жизни духа.

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб., 1995. С. 189.

² См.: Птицина О. В. Феноменология русской души в философских исканиях Н. Я. Данилевского. URL: <https://danilevsky.ru/dokladyi-konferentsiy/fenomenologiya-russkoy-dushi-v-filosofskih-iskaniyah-n-ya-danilevskogo/>

³ Данилевский Н. Я. Указ. Соч. С. 73.

⁴ Франк С. Л. Духовное наследие Вл. Соловьева // Вестник русского студенческого христианского движения. Париж, 1950. С. 1. URL: http://www.odinblago.ru/nasledie_solovieva/

⁵ Ерина Е. Б. Понятие духовности в философии В. В. Соловьева // Соловьевские исследования. 2009. № 2 (22). С. 107-112.

В.С. Соловьев рассматривает два способа реализации образа жизни. Первый связан с первичными животными природными потребностями: сон, еда, выживание, т.е. всё, что связано с телом. Если человек живет только животной жизнью, его единственное наследие – это продолжение жизни в детях (вымещение жизни), сам же он ничего не привносит в жизнь окружающих и в свою духовную жизнь (закон смерти, все живое умирает). Если же он возвышается над телесными потребностями, руководствуется духом и устремляется к высокой нравственности, то начинается процесс совершенствования, реализуются действия благодати, человек приобщается к вечности¹. Духовное взросление осуществляется через три стадии:

1. Осознание реальной ситуации, возненавидение зла (осознание своей злой воли, саморазличение духа от плоти).

2. Работа по отторжению от всего злого (человек как духовный борец, отстаивание духом своей независимости).

3. Устремление к Богу (преобладание духа)². Нравственное духовное возрастание должно опираться на врожденный стыд³, сочувствие-жалость ко всему живому и благоговейное праведное устройство, которое и приводит к Творцу (высшему Добру). Человеку необходимо вырваться из природного круга, из животного повторения опыта предыдущих поколений посредством духовной жизни, в которую включено всё бытие (философия всеединства).

По В.С. Соловьеву, не только духовная, но и материальная составляющая жизни должна одухотвориться⁴. Процесс одухотворения материи проходит через возвышение и реализацию все более сложного царства, начиная с минерального, растительного мира, через животное царство к царству человеческому и, наконец, в Царство Божие. Все вышеперечисленные царства едины и представляют собой процесс усовершенствования (следующее вмещает предыдущее) во всемирном

¹Соловьёв В. С. Оправдание добра // Соловьёв В.С. Сочинения. В 2 т. М., 1988. Т.1. С. 226.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 267.

смысле; здесь прослеживается влияние гегелевской диалектики¹. В конечном пункте – Царстве Божием реализуется нравственное начало в своей полноте как высшее Добро.

В социально-культурном плане восхождение по ступеням до абсолютной духовности осуществляется коллективно, совокупно, где каждый отдельный индивид действует как представитель родовой сущности. Отсюда реализуются сразу три сценария: родовой (через семью), национально-государственный (конкретные отечества, царства и империи) и всемирный (в будущем всё человечество как единое, где личностное начало проявит себя максимально).

Итак, в мировом масштабе духовность объемлет все формы материи и, проходя разные стадии, реализуется в своей высшей форме, во всеединстве. На личностном уровне духовность реализуется через победу над телесным, над плотскими влечениями и желаниями. При этом В.С. Соловьев считает такие формы, как аскетизм и гедонизм, в равной степени производными от власти плоти. В первом случае тело господствует на ментальном уровне (телесные желания не дают покоя аскету), во втором случае, человек скатывается в животную жизнь. Однако в отношении аскетизма В.С. Соловьев делает поправку, уточняя предпочтительность умеренного аскетизма². Необходимо постоянно совершенствоваться и устремляться к духу в свободном волеии.

Особое место духовность занимает в работах Н.А. Бердяева³, в частности, в его труде «Дух и культура»⁴, где представлено несколько определений духовности, ее характеристики и виды. Его другой фундаментальный труд о духе⁵ вводит понятие «новой духовности»⁶, но не в значении западного «спиритуалити», а в значении *активной духовной позиции, творчества и труда духовного человека в этом мире*, при этом «духовность есть высшее качество, ценность, высшее

¹ Соловьев В. С. Указ. Соч. С. 268.

² Там же. С. 490.

³ Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995.

⁴ Бердяев Н. А. Дух и реальность. М., 2003. С.81.

⁵ Там же. С. 211.

⁶ «Новая духовность», таким образом, появляется в трудах русских философов в контексте темы гораздо раньше, нежели в западной традиции современности.

достижение в человеке»¹. Н.А. Бердяев фиксирует деградацию человечества в большинстве стран, подчеркивая, что всему виной кризис христианства и упадок духовности.

Он выделяет три ступени духовности: 1) духовность, ограниченная природой; 2) духовность, ограниченная обществом; 3) чистая, освобожденная духовность, когда дух овладевает природой и обществом. По мнению Н.А. Бердяева, новая духовность будет означать освобождение от объективизации и от подчинения духа «дурной», «падшей социальности». Далее философ пишет об упадке христианской духовности и делает вывод о необходимости развития новой христианской духовности. Ее отличие от духовности старой в том, что прежняя слишком закрыта, пассивна по отношению к миру (уход из миру в пустыню). Новая же христианская духовность должна полностью войти в мир как активная сила, освобождающая от рабства и разделения². Онтологически духовность опирается на дух; он же есть высшее начало, соединенное с душой и телом и максимально проявляющееся в любви³. Отсюда одно из центральных определений духовности: «Духовность есть высшее качество, ценность, высшее достижение в человеке. Дух дает смысл действительности, а не есть другая действительность. Дух есть как бы дуновение Божье, проникающее в существо человека и сообщающее ему высшее достоинство, высшее качество его существования, внутреннюю независимость и единство»⁴. Но при этом духовность возможна лишь при правильном развитии ума, а последний понимается не как способность рассудочной деятельности, а как проекция духа, трансцендентного начала. Человек есть живая небесная и одновременно земная манифестация духа⁵.

Отсюда духовность относится ко всему человеку, реализуется в его цельности, т.е. полноте человека в теле и сознании, в его духе (как мужественное активное начало) и в его душе (как женственное пассивное начало), т.е. в общей

¹ Бердяев Н. А. Дух и реальность. Указ. Соч. С. 213.

² Там же. С. 203-206.

³ Там же. С. 211-213.

⁴ Там же. С. 213.

⁵ Там же. С. 219.

работе логоса и космоса¹. Для пробуждения духа требуется *мистическая работа*, которая противоположна душевной оккультной реализации человеческих устремлений². *Мистика – порождение духовности, оккультно-магические практики – реализация чувственно-душевной страстной стороны личности*. Человек должен «трезвиться», устремлять свою волю в свободном порыве к развитию духовности. Ленивые, «закопавшие свой талант», не реализовавшие свой духовный потенциал не могут быть достойны инобытия³.

В работе «Новое средневековье»⁴ Н.А. Бердяев рассматривает ряд проблем посредством следующих оппозиций: сакральность /секулярность, старое /новое, ночные /дневные эпохи и культуры. Старый мир обновляется революцией или реакцией, которая неизбежна и нужна для перехода его в новую форму. Отсюда следует заключить, что помимо признания множества различных культур и типов цивилизаций Н.А. Бердяев дополняет их цикличностью/ритмичностью/периодичностью как необходимым свойством мира обновляться или меняться. Соответственно, мыслитель описывал революционные изменения в России, призывая к новому средневековью как революции духа, поскольку старый гуманизм изжил себя, объявив отрицание Бога и, как следствие, отрицание человека. В итоге на сцену выходит *человекобог*, т.е. тот, кто поставил себя на место Творца. Н.А. Бердяев критично относится к тенденции ухода религии в сферу частного, при этом на ее месте появляется нечто, что становится общим, но под эгидой индивидуализма, потребительства, вещизма. Но такие установки не дают человеку возможности подняться, они ниже его по определению. Наступает период кризиса культуры, период секулярности. Н.А. Бердяев пророчески угадывает ситуацию *внедрения оккультно-магической «новой духовности» «Нью Эйдж» («Нового века»)*.

¹ Бердяев Н. А. Дух и реальность. Указ. Соч. С. 238.

² Там же. С. 305.

³ Там же. С. 347.

⁴ Бердяев Н. А. Новое средневековье. URL: <https://zen.yandex.ru/media/lidprevuz/novoe-srednevekove-nikolaia-berdiaeva-chto-nas-jdet-v-buduscem-5e568d192106814575ff4372>

Н.А. Бердяев выделяет еще одно замечательное качество Духа и отсюда духовности: он имеет свойство субъекта, не являются вещью, «вещностью»¹, поэтому его нельзя присвоить, схватить, а лишь в чистом делании посредством восприятия его энергий получить причастность к нему и развить духовность, так сказать, «активировать ее». Еще один важный момент для развития духовности, очищения ее от страстных и вещных напластований – это правильное восприятие страдания. И тут Н.А. Бердяев принципиально был бы не согласен с теорией «гедонистического императива» Д. Пирса, идеолога трансгуманизма. Трансгуманисты отрицают страдание, желают искусственно изъять его из мира и из человеческой природы. Но технические методы не ликвидируют страдание как таковое, они лишь делают человека слепым в отношении страдания и его причин. Трансгуманисты, по сути, используют определённый шулерский прием – они, предлагая избавление от страданий, лишь вводят некую сильную «анестезию», которая блокирует сигналы, предупреждающие об опасности, и таким образом, ввергают человека в еще худшее состояние.

Тема духовности и антидуховности глубоко раскрывается в антропологическом плане в работах С.Н. Булгакова². А.Ф. Управителей замечает, что «физическая биография С.Н. Булгакова немногим отличается от его творчества. Вернее сказать, его творчество является оформлением и осмыслением его биографии»³. С.Н. Булгаков, как философ-богослов, обращаясь к писаниям бл. Августина и ап. Павла, подчеркивает двойственную природу человека, а отсюда неизбежное колебание состояния его духовности.⁴ Каждый человек в той или иной степени сталкивается с этой раздвоенностью, но в современном мире она оправдывается, признается нормой или даже даром, а порой и знаком избранности. Поэтому рост депрессивности и суицидальности вовсе не случаен. Только обратный процесс (через очищение, нравственное возрастание) способен изменить

¹ Бердяев Н. А. Новое средневековье. Указ. Соч. С. 185.

² Булгаков С. Н. Человекобог и человекозверь (По поводу посмертных произведений Л.Н. Толстого «Дьявол» и «О. Сергей») // Вопросы философии. Кн. 112. С. 55–105; или: Булгаков С.Н. Человекобог и человекозверь (По поводу посмертных произведений Л.Н. Толстого «Дьявол» и «О. Сергей»). М., 1993.

³ Управителей А. Ф. Конструирование субъектности в антропологии С.Н. Булгакова. Барнаул., 2001. С. 11.

⁴ Булгаков С. Н. Человекобог и человекозверь. Указ. Соч. С. 61.

ситуацию к лучшему. При условии «собираения», обретения целостности внутри своего очищенного сердца человек запускает механизм раскрытия всех аспектов духовности.

С.Н. Булгаков уделяет особое внимание анализу понятия «человекобог/человекозверь»¹. Этот тот самый «человекобог», о котором пишут некоторые алхимики, деятели Возрождения, трансгуманисты, постгуманисты, и он неизбежно становится человекозверем, о чем теперь уже пишут в открытую как о вариациях гибридизации и бестиарности, расширении прав и свобод на «постчеловеческих агентов». Это логическое завершение пути, движения в сторону его надломленной природы. Интеллектуалы, соперничая в оригинальности интерпретаций характеристик «постчеловека», рано или поздно приходят к тому, что его «божественная суть» становится больше похожа на демоническо-зверинную. И в искусстве продолжается эстетизация без-образного и унижение подлинно прекрасного, в чем отражается все та же раздвоенность человека, когда он видит красоту в «вавилонской блуднице, восседающей на звере»². С.Н. Булгаков в своем ответе гедонистам аргументированно заявляет о приоритетах человеческого существования: устремленность к духовному росту, а не к эфемерному счастью создает предпосылки обретения цельности через борьбу и страдания. Игнорирование проблем с духовностью и тягу к «благополучию во что бы ни стало» он обозначает понятием «мещанское счастье»³.

У П.А. Флоренского особое внимание уделяется гносеологической стороне достижения подлинной духовности через понятие «живой веры». В «Столпе и утверждении истины»⁴ он выделил в работе сознания стадии (ступени), предварительно отметив антиномичный характер человеческой природы. Человек, как существо двойственное, обречен на борьбу, причем, самая трудная происходит внутри него самого. Стадии обретения живой веры определяются движением от состояния полного скепсиса через «эпохе» (своеобразная ситуация остановки,

¹ Булгаков С. Н. Человекобог и человекозверь. Указ. Соч. С. 84.

² Там же. С. 100.

³ Булгаков С. Н. Христианство и социализм. С.16. URL: <https://kronadaran.am>

⁴ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины // Флоренский П. А. Собрание сочинений в 2 т. Т. 1. М., 1990.

замирания, прояснения, перезагрузки, удивления) к солипсизму. Здесь разум должен осуществить трудную работу, правильный выбор и обрести веру «подвиг веры», живой опыт¹. В человеческом сознании должны сойтись вера и знание, интуиция и рацио.

Философ уделяет особое внимание философии сердца, «сердечному созерцанию», или «мистике груди». Он осуществляет этимологический анализ, выявляя гносеологические и онтологические характеристики сердца, его центральность, сосредоточенность, его таинственность, способность нечто содержать или окутывать и одновременно некоторую локализованность². Именно очищенное и приготовленное сердце, вместив сосредоточенный ум, вводит в «сущее всеединство». Происходит процесс обожения (теозис), который внешне проявляется в пульсировании любви³. В просветленном сознании преодолевается антиномизм и достигается подлинная цельность, человек проникает в мистические сферы. В целом, такой процесс (собрание всего человеческого существа) обозначается как «апокатастасис», что означает процесс изменения плоти, души и духа⁴.

Итак, духовность, по П.А. Флоренскому, это совершенствование, очищение своего сердца, в котором совершается единение всех способов познания, и таким образом дух человека, как рулевой, собирает все его остальные силы. И только в таком состоянии начинается раскрытие всего потенциала человека, в том числе, познание подлинной реальности, и отсюда – знание и возможность помогать себе и другим.

Еще один замечательный философ, из плеяды русских религиозных мыслителей – С.Л. Франк. Ему также присуще гносеологическое обоснование сути подлинной духовности. Сознание изначально укоренено в абсолютном бытии, в трансцендентном, и оно, помимо своих непосредственных имманентных

¹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Указ. Соч. С. 32-42.

² Там же. С. 260-318.

³ Там же. С. 316-317.

⁴ Управителей А. Ф. К будущему цельному мировоззрению (Религиозное мирозерцание П.А. Флоренского). Барнаул., 1997. С. 104-105.

актуальных переживаний, обозначенных Франком как «данное», содержит некое «имеющееся», т.е. «неданное запредельное». Человек наделен первичной интуицией как о самом «запредельном», так и о своей связи с «неданным». Подлинное познание реализуется путем выхода «данного» за свои пределы, и таким образом «имеющееся» уже видит «данное» внутри себя. У него, так же как у вышепредставленных мыслителей, обязательным условием раскрытия духовности является обретение *живого знания*. Такое живое знание фиксируется в состоянии преобразования человека, в ситуации верующего разума, в обретении целостности, что в гносеологическом плане трактуется как достижение сердечной мудрости¹. Духовность как бы сигнализирует человеку, находящемуся в несовершенном и страстном мире, что он должен реализоваться не только в «объективной реальности», но и в мире инобытия, поскольку он «двуединое существо: две природы не только противостоят друг другу, но и сочетаются, формируя совершенную личность»².

Понимание духовности у И.А. Ильина еще более тесно сопряжено с трактовкой сердца, сердечного созерцания, с философией сердца³. Так, он пишет о том, что наше воображение в отрыве от сердца не создает шедевров, подлинной культуры: «...безлюбное воображение есть не дух, а подмена духовности, ее суррогат»⁴. Духовность шире, нежели способность вербализировать и мыслить, она глубже, нежели самые сильные чувства, и она священнее, нежели самые значимые императивы. Свобода «берется» духом и имеет своим источником Высшее. Дух свойственен каждому человеку, но пребывает он в разном состоянии и положении, в зависимости от опыта, или, правильнее, «духовного» опыта человека. Философ призывает бороться за духовное очищение и обновление, поэтому необходимо вернуть живую цельную веру, а последняя пребывает в чистом сердце. В качестве критериев духовности И.А. Ильин указывает на простые факты отношения

¹ Франк С. Л. Реальность и человек. М., 1997. С. 12.

² Там же. С. 70-71.

³ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцания // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. М., 1994. С. 229-375.

⁴ Ильин И. А. Путь к очевидности. Мюнхен, 1957. С. 12.

человека к другим людям – на его способности быть *благодарным*, что обычно выдает в нем мудрого и доброго человека¹. Для культуры наиболее низкой оценкой на языке И.А. Ильина являются понятия «бездуховная культура» и «бессердечная культура»². Сердечное созерцание как позитивный духовный опыт спасает от ошибок рассудка³. Итак, духовность – это открытие в себе способности сердечного созерцания. Последнее определяется жертвенной любовью и состраданием, цельной жизнью – служением⁴.

Определения духовности в русском космизме. Ряд авторов⁵ сегодня активно исследует направление русского космизма. Это особенно важно при анализе современного трансгуманизма, поскольку последний часто в качестве своего источника или предшественника упоминает русский космизм. Однако при детальном анализе, особенно в части трактовки духовности и совершенствования человека, становится очевидным *глубокое расхождение и совершенно различные основания трансгуманизма и русского космизма*. Прежде всего, это касается игнорирования или пренебрежительного (но не случайного!) отказа трансгуманистов от нравственно-духовных ценностей, что является базовым для русского космизма⁶. Довольно подробно анализ космизма представлен в серии работ участников Изборского клуба, которые провели сравнительный анализ понимания духовности у космистов и трансгуманистов, о чем будет говориться далее в работе.

Евразийская трактовка понятия «духовность». Анализ евразийского понимания духовности представлен в статье Иванова А.В., Журавлевой С.М.⁷ и в

¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. Указ. Соч. С. 12, 15-16, 26.

² Там же. С. 4, 7-8.

³ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 106-107.

⁴ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Указ. Соч. С. 541-542.

⁵ Ковалева Г. П. Эмпирические истоки категории «духовность» в онтологии трансцендентного космизма // Вестник КемГУКИ. 2014. № 26. С. 185-192.; Ковалева Г. П. Основания категории «духовность» в онтологии трансцендентного космизма. Кемерово, 2014; Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация / составитель Виталий Аверьянов. М., 2021. С. 79-99.

⁶ Селицкий А. Л. Феномен космизма в контексте формирования антропоприродной парадигмы // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 3. Ч. 1. С. 48-49.

⁷ Иванов А. В., Журавлева С. М. Духовность и ее атрибуты // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 57. С. 14-23.

работах ряда других исследователей¹. Философы выделяют *сущностные атрибуты духовности*:

- 1) безусловная моральность,
- 2) наличие у человека высших ценностей, к которым, помимо ценности другого человека, следует отнести принцип Общего Блага,
- 3) личное самосовершенствование, т.е. постоянное саморазвитие, стяжание положительных личных качеств,
- 4) открытость другим людям и миру в целом (противоположность индивидуализму и гордыне),
- 5) подвижность, ее в некотором смысле можно сравнить с богословским понятием «бодрствование, трезвение»²,
- б) мужество.

И, наконец, авторы приводят итоговое определение духовности: «...воля к всестороннему личному совершенствованию, познанию и творчеству на путях Общего Блага»³. Эта тема более подробно разворачивается в диссертационном исследовании Л.А. Коневских⁴. В ряде монографий и статей современные последователи евразийства, акцентируя внимание на роли и ценностях региона, в частности, Сибири, пишут о духовно-экологической цивилизации (ноосферной), построенной на принципах софийности, соборности, братских отношений, устремленной к высшим ценностям, трудничеству, хозяйству, нестяжательству, честности⁵

Проблемой духовности занимаются современные социологи, опирающиеся на русскую философскую традицию. Так, Е.А. Попов (культурвитализм), подчеркивает необходимость формирования социологии духовной жизни, которая могла бы сконцентрировать своё внимание на общих интегративных началах

¹ Иванов А. В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул, 2007. С. 199-214.

² Иванов А. В., Журавлева С. М. Духовность и ее атрибуты. Указ. Соч. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Коневских Л. А. Духовность как предмет философско-культурологического анализа. Екатеринбург, 2008.

⁵ Цивилизационная миссия Сибири: от техногеннопотребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / под ред. А. В. Иванова. Барнаул, 2022. С. 66-69.

духовности в социальном ракурсе¹. А.Ю. Амирханов² пишет о духовности как об интенции к вечным ценностям, основе преемственности поколений. В.Г. Федотова в статье «Духовность как фактор перестройки» пишет о трех типах духовности: теоретизм, этизм и эстетизм³. Теоретизм предполагает гносеологическое усвоение основ духовности. Этизм связан с нравственным компонентом. Эстетизм – это постижение связи духовности с прекрасным, в том числе, через искусство. Если же эти три составляющие развиваются неправильно, то каждая приводит к разрушению соответствующей стороны личности. Теоретизм доводит до тщеславия и безумия, этизм до развращенности и вседозволенности, эстетизм до абсолютизации и гиперболизации красивого, трансформации в чувственную грубую гламурность. А.М. Багаутдинов раскрывает суть духовности через ее амбивалентность и динамичность⁴. В.А. Кутырев, подчеркивая особую роль сердца как «экзистенциального разума», говорит о целостности человека⁵.

Теперь обратимся к трансформациям духовности, прежде всего, в западной культуре.

Западная «новая духовность», «spirituality» New Age как явление постсекулярной культуры. К 2000-м годам в западной мысли началась тенденция постепенной подмены классического понимания духовности и религиозности, в том числе, и в трудах ученых-религиоведов и социологов религии, занимавшихся изучением и даже апологетикой новых религиозных движений (НРД). Одни из них проводили исследования в рамках грантов и финансирования движений и культов, другие занимались защитой их в суде в качестве экспертов, третьи совмещали то и другое, основывали соответствующие центры. Среди «первопроходцев» выделяют А. Баркер и ее центр INFORM (Великобритания)⁶. А. Баркер тесно сотрудничает с

¹ Попов Е. А. Как заинтересовать социолога изучением искусства и духовной жизни? // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 144; Попов Е. А. Особенности витального комплекса русской культуры XX - начала XXI вв. Барнаул, 2006.

² Амирханов А. Ю. Концептуальные подходы к анализу духовности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 1-9.

³ Федотова В. Г. Духовность как фактор перестройки // Вопросы философии. 1987. № 3. С. 20-23.

⁴ Багаутдинов А. М. Амбивалентность духовности в информационном обществе. Саратов., 2017. С.19-21, 26.

⁵ Кутырев В. А. Бытие или ничто. СПб, 2009. С.129.

⁶ INFORM Our name Inform is an acronym for "Information Network Focus On Religious Movements. <https://inform.ac/>. Barker E. New religions and new religiosity. Aarhus University Press. 1998.

М. Интровинье и его организацией ЦЕЗНУР¹ (Италия), с Ж. Майер и его Religioscope (Швейцария), с Б. Джонсоном, Р. Старком и Г. Мелтоном в Бейлоровском университете (Waco, Texas, США)². В РФ соответствующие взгляды и теории продвигала, например организация, возглавляемая А.М. Верховским «Сова», а также «Панорама», «Кредо.ру» и университетские центры, такие как УНЦИР РГГУ (Учебно-научный Центр изучения религий), где работают е Н.В. Шабуров, А.С. Агаджанян, Б.З. Фаликов и другие³. Можно отметить коллектив, выпускающий журнал «Религиоведение», в АГУ (Амурский государственный университет) в редакционной комиссии которого работает Е.С. Элбакян, директор Центра религиоведческих исследований «РелигиоПолис».

Западные исследователи новых религиозных движений (НРД), течений и групп «Нью Эйдж», постсекулярной духовности европейского общества, с целью трансформации понятий «сакральность», «духовность» и включения туда различных авторских культовых практик, возникших преимущественно во второй половине XX века, создали самые разнообразные теории современной духовности/религиозности, активно используя переосмысленный термин «spirituality»⁴. Среди этих ученых следует выделить следующих: Г. Деви,⁵ Д. Хутман, С. Оперс и П. Хилас, Д. Воас и А. Крокет с «неопределенной религиозностью» («Fuzzy Fidelity»), П. Маскини, П. Ахтерберг⁶, Р. Фуллер⁷.

Среди российских исследователей, сторонников экстраполяции западных постсекулярных теорий «новой духовности» на российское культурное

¹ ЦЕЗНУР. URL: <http://www.cesnur.org/>.

² Institute for the Studies of Religion, ISR. URL: <http://www.baylorisr.org/>.

³ Центр изучения религий. URL: <http://religion.rsuh.ru/about/>.

⁴ Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург, 2007.

⁵ Davie G. Religion in Britain since 1945. Believing without belonging. Blackwell Publishing, 1994.; Davie G. Religion in Europe in the 21-st Century: The Factors to Take into Account // European Journal of Sociology. Arch. Europ. Sociol., XLVII. 2 // Cambridge Journals online. Cambridge, 2006.

⁶ Heelas P. The Spiritual Revolution: From “religion” to “spirituality” // Religion in Modern World / Ed. by L. Woodhead, P. Fletcher, H. Kawanami, D. Smith. L., 2002.; Heelas P., Houtman D. Research Note: RAMP Findings and Making Sense of the “God Within Each Person, Rather than Out There” // Journal of Contemporary Religion. 2009. Vol. 24. N 1.; Heelas P., Woodhead L., Seel B. et al. The Spiritual Revolution. Why Religion is giving Way to Spirituality. Blackwell Publishing. 2005.; Houtman D., Heelas P., Achterberg P. Counting Spirituality? Survey Methodology after the Spiritual Turn // Annual Review of the Sociology of Religion. 2012. Vol. 3.; Voas D., Crockett A. Religion in Britain: Neither believing nor belonging // Sociology. 2005. N 39 (1); Voas D. The Rise and Fall of Fuzzy Fidelity in Europe // European Sociological Review. 2009. N 25 (2); Voas D., Bruce S. The Spiritual Revolution: Another False Dawn for the Sacred // A Sociology of Spirituality / Ed. by K. Flanagan and P.S. Jupp. Ashgate, 2007.

⁷ Фуллер Р. Духовные, но не религиозные. Oxford., 2001.

пространство, следует отметить Е.Д. Руткевич,¹ К.А. Колкунову², Р.Н. Лункина³, С.Б. Филатова⁴, Е.С. Элбакян⁵, И.Г. Каргину⁶ и других. В качестве обоснования актуальности включения новых видов «духовных практик» в научный оборот, используются сходные системы аргументации. Так, Е.А. Степанова пишет: «Особое внимание уделяется “субъективному повороту” в культуре модерности, который связан с плюралистическим характером общества»⁷. При этом автор подчеркивает, что речь идет о западной науке, но не объясняет, почему это можно экстраполировать на отечественную культуру. Е.Д. Руткевич отмечает: «Определения “духовности” столь же многочисленны, как и её формы... Достаточно перечислить некоторые виды “духовности”: “экуменическая”, “воплощённая”, “феминистская”, “холистическая”, “интегральная”, “научная”, “светская”, “визуальная”, “трудовая”, “духовность киберпространства” и т.д.»⁸.

Сам факт роста количества вариаций «новой духовности», несмотря на молодость термина (начало 2000-х годов) фиксирует некоторую *вирусность* данного явления. «Скороспелые» определения, даже опирающиеся на статистику, поражают своей легковесностью. Косвенным доказательством определения всех вышеперечисленных видов духовности как «околодуховности» или «псевдодуховности» является тот факт, что они постоянно множатся (ни одно определение не в состоянии удовлетворить научное сообщество).

Итак, «новая духовность» не имеет стержня, она является имитацией. При этом показательно, что сторонники «новой духовности» обычно

¹ Руткевич Е. Д. От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст // Вестник РУДН. Серия Социология. 2014. № 1; Руткевич Е. Д. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии // Вестник института социологии. 2014. №2 (9). С. 131-161; Руткевич Е. Д. «Социология духовности»: проблемы становления // Вестник института социологии. 2017. Т. 8. № 1. С. 36–65.

² Колкунова К. А. «Духовные, но не религиозные» респонденты в современных исследованиях // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2015. Вып. 6 (62). С. 81–93.

³ Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Атлас современной религиозной жизни России. Т. I. М., СПб., 2005. II. 2006. Т. III. 2009; Филатов С. Б., Лункин Р. Н., Деннен К. Религиозно-общественная жизнь в российских регионах. Т. I. М., 2014; Лункин Р. Н., Загребина И. В. Религия и право в современной России. М., 2017.

⁴ Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // Современная Европа. 2018. № 3. С. 102-114.

⁵ Элбакян Е. С. «Парадигмы исследования религии в XXI веке» // Феномен религиозной традиционности в глобальном мире. М. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/256330432/>.

⁶ Каргина И. Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. М., 2014.

⁷ Степанова Е. А. Новая духовность и старые религии // Религиоведение. 2011. № 1. С. 127–134.

⁸ Руткевич Е. Д. «Социология духовности»: проблемы становления // Вестник института социологии. 2017. Т. 8. № 1. С. 41.

западноцентричны и как бы не допускают иного варианта развития современной культуры. В рамках этого монополистского сценария, в качестве мейнстрима, разворачивается «Нью Эйдж» с его «холистической духовностью», совершая тихую «духовную революцию», охватывая ключевые сектора культуры и утверждая «субъективную культуру процветания»¹. Именно эти исследования становятся основой для формирования новой области – социологии духовности, которая пока находится на стадии становления, хотя голоса в пользу её легитимации становятся всё громче. Правда, немало теоретиков секуляризации и представителей «новой парадигмы» считают её «забавой», недостойной серьёзных исследователей².

Е.Д. Руткевич подчеркивает такие свойства «новой духовности», как демократичность, доступность, индивидуалистичность, выход за пределы институциональных религий, популярность у прозападной молодежи, имманентность (т.е. основывается только на самом человеке, без Трансцендентного, посредников и т.п.)³. Отсюда возникает еще одна оппозиция: «духовность»-религия».

Все указанные подвиды «новой духовности» — это составляющие более крупного явления: *постсовременной духовной культуры*. Для анализа духовно-религиозных процессов более актуально понятие «постсекулярная культура». В результате этих тенденций понятие «новая духовность» стала ассоциироваться с «правильной, современной и настоящей духовностью» уже в более узких аспектах, например с точки зрения культовой деятельности, коммуникации, веры и т.п.⁴. К.А. Колкунова отразила западную трактовку духовности, выделив категорию духовных респондентов – «духовные, но не религиозные», что означает негативное отношение к религиям, а также полагание лишь на собственные взгляды

¹ Руткевич Е. Д. Религия в глобальном пространстве... Указ. Соч. С. 152.

² Там же. С. 152–153.

³ Руткевич Е. Д. «Социология духовности»: проблемы становления. Указ. Соч. С.43.

⁴ Редин Ф. Д. Ритуал как способ трансляции идей новой духовности // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 4. С. 429–450.

(бриколеры), «...используя для этого элементы восточных и западных религий, системы взглядов “Нью Эйдж”, нерелигиозные источники»¹.

Можно также отметить амбивалентный, размытый смысл понятия «сакральное». Уже на рубеже XIX-XX вв. термин «сакральное» стал появляться в работах Э. Дюркгейма, А. Юбера и М. Мосса. Сегодня им успешно пользуются для обозначения самых разных явлений; в целом же оно знаменует *духовность низшего порядка, которая «сакрализует» нечто имманентное*² – отсюда бесчисленные вариации «духовности» индивидуального и группового плана, вплоть до поклонения «старому башмаку», «обожать свой телефон», поклоняться своему виртуальному воображаемому другу («культ тulpы»)³, и др. Человек представляет свой «поток сознания» как некую духовность, что в ситуации постсекулярной культуры «возвышает» его над человеком, относящимся к какой-либо конфессии. Это одновременно говорит об онтологически не изживаемом духовном в каждом человека, а, с другой стороны, о пагубной его трансформации, искажении. В период постсекулярной культуры, благодаря постмодернистским снятиям табу, равнодушный человек начал «играть» с духовными, священными смыслами и действиями. Духовность становится ярлыком для чего угодно — «от глубокой интроспекции до процедур в салоне красоты»⁴. Поэтому неудивительно, что одни думают «купить» себе духовные сверхспособности, сделав заявку в интернет-магазине или тренинговой нью-эйджевской школе, а другие «продают» методики и «порции духовности»: «теперь духовность скорее воспринимается как нечто позитивное, связанное с личным опытом сакрального, саморазвитием, в то время как религиозность оказывается лишенной всего этого и нагружается негативными смыслами»⁵.

¹ Колкунова К. А. «Духовные, но не религиозные» респонденты в современных исследованиях. Указ. Соч. С. 81.

² Там же. С.83.

³ Тетюшкин М. А. «Тulpа. Галлюцинации наяву». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uxoKrn7Jwz0>; Материалы сайта. URL: <http://mednauka.net>; URL: <https://psychosearch.ru/practice/prakticheskaya-psikhologiya/600-phenomenon-of-tulp-imaginary-friends-dangerous-for-adults>; «Тulpа – карманная шизофрения для гиков или реальный воображаемый друг». URL: <https://habr.com/post/161575>

⁴ Колкунова К. А. Указ. Соч. С. 85.

⁵ Там же. С. 86.

Отметим несколько моментов. Во-первых, «новая духовность» в своей основе не является новой, а имеет зачастую известные основания: примитивные магию и оккультизм, фетишизм и др. Во-вторых, более влиятельный и успешно манипулирующий лидер или сайт, или книга, повстречавшаяся «искателю духовности», обычно не знакомому с серьезной традицией и литературой, манит к себе неопитов. Кроме этого, апологеты «новой духовности» выдвигают в качестве аргумента еще одно преимущество: неинституциональный характер «новой духовности» в отличие от религиозности. Но институционализация – это не базовый признак религиозности. Да и «новая духовность» при возможности (успех идей автора, раскручивание проекта, привлечение многих сторонников) быстро превращается в институциональную (институционализация часто желательна, но не для всех возможна). Ряд авторов утверждают, что в российском обществе «новая духовность» не стала массовым явлением, что можно объяснить иным характером степени включения в общество потребления, меньшим уровнем или отсутствием западной истории «психологической революции», а также рядом других, сугубо российских факторов. Однако среди прозападной прослойки российского общества именно «новая духовность» вполне отчетливо дала свои ростки, и появился сегмент «рынка духовного бизнеса», нацеленного на наиболее успешных, богатых, активных, которые, в свою очередь, распространяют подобную «духовность» среди своего окружения.

Еще один признак – это вариативность, множественность, по принципу сети, представителей «новой духовности». Это означает ее неспособность удерживать форму, собирать, объединять, быть цельной. Она быстро разочаровывает, не имеет стержня. Подлинная духовность отличается устойчивостью, твердостью позиции, способностью привлекать и удерживать вокруг себя. Не случайно в рамках «новой духовности» появился термин «духовно ищущие» (spiritual seeker)¹, причем здесь также осуществляется подмена понятий, поскольку под «духовно ищущим»

¹ Колкунова К. А. Указ. Соч. С. 90.

понимается человек, осуществляющий поиск в далеких от духовности сферах, с обязательным условием сохранения психологического и физического комфорта.

Духовность «New Age» («Нового века»; «ньюэджеская духовность»). Сам термин «Движение New Age», а затем и «Религия New Age» появляются гораздо раньше, в среднем, на тридцать лет раньше понятий «новая духовность» и «New Age Spirituality»¹. «New Age Spirituality» имеет более узкий смысл. Духовность New Age включает в себя ряд обязательных компонентов. Выделим некоторые из них.

Так, по О.Н. Четвериковой, «Нью Эйдж» перевел магию и эзотерику в экзотерическую плоскость, ввел оккультизм в массы, и позже активно задействовал интернет, включив в себя идею «неограниченного потенциала» – возможность быстро стать человекобогом, «эволюционный скачок» в эру Водолея, глубинную экологию (ускоренный курс усвоения оккультных знаний без правил по духовной безопасности), а последствия обозначаются как знак избранности, переход в иное измерение, получение даров)².

Основой «духовности New Age», по мнению ряда авторов, является особого вида оккультизм: 1) двойное прочтение, «что внизу, то и вверху»; 2) практический эзотеризм, неоспиритуализм; 3) утверждение равенства добра и зла или апология зла (оно якобы дискредитировано кем-то); 4) стимулирование «вызова» ярких впечатлений на уровне эмоций, психофизических реакций, «невротизм»; 5) преподнесение знаний как тайных, закрытых, «для избранных»; 6) поощрение идеи создания другого существа, взамен человека, что сопровождается стимулированием неудовлетворенности и ненависти к человеку (антиантропология). Отсюда не случайно в ряде учений Нового века наблюдается эйфория по поводу катаклизмов и несчастий³. Духовность «New Age» — это

¹ Так, М. Добровольский подробно проанализировал терминологию «Holistic/New Age Spirituality» и подчеркнул, что термин «духовность» в значении западной «spirituality» применяется «по отношению к массовой повседневной эклектической нетрадиционной религиозности, проявляющейся в том числе в интересе к ориентальным «духовным» практикам (йога, медитация, рейки, боевые искусства), европейскому мистицизму, парапсихологии и т.д., начинает активно употребляться в западной академической традиции на рубеже 1990-х и 2000-х годов. В частности, для литературы более раннего периода характерно использование понятий «движение нью-эйдж» или «религия нью-эйдж». См.: Добровольский М. Спиритуалистическая этика и новый дух капитализма // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 4. С. 231–232.

² Четверикова О. Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М., 2019. С. 6-8.

³ Хвастунова Ю. В. Сетевой Нью Эйдж и его региональное преломление в современном обществе // Манускрипт. Тамбов., 2020. Т. 13. Вып. 8. С. 151-154.

детище полистилистической (постмодернистской) культуры, где главное – не истина (она отменяется), а привлекательность на потребительском уровне. Отсюда, относительно легко идеи и авторские проекты перетекают из одного сообщества в другое, но содержание самих идей находится в узком диапазоне¹.

В целом, духовность «New Age» и ее реализация в действиях конкретных адептов и их последователей вызывает далеко не однозначную оценку. Существуют типичные признаки, вызывающие настороженность в отношении ряда подобных систем и практик: дилетантское (без профессиональной подготовки, контроля со стороны авторитетного учителя) осуществление целительских практик; формирование различных видов зависимости у последователей (психическая зависимость от руководителя, вплоть до потери способности критического мышления, физиологическая зависимость, например наркотическая); шарлатанство, например выманивание денег у последователей вплоть до потери всего имущества; разрыв с семьей, когда некоторые гуру требуют от своих последователей полного подчинения и единомыслия, включая всех своих близких родственников, а в случае отказа появляется требование расстаться с «внешним миром»; отказ от профессионального медицинского обслуживания в случаях острой необходимости; антисоциальный характер ряда сообществ и т.д.²

В рамках данной работы можно выделить неоязыческое направление «New Age». Последнее подразделяется на политико-идеологическое обоснование «правого» радикализма; экологическое – поиск гармонии человека и природы; этнографическое – реконструкция древнеславянского быта, искусств и ремесел; игровое – проведение ролевых игр по мотивам произведений фэнтези; квазирелигиозное – система верований и обрядовых практик; философское – на основе традиционализма Р. Генона, Ю. Эвола, М. Элиаде и других³. Современное неоязычество в ряде своих направлений отвечает всем характеристикам «новой духовности». В контексте рассмотрения регионального преломления «новой

1 Григорьева Л. И. Религии "Нового века" и современное государство. Красноярск., 2002. С. 91.

2 Хвастунова Ю. В. Нетрадиционные учения и культуры. Горно-Алтайск, 2006. С. 73–75.

3 Там же. С. 95.

духовности» в Республике Алтай будет далее подробно исследовано развитие «Алтай Дян Ак Дян».

Применительно к пониманию различий между духовностью и «новой духовностью» здесь обнаруживается закономерность, подтверждающая принцип отзеркаливания (антипода) «новой духовности» как некоего искажения духовности традиционной. Так, если духовности свойственна способность отражать опыт предыдущих поколений, как положительный, так и отрицательный, то в «новой духовности» в формате неоязычества такая способность, с одной стороны, эксплуатируется, а с другой стороны, искажается из-за отсутствия некоторых базовых элементов и условий для активации подлинной духовности.

Еще один близкий термин в западной науке – «*новая религиозность*». Популярная «новая религиозность» обнажает свои связи и симпатии к оккультизму, магии, экстрасенсорике, эзотерике в плоскости массовой культуры и ее способов потребления, и отсюда появился специальный термин для культуры, создаваемой с помощью данной «духовности» – «оккультура»¹.

Понятие «новая религиозность» как «эkleктическая смесь отдельных элементов традиционных религий, восточной мистики, популярных псевдонаучных теорий, многочисленных мифов и суеверий»² в массовой культуре (и, в частности, в искусстве), в связи с новой мифологией рассматривается в работах Ю.В. Рыжова. Он отмечает, что появление понятия «новая религиозность» в западных работах связано с ростом НРД, различных культов и включает в себя те негативные явления, которые Н.А. Бердяев не желал видеть в новой религиозности: «Заметим, что современная новая религиозность скорее относится к “хаотической мистике”, столь нелюбимой Бердяевым»³.

Исследование пересечений «новой духовности/религиозности» с популярной/массовой культурой, а также различные формы «новой

¹ Kirby D. Fantasy and belief: alternative religions, popular narratives, and digital cultures. New York, 2014. P. 106; Михельсон О. К. Сакрализация популярного. Методологические подходы к исследованию religion-like phenomena в современном религиоведении // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 122–137.; Михельсон О. К. Процесс секуляризации и рождение новых форм религиозности: мифы массовой культуры // Религия в меняющемся мире. СПб., 2012. С. 115–129.

² Рыжов Ю. В. Ignoto Deo: новая религиозность в культуре и искусстве. М., 2006.

³ Там же. С. 57.

религиозности» (квазирелигиозные) представлены в работах О.К. Михельсон¹. Она отмечает, что «новая духовность» и «новая религиозность» являются детищами постсекулярной культуры. В основе таких явлений лежат причудливые смеси из произведений популярной культуры с претензией на «духовность», манифестацией которой являются диалоги и философия культовых киногероев и персонажей фэнтези. Это может быть духовность толкиенистов, индеанистов, последователей джедаизма, философии фильма «Матрица», «духовность» пользователей ролевых компьютерных игр и даже политических событий.

Западный религиовед Д. Кирби, создавшая теорию «оккультуры», показала, что само понятие «оккультура» изначально имеет свойства гибридности, смешения в современной культуре разных явлений. Это явление западного общества, где после продолжительной войны с христианством в рамках секуляризации вдруг начался процесс нового «заколдовывания» – своеобразная квазирелигиозная перекодировка/прошивка информационного общества с его потребительской культурой. Популярная массовая «оккультура» имеет три основания: потребление (стяжательство, противоположное умеренности, скромности, обету добровольной нищеты), удовольствие, комфорт. Итак, суть цифровой виртуальной реальности в большей степени ткется из эзотерических идей, и отсюда такое множество однообразных «духовностей», гуру, фантастических персонажей. Д. Кирби принципиально отказывается от глубокого погружения в понятие «потребительская культура/общество» и считает его проблематичным для анализа современной эпохи, где более актуальным представляется понятие «гедонистическая идеология»². Потребители вращаются в постмодернистском мире брендов, марок, рекламы, блогеров, которые предлагают включиться в игру «примерки идентичностей». Например, сколько возможностей для фантазии открыла теория флюидности в ЛГБТ, когда не надо определяться раз и навсегда с

¹ Михельсон О. К. От «псевдорелигии» и «квазирелигии» к «имплицитной религии». Теологизм в исследованиях современной религиозности // Вестник Орловского государственного университета. Серия Новые гуманитарные исследования. 2014. № 6 (41). С. 155–159; Михельсон О. К. Сакрализация популярного. ...Указ. Соч. С. 122–137; Михельсон О. К. Массовая культура, игра и новая религиозность // Вестник Санкт-петербургского государственного университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. № 1. С. 113–117.

² Kirby D. Fantasy and belief: alternative religions, popular narratives, and digital cultures. P. 8.

гендером, а можно «по настроению». Аналогично и с духовной сферой; когда постмодернизм отменил неприкасаемость ряда тем: смерть, сакральность, материнство, Бог и т.д., то появилось множество «духовных» брендов и трендов. Д. Кирби – сторонница трактовки периода постсекуляризации как «приватизации религии», когда растет религиозный рынок, «большой религиозный торговый центр» по предоставлению разнообразных услуг.

Сколько видов духовности, духовных сообществ, движений и идей можно обнаружить в киберпространстве? Здесь реализуется, например, идея альтернативной реальности, где лояльность может стать религией¹. Термин, «лояльность» означает отзывы клиентов, отзывы других игроков, пользователей на их мнение, т.е. доверие их мнению, сформированному на основе какой-либо манипуляции в сети. В виртуальной реальности можно выстраивать воображаемый мир, где включаются и другие составляющие, например, фактор анонимности. Последний способствует еще большему размножению иллюзорных представлений. При этом Д. Кирби пытается выделить положительные стороны религиозности в киберпространстве, например возможность осуществления религиозных практик онлайн совместно с другими последователями, получить доступ к различной религиозной информации.

Трансгуманистическая духовность. Многочисленные теоретики трансгуманизма прямо или косвенно касаются вопроса духовности, представленном в концепте «Human Enhancement»². Это трансгуманистический технологический эквивалент способов достижения «новой духовности/спиритуальности». Здесь не требуется духовная подготовка, более того, человек изначально воспринимается как конструкт, который следует разобрать и дополнить имплантами или «выкинуть все лишнее», оставив мозг, который путем оцифровки будет загружен в компьютер.

¹ Kirby D. Ibid. P. 8.

² См. Ополеп П. В. Антропологическое измерение прогресса: совершенствование, приращение, перераспределение // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1. Ч. 1. С. 181–196.

Ряд трансгуманистических направлений ассоциирует себя с односторонне понятым гностицизмом, который «ненавидит» телесность. Утверждается что путем неких магических знаний и практик, соединенных с техническими научными возможностями, человеческое сознание наконец-то освободится от тела-тюрьмы и таким образом достигнет бессмертия. «Human Enhancement» — это конкретное применение цифровых, технических средств, НБИК технологий. Для массового сознания посредством популярной культуры *трансгуманизм преподносится как «наука совершенствования человека»* путем трансформации в киберчеловека.

Духовность трансгуманистов поощряет эксперименты с чувственностью, эмоциональностью, шире – с телом, применение не только медитативных практик расширения сознания, но и психоделиков, которые будут усовершенствованы до дизайнерских наркотиков, «таблеток счастья», автоматического дозированного впрыскивания препарата в организм и т.п. Духовность описывается как стремление к единению, т.е. к интеграции с помощью технических средств всех транслюдей в единую систему и слияние с ИИ (цифровым богом, «Digital deus»), что описывается как достижение инсайта.

Итак, в западной науке к концу XX в. «новая духовность» стала неким базовым трендом, объявив себя единственно легитимной духовностью, удачно популяризируясь в многочисленных движениях «New Age», в потребительской культуре, найдя себе питательную почву в трансгуманизме.

В современном обществе на состояние духовности человека оказывают влияние следующие факторы: определенные мировоззренческие установки, прежде всего, основанные на философии постмодернизма, информационные технологии, доминирование ценностей потребительской культуры, коммерциализация религиозной сферы, рост влияния многообразных движений Нового века и формирование массовых магических практик и верований, в том числе, посредством распространения трансгуманизма. Вышеперечисленное позволяет скорректировать имеющиеся типологии духовности с учетом роста новой духовности или «spirituality».

Завершая рассмотрение трактовок духовности в данном параграфе, где мы разделяем понимание духовности, представленное в русской религиозной философской традиции, отметим, что важно четко развести понятия «преобразования»/духовного совершенствования и трансгуманистического технологического «усовершенствования» трансчеловека с «новой духовностью», которая не обременяется атрибутами духовности как таковой.

Согласно русской религиозной философской мысли, подлинная духовность ориентирована на обожение, становление богочеловека, то есть максимально возможное уподобление Богу – в нравственном плане, в развитии «живознания», отказе от эгоизма, ориентации на служение, на «давание», а не «взятие» и т.д. Человекобог трансгуманизма – это, напротив, законченный эгоист и индивидуалист, получивший новые (технологически обусловленные) возможности для реализации всех своих эгоистических желаний, киборгизированный гибрид, суррогат, супермен, который действует в формате прагматической утилитарно-гедонистической этики, иначе, «этики хищника». Итак, в антропологическом плане водораздел между видением русских религиозных философов и западных сторонников «новой духовности» лежит на уровне дихотомии: *богочеловек и человекобог*.

Выделим теперь ряд признаков «новой духовности»:

- Неинституциональность (однако, «новая духовность» при условии успеха идей автора, раскручивании проекта, привлечении многих сторонников, постепенно институционализируется).

- Квазирелигиозность как мировоззренческая основа (эkleктическая смесь отдельных и часто искаженных или редуцированных элементов из различных религий, магии и пр.).

- Редукция «священного» до «сакрального» и сакрального до обыденного (в качестве сакрального могут выступать любые вещи и процессы, например, субъективные психические явления).

- Этический плюрализм с преобладанием гедонистической этики.

- Нецельность, неспособность удерживать форму, собирать, объединять.

- Вариативность, множественность (отсюда термин «духовно ищущие», spiritual seeker).

Разновидностью «новой духовности» является *трансгуманистическая духовность*. Отличается эсхатологичностью – большинство направлений разделяет ожидание эры Сингулярности; принципиальной нацеленностью на «научно достижимый» иммортализм и, в целом, радикальную техническую трансформацию человека – технооптимизм и технопрогрессизм. Последний сближается с восприятием Нового века в наделении техницизма магической интерпретацией. В целом, духовность трансгуманизма концентрируется вокруг главной идеи – «Human Enhancement» и создания единой религии будущего со встроенной стратификацией: элита – божества, транслюди, Цифровой бог.

При этом «новая духовность» в современном обществе продолжает трансформироваться, в том числе, в мировоззренческом плане; в зависимости от подхода, идеологических предпочтений, она может иметь различные акценты. Постсекулярная культура, с одной стороны, дает шанс реанимации многих традиционных религий, но, с другой стороны, ее амбивалентность, «переходность» создает момент неясности, своего рода точку бифуркации, непредсказуемости дальнейших процессов.

В завершение этого параграфа дадим резюмирующие философские определения духовности, с опорой на русскую религиозную философию, и «новой духовности» (антидуховности).

Духовность – это цельная явленность Духа, раскрывающегося при условии умосердечного живого знания, опирающегося на фундаментальные нравственные ценности, где человек как единое духовно-телесное существо (единство психофизиологического, эмоционально-когнитивного и духовно – нравственного уровней), в пределе преображается в богочеловека и достигает единства с миром и с людьми.

Новая духовность – это дезинтегрированная, лишенная основы «душевность», находящаяся в границах рассудочного знания-информации, опирающаяся на субъективную «удобную» гедонистическую систему

(анти)ценностей и псевдо-религиозные основания, преимущественно телесного человека-конструкта (трансчеловека), потому неизбежно нуждающегося в различных технических дополнениях, превращающих его в гибрид человекобога/человека-зверя, образующего в совокупности подобных редуцированных существ, вирусную сетевую атомистическую систему (конструкцию).

1.2. Трансгуманизм как основа современной постсекулярной культуры

Современная культура может быть обозначена как «пост-постмодернистская» в ее многочисленных вариациях: диджимодернизм, альтермодернизм, метамодернизм, ремодернизм, перформатизм, нарциссическая, некрофильная культура, которая, возможно, сольется с трансгуманистической.

Применительно к духовно-религиозным процессам и явлениям представляется наиболее точным понятие «постсекулярная культура». Для ее анализа необходимо подробнее рассмотреть такие явления как секуляризация, десекуляризация, постсекулярность. Именно в контексте постсекулярной культуры наибольшее влияние приобретает трансгуманизм в самых разных своих проявлениях. При этом трансгуманистические теории одновременно развиваются и по секулярному сценарию, и по квазирелигиозному, постулируя, как выше сказано, особую «новую духовность». Она, в свою очередь, может быть либо в определенном смысле «новой», доминирующей в многочисленных группах Нового Века с его коммерческой сутью, массовостью, гедонистическими и прагматическими установками, либо опирающейся на редуцированные фрагменты древних религиозных, оккультно-мистических и магических традиций. Последняя ищет себе новые формы выражения, все более смешиваясь с цифровой философией, техницизмом, культом инноваций и теорией управляемой эволюции с главной целью – достижением эры Сингулярности.

Переходим к понятию культуры. Традиционно в ней выделяются две составляющие: духовная и материальная. При этом под духовной культурой

понимаются все виды деятельности, не имеющие материального выражения: язык, нормы, ценности, верования, знания, запреты, традиции и так далее, а также искусство, наука, философия. Но для нашей цели мы конкретизируем это определение, делая акцент на мировоззренческой составляющей. *Духовная культура* – всё, что создает человек посредством своей творческой активности, обусловленной его духовным состоянием (духовностью)¹. Последняя задает вектор всем начинаниям, идеям и способам их проекции в реальность. О.А. Хутиева понимает ее как результат очеловеченности окружающей среды и самих людей, как проявление добра, как особый духовный опыт². Близко к этому определяет суть духовной культуры А.П. Колпакова³, которая видит духовность как глубинное основание культуры, проявление «человеческого в человеке».

Применительно к России необходимо рассматривать *российскую духовную культуру*. Е.А. Попов приходит к выводу об ее особой жизнеспособности (ее устремленность в будущее, ее способность сопротивляться, оказывать отпор в силу нарастающего давления на особые зоны реагирования), что и определяется формами и характеристиками ее духовности. Помимо этого, он выделяет витальный комплекс русской культуры, ее жизненные формы: этноцентричность (культура не теряет своей национальной целостности), культурный плюрализм, релятивность, «т.е. сложность и противоречивость и отсюда «необычность» исторического пути развития»⁴.

Представители Изборского клуба продолжают развивать близкие идеи с учетом современной ситуации в мире и России, выдвигая тезис о «священной истории»: «Но закон развития, т. е. форма линий времени, имеет свой инвариант, и род не уступит его и не сможет от него отказаться, иначе как ценою собственной гибели»⁵. «Священная история» предполагает особый замысел для каждого

¹ См. трактовку культуры: Бурлак Д. К. Понятие культуры в контексте идей русской религиозной философии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 9 (50). С. 19.

² Хутиева О. А. Духовная культура современной российской молодежи: культурфилософский анализ. Ставрополь, 2009.

³ Колпакова А. П. Духовно-нравственное воспитание младших школьников в условиях сельского образовательного пространства. Якутск, 2012.

⁴ Попов Е. А. Виталистские тенденции и стратегии в социодинамике русской культуры. Барнаул, 2006. С. 24.

⁵ Священная история – здесь и сейчас / В. В. Аверьянов, А. В. Елисеев, А. Ю. Комогорцев [и др.]. URL: <https://izborsk-club.ru/16343>.

человека, народа и человечества в целом. Именно против подобных идей направлена западная антироссийская стратегия «культуры отмены» - «*cancel russia*». В ответ формируется «философия сопротивления», в том числе, в среде российской философской общественности, которая, анализируя духовность российской культуры, оптимистично ожидает ее «восстановления-воскрешения»¹.

Осмысление развития и трансформаций культуры в XX в. шло по разным направлениям в трудах многих авторов. Так, теория массовой культуры сформировалась в работах М. Хоркхаймера, Т. Адорно, В. Бенямина², Г. Маркузе³ и других. Характеристики продолжающей трансформации массовой культуры уже с развитым культом потребления четко выявил Э. Фромм⁴, который, собственно, и ввел понятие «общество потребления», и отсюда началось формирование «потребительской культуры». Однако и она оказалась не единственным форматом современной культуры. Уже со второй половины XX в., параллельно росту влияния постмодернизма, стали возникать новые определения текущего состояния культуры как культуры постмодерна, а к концу XX в. заговорили об эпохе пост-постмодерна, в которой возникли совершенно не знакомые ранее формы – с ростом цифровизации и компьютеризации, с глобализацией и глокализацией и т.п. На Западе произошла «психологическая революция»: движения хиппи, глобальный наркотический эксперимент, культура рока, новые религиозные движения (НРД) и культы и т.п., начала формироваться особая стилистика «новой духовности», которая находила себе формы выражения в культуре. Появилось множество определений состояния культуры начала XXI в.

В трудах по современной культуре исследователи анализируют конец постмодерна и становление новой культуры, в целом обозначенной как «пост-постмодернистская». Данный термин предложил американский культуролог

¹ Еще с времен античности в отношении северных земель писали об их непредсказуемости, о «стране неожиданностей», Сакрального Хаоса, где в нужный момент мировой истории активируется сила и свершится: предназначенное (см.: Мамлеев Ю. Россия вечная. М., 2017. С. 97.)

² Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М., 1996. С. 149–209; Бенямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996. С. 15–65.

³ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2009.

⁴ Фромм Э. «Иметь» или «быть». М., 2012; Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001.

Джеффри Нилон¹ в 2012 г. Ученый, опираясь на теорию Ф. Джеймисона, утверждает, что современный период является логическим следствием постмодерна. Последний возник в период позднего капитализма, а новейший «пост-постмодернизм» уже полагается на обновленный капитализм западного мира. Синонимами «пост-постмодернизма» могут стать термины, предложенные следующими теоретиками новейшей трансформации культуры, – например, *диджимодернизм* А. Кирби², в котором сделан акцент на новой трактовке современного текста, а именно текста цифрового, варьирующегося от блога, социальной сети, компьютерной игры, до телешоу, подкаста, фильма или сайта. Текст может не иметь конца, он всегда направлен в будущее, в том смысле, что может изменяться, корректироваться, получить ранее не смоделированное направление, при этом его пишет несколько порой анонимных авторов, и отсюда их «безответственность» – подлинного заказчика почти невозможно узнать или привлечь к ответу. «Диджимодернизм – репрезентируемая через технологии, мануально-ориентированная культура (набор и производство текста)»³.

Еще одна теория, описывающая современную культуру – *автомодернизм* Р. Сэмюэлса⁴, появившаяся в 2007/2009 гг. Речь идет о том, что в современной культуре реализуются одновременно две противоположные тенденции: автоматизация и стремление к автономности (личной свободе). Автоматизация, доминирование технологий в культуре все более мешает современному человеку обрести свободу. Р. Сэмюэлс предлагает понятие «цифровая молодость» и уделяет внимание одной из самых популярных тем на Западе – обоснованию полезности новой субъектности. Автор критикует теорию культуры Г. Дженкинса, концепцию С. Жижека и Ф. Джеймисона.

¹ Nealon J. T. Post-postmodernism, or, The logic of just-in-time capitalism. Указ. Соч.

² См.: Kirby A. Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. New York, London. 2009; Кирби А. Смерть постмодернизма и то, что после // Metamodern. URL: <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism>.

³ URL: <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism>. P. 53.

⁴ Samuels R. Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. In Digital Youth, Innovation, and the Unexpected. Cambridge, 2008.

Концепция француза Н. Буррио¹ – *альтермодернизм*, или «иной модернизм», 2009 г. Автор сосредотачивается на современном искусстве в эпоху глобализации. Теперь главным субъектом становится художник, условно – номад, отсюда использование термина виаторизация (кочевничество), который путешествует, минуя границы, и распространяет смыслы «переписанного» искусства своим зрителям. Термин «переписанное» означает, что в качестве образцов для искусства художник использует артефакты, но уже в новом формате артмодернизма.

Еще одна концепция культуры – *метамодернизм* Р. Аккера, Т. Вермюлена², которую российский ученый А.В. Павлов характеризует достаточно скептически. Концепция опирается на манифест «Заметки о метамодернизме» 2010 г., где дается позитивная оценка нарождающейся новой культуре, в которой на место ироничных и порой циничных произведений приходит романтика и искренность.

Движение «*стакизм*», основанное Б. Чайлдиш и Ч. Томсоном³, опирается на программу-манифест «*Ремодернизм*», 2000г., в котором обосновываются постулаты фигуративной живописи (опора на модернистскую живопись и отказ от постмодерной живописи). *Трансмодернизм* в одной из своих разновидностей развивается испанским философом Р. Магде⁴. Это направление должно создать компромиссную ситуацию, примирив модерн и постмодерн.

Американский философ К. Морару, разработчик *космомодернизма*⁵, предлагает создать основу для новой культуры, способную заменить концепцию Ф. Джеймисона. К. Морару анализирует литературные произведения с середины XIX века до наших дней и видит в них черты некоей космовременности; анализирует

¹ Буррио Н. Постпродукция. Культура как сценарий: искусство перепрограммирует современный мир // Реляционная эстетика. Постпродукция. М., 2016. С. 116-205.

² Timotheus Vermeulen, Robin van den Akker. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Т. 2. вып. 1. С. 56–77; Ван ден Аккер Р., Вермюлен Т. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М., 2019. С. 39–82; Тернер Л. Манифест метамодернизма // metamodernizm.ru. URL: <http://metamodernizm.ru/manifesto/>.

³ Childish B., Thomson Ch. Remodernism // Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century. New York, London, New Delhi, Sydney, 2015.

⁴ Magda R. M. R. Globalization as Transmodern Totality // Transmodern Theory. URL: <https://transmodern-theory.blogspot.com/search/label/Globalization%20as%20Transmodern%20Totality>; Magda R.M.R. Transmodernidad: un nuevo paradigma // Transmodernity: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World. 2011. Vol. 1. P. 1-13.; Magda R. M. R. Transmodernity: A New Paradigm // Transmodern Theory. URL: <http://transmodern-theory.blogspot.com/2017/05/transmodernity-new-paradigm.html>.

⁵ Moraru C. Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary. Ann Arbor, 2011.

тенденцию стирания границ между субъектом и объектом, глобализацию, «перспективы омирщвления дискретного мира до культурного концепта планеты»¹.

Реновализм представлен работами канадского литературоведа Дж. Тота². Автор считает, что остаточные явления постмодернизма существенно влияют на современную культуру. Дж. Тот рассматривает литературный жанр метапрозы и ее новейший вариант – историопластическую метапрозу, а также связь современной теологии и постсекулярной теории.

Перформатизм Р. Эшельмана³ – это альтернатива в виде теории эстетики. Р. Эшельман объявил конец постмодернизма и приход перформатистской культуры. С помощью «двойного фреймирования» и «теистического дискурса» он делает вывод о все более сильном сужении прочтений в современных произведениях, вплоть до навязывания одной интерпретации.

В отечественной культурологии и философии также растет число теорий, описывающих современное состояние культуры. Так, теория «человека перехода» и «культурной паузы» С.А. Смирнова рассматривает момент смены философской эпохи постмодерна еще не сформировавшимся этапом историко-философского развития, где главенствует неопределенность, которую С.А. Смирнов и обозначил как «культурная пауза» «Мы опять находимся в иной ситуации, ситуации двойного после — “после постмодерна”»⁴. Он предлагает типологию людей, выделяя главные составляющие: сеть и атомарную личность.

Одна из последних работ, раскрывающая различные аспекты культуры после постмодернизма – диссертация А.В. Павлова⁵. Ученый подробно анализирует имеющиеся определения постпостмодернизма в различных источниках: от Википедии до глубоких теоретико-методологических работ в англоязычной и

¹ Павлов А. В. Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ. Москва, 2019; Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., 2019.

² Toth J. The Passing of Postmodernism: A Spectroanalysis of the Contemporary. Albany, 2010.

³ Eshelman R. Performatism, or the End of Postmodernism // *Anthropoetics*. Fall 2000 / Winter 2001. Vol. VI. № 2. URL: <http://anthropoetics.ucla.edu/ap0602/perform>; Idem. Performatism, or the End of Postmodernism; Эшельман Р. Перформатизм как преодоление постмодерна // *Логос*. Т. 31. № 6. 2021. С. 1–34.

⁴ Смирнов С. А. Человек перехода. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/smironov-sa/chelovek-perehoda>.

⁵ Павлов А. В. Философия культуры... Указ. Соч. Павлов А. В. Постпостмодернизм... Указ. Соч. 2019.

русской научной литературе и уже во введении, дискутируя с позицией А. Маркова¹, подчеркивает неочевидный тезис о завершении эпохи постмодерна и становлении новой реальности².

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Постмодерн многими трактовался как эпоха критического мышления, которая уже закончилась, поэтому исследователи философии культуры начали активный поиск более подходящего названия для комплекса современных культурных явлений. А.В. Павлов, анализируя современные альтернативные теории пост-постмодернизма, в целом делает довольно критические выводы в отношении большинства из них, описывая ту или иную теорию как узкую (например, в рамках анализа литературы конкретного периода и жанра), поверхностную (например, перформатизм), недостаточно разработанную и т.д.

Другой ракурс постмодернизма с точки зрения художественно-эстетического анализа обстоятельно представлен в работе Н.Б. Маньковской «Феномен постмодернизма»³. Анализу современного состояния «постпостмодернистской культуры» и ее видению как *нарциссической культуры* посвящены работы П.А. Ореховского и В.И. Разумова⁴. Статья породила большую дискуссию в научной среде (более десяти ученых опубликовали ответные статьи). Философы выделили уникальность и разнообразие форм нарциссической культуры⁵. Ю.И. Першин⁶ пишет, что «нарциссическая культура является относительно архаичным (не путать с архаическим) вариантом патологического социального развития... и противостоять этим процессам можно только с позиций здорового консерватизма и пропаганды традиционных ценностей»⁷. Ближе к этой точке зрения, но в более критическом философском ключе находится статья С.М. Журавлевой⁸, которая,

¹ Марков А. В. Постмодерн культуры и культура постмодерна. М., 2018. С. 11-12.

² Павлов А. В. Философия культуры... Указ. Соч. С. 28.; Павлов А. Постпостмодернизм... Указ. Соч. С. 7-8.

³ Маньковская Н. Б. Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс. М., СПб., 2016.

⁴ Ореховский П. А., Разумов В. И. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 3. Ч. 1. С. 84-102.

⁵ Ореховский П. А., Разумов В. И. Указ. Соч. С.85.

⁶ Першин Ю. Ю. Наступление нарциссической культуры: заметки на полях // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 2. Ч. 1. С. 150.

⁷ Там же. С. 149.

⁸ Журавлева С. М. Нарциссизм или некрофилия? // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 1. Ч. 1. С. 230-244.

критически анализируя некоторые позитивные характеристики нарциссической культуры у П.А. Ореховского и В.И. Разумова,¹ подчеркивает произвольность применения основных понятий: «высокая» культура и «нарциссическая» культура, отсутствие философской методологии в статье, которая заменена «неким «культурологическим методом», суть которого подобна постмодернистской игре в концепты, где всё связано со всем и может объясняться, как угодно автору»². С.М. Журавлева предлагает более точное определение для современной культуры – «некрофилия, которая проявляется в предпочтении мертвого, бездушного и механистического, упорядоченного всему живому, буйно растущему, неупорядоченному и неподконтрольному»³. Такая интуиция верно характеризует и трансгуманизм.

В то же время, например, Н.И. Мартишина соглашается с определением современной культуры как «нарциссической»⁴. И.В. Сохань характеризует личность нарцисса как приоритетную модель идентичности в массовом обществе, где все механизмы направлены на постоянную стимуляцию и утоление потребительского голода. Из-за внутренней пустоты нарцисс нуждается во внешней подпитке, которую получает из мира гламура, походов в супермаркеты и т.п.⁵ В.А. Скорев⁶ пишет о том, что «...такое свойство нарциссической культуры, как молодость, является сильным внешним фактором, способным восстановить способность жить предметно здесь и сейчас»⁷.

Наиболее близкой к тематике данной работы, анализирующей процессы секуляризации и постсекуляризации, является статья Г.А. Иларионова и В.И. Кудашева, которые не согласны с тезисом о противоположности массовой культуры и нарциссической и рассматривают вторую как продолжение первой:

¹ Журавлева С. М. Нарциссизм или некрофилия? Указ. Соч. С. 84–102.

² Там же. С. 230.

³ Там же. С. 231.

⁴ Мартишина Н. И. Нарциссическая культура и места ее обитания // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 1. Ч. 1. С. 194–195.

⁵ Сохань И. В. Нарцисс – приоритетная модель идентичности в массовом обществе // Человек. Культура. Образование. 2012. № 1(3). С. 35–47.

⁶ Скорев В. А. Нарциссическая культура в действии: власть, общество, безопасность, самоопределение // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 1. Ч. 1. С. 214–215.

⁷ Там же. С.215.

«Соглашаясь с тезисом о связи нарциссической культуры с постмодерном, мы полагаем, что она не является «молодой культурой»... Напротив, нарциссическая культура есть культура массового общества, зашедшего дальше по пути секуляризма, посттрадиционности и гуманизма, подобно тому, как постмодерн называют поздним, далеко зашедшим модерном такие социологи, как Э. Гидденс, У. Бек, Ю. Хабермас»¹. Они выделяют у П.А. Ореховского и В.И. Разумова противопоставление нарциссической культуры максиме «служения». Отсюда «особенность эгоистического характера нарциссической культуры – отказ человека «служить»... Такое состояние может быть описано с помощью двух соответствующих концептов – секулярности и посттрадиционности»². Авторы используют понятие секулярности близко к Ч. Тейлору, т.е. это состояние общества, где вера встала в ряд с другими константами и может быть выбрана, а может быть проигнорирована. Отсюда «секулярное общество – это общество плоской онтологии, не предполагающей наличие каких-либо иерархий реальностей... “Служение” требует онтологического неравенства, которое отсутствует в горизонтальной онтологии»³. Авторы дают свою трактовку современной культуры: «...нарциссическая культура – это секулярная массовая культура, прошедшая свой путь до конца которая... развенчала любую иерархическую онтологию вообще...»⁴. И далее Г.А. Илларионов и В.И. Кудашев точно выделяют еще одну черту постсекулярности – это ситуация перехода, используя метафору нахождения между Небом и Землей (человек утратил как высшую реальность, так и опору на традицию), отсюда возникает термин «посттрадиционность»⁵, т.е. потеря традиций и/или полагания на них.

В качестве третьего основания постсекулярной культуры авторы выделяют «минимальный гуманизм – это интенция к высшей ценности человека, за отсутствием иных ценностей, которые могли бы быть приняты в качестве

¹ Илларионов Г. А., Кудашев В. И. Гуманизм, посттрадиционность и секуляризм как три основания современного нарциссизма // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 2. Ч. 1. С. 165.

² Там же. С. 169.

³ Там же. С.169–170.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ Там же. С. 172.

таковых»¹. Такая характеристика в чем-то соответствует понятию «антрополатрии», используемому в русской религиозной философии, например, в работах Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, С.Л. Франка. Но русские философы предвидели, что вслед за отказом от высших ценностей неизбежно произойдет и громкое падение с пьедестала самого человека. Как отмечает В.А. Кутырев, это уже ситуация «антропогуманофагии как прямого вызова идентичности человека»². К явлениям нарциссической культуры Г.А. Илларионов и В.И. Кудашев относят движения «Нью-эйджа», носителей «новой духовности».

В.Г. Кириленко также описывает современную культуру как постсекулярную. С феноменом постсекулярности он связывает процесс *реонтологизации* в XXI веке, который выражается в открытости онтологической и духовной перспективы и одновременно открытости для опасных теорий антидуховной направленности³. Еще более определенно о секулярной эпохе с точки зрения потери ориентира на высшие ценности пишет В.Н. Тростников⁴. Он увидел в политико-экономических тенденциях трансэлиты целенаправленную реализацию программы по закольцовыванию, замыканию создаваемой системы на себе. В. Аверьянов подчеркивает, что в эпоху постмодерна произошла подмена полноты и вселенскости новыми понятиями – глобализацией и новизной. Мистика же, в свою очередь, и подлинная духовность подменились оккультизмом. Он отмечает «уход» высшей реальности в отдельное пространство «Исчезает присутствие высшего начала, исчезает полнота. Это означает, что сегодня потребен императив возвращения этой полноты. *Бог не умер, он спрятался...* Бог прячется, а не отсутствует, может быть, щадя современного человека, ожидая его обращения»⁵.

В контексте противостояния теорий секуляризации и постсекуляризации наиболее удачно снимает ряд методологических затруднений *теория*

¹ Илларионов Г. А., Кудашев В. И. Указ. Соч. С. 174.

² Кутырев В. А. Философия трансгуманизма. Нижний Новгород, 2010. С. 72.

³ Кириленко В. Г. Философско-антропологический анализ идей совершенствования человека в XXI веке. М., 2022. С. 86–93.

⁴ Тростников В. Н. Мысли перед рассветом. Париж, 1980.

⁵ Аверьянов В. В. Крытый крест. Традиционализм в авангарде. М., 2015. С. 114–115.

множественной современности «Multiple Modernities»¹. Она может быть применена не только к анализу западной, но и российской современной культуры или отдельных субкультур. В исследованиях многих западных ученых данная теория подвергается критике из-за тезиса о множестве сценариев современности, акцентирования внимания на культурной составляющей, а также из-за «недостатка» эмпирических данных². Но в российском философско-культурологическом пространстве данная теория нашла отклик, поскольку во многом продолжает некоторые идеи Н.Я. Данилевского³. Можно здесь также отметить работы Ш. Эйзенштадта, который, как известно, отстаивал идеи множественности вариаций модерна, не считая его западный вариант единственно возможным.

Д. Узланер подчеркивал, что в европейской мысли долго удерживалась монополия теории секуляризации, являющейся подразделом европейской теории модернизации. Последняя настаивала на несовместимости современности и религии⁴. Но при этом в рамки данной теории не вмещается экономически сильная американская культура. Поэтому американские социологи и религиоведы предложили собственную версию секуляризации, точнее, уже постсекуляризации (рост религии при имеющихся признаках прогресса) – теории религиозного рынка, оказавшиеся более объективными. Они были первыми теориями, которые отражали американскую современность, им «разрешили» несколько отклониться от общей концепции секуляризации в силу «особого положения США». Но очевидно, что свое видение этой темы может и должно быть у исследователей других стран, в том числе, России. Уже упомянутый Ш. Эйзенштадт анализировал недочеты теории секуляризации, поскольку видел и упадок традиционных религий,

¹ Eisenstadt Sh. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129 (1). P. 1–29. Продолжение теории в работах Арнасона Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы / пер. с англ. М. Масловского, А. Степанова, Ю. Прозоровой. М., 2021.

² Volker H. Schmidt Multiple Modernities or Varieties of Modernity? // *Current*, 2006, P. 77-97; Elsje Fourie A future for the theory of multiple modernities: Insights from the new modernization theory // *Social Science Information*. 2012. 51(1). P. 52–69.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

⁴ Узланер Д. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // *Государство. Религия. Церковь*. 2012. №1 (30). С. 8-9, 13-17.

и одновременный рост новых религиозных движений (НРД)¹. Эйзенштадт писал о росте движений «...в духе “Нью-Эйджа”... между ними установилось множество транснациональных» связей, ставших новым элементом общей глобальной сцены»².

При этом постсекулярная «духовная основа» идейно, структурно, организационно и исторически соответствует параметрам трансгуманистического движения и его способам проникновения в национальные элиты, привлекая активных бизнесменов и распространяясь через них в различных сообществах, влияя на их культуру. Достаточно успешное распространение трансгуманизма во многом обеспечено благоприятными условиями постсекулярности западного общества. Причем рост его популярности обусловлен не только политическими и научными достижениями, но и удачным внедрением в массовую культуру, в современное искусство, о чем мы еще будем говорить.

Ш. Эйзенштадт выделяет некоторые черты «новой духовности», в том числе в виртуальных сообществах, отмечая их реконституированность³. Он обращает внимание еще на одну особенность постсекулярности: ранее «выброшенные на обочину» отдельные группы, культурные образования снова начали возрождаться и усиливать свое влияние «Большинство некогда “подавленных” идентичностей – этнических, локальных, региональных и религиозных – обрели новую значимость»⁴.

Крах секуляризации, отмеченный процессом «возвращения» религий и ростом популярности «духовных исканий» – это сценарий западной современности. В Европе и США он протекает по-разному, но трансгуманизм может стать здесь общим объединяющим началом, поскольку его амбиции связаны со всем миром. Трансгуманизм пытается присвоить себе монополию на современность, внедряя собственное видение будущего развития технологий,

¹ Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство. Религия. Церковь. 2012. №1 (30). С. 33–56.

² Там же. С. 36–37.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С.42–43.

добиваясь финансирования нужных ему проектов и консервирования конкурентных или опасных для него программ и теорий.

Остановимся теперь на историческом развитии понятий: секуляризация, десекуляризация, постсекулярность. Тема секуляризации, постсекулярного общества наиболее полно проанализирована с разных сторон следующими ключевыми фигурами: Ю. Хабермас, Бр. Тернер, П. Бергер, Ч. Тейлор, Э. ван дер Зверде, Дж. Милбанк. В российском научном поле это А. Кырлежев и В.В. Щипков. Среди обзорных сборников наиболее удачным стал выпуск второго номера журнала «Государство. Религия. Церковь» 2012 г., с темой «Религия в постсекулярном контексте»¹.

Исследователи процессов секуляризации на современном этапе обычно начинают с работ П. Бергера, который представил три варианта секуляризации:

1. Секуляризация в опосредованной институциональной дифференциации в обществе. Все что ранее выполняли религиозные институты, теперь берут на себя отдельные подсистемы: образование, институты, связанные с культурной политикой, медицина и даже экономический сектор.

2. Секуляризация как целенаправленный процесс изгнания религии из сферы влияния, из публичного пространства (историческое развитие ситуации с религией во французском обществе: «...религия рассматривается как строго частное дело... как это наблюдается в современной Франции. Религиозные символы или действия неукоснительно исключаются из политической жизни, но приватизированная религиозность охраняется законом»²).

3. Секуляризация как полная или частичная ликвидация религиозных институтов, религиозных идей, культа. Два варианта (по Бергеру, мягкая и жесткая секуляризация) объединяются тем, что религия становится абсолютно приватным делом.

В социальной философии Бр. Тернер развивал свою авторскую теорию секуляризации. Он отметил слабое место сторонников секуляризации – слепое

¹ Эйзенштадт Ш. Указ. Соч.

² Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2(30). С. 11.

следование клише «упадок, исчезновение религии», которое уже не соответствует действительности. Достаточно обратиться к социологическим исследованиям, которые опровергнут это мнение. Рынок, массовая культура, потребление сформировали человека нового типа, а коммуникационная революция создала те эффекты, которые никто не смог спрогнозировать. Религии, которые живут благодаря конкретным людям, а те, в свою очередь всегда являются современниками того или иного общества, – приспособились, модернизировались, трансформировались под новые условия и в некотором смысле организовали прозелитическую работу даже более эффективно, чем это делалось ранее.

Бр. Тернер пишет о доминировании культов, имеющих ориентацию на консьюмеризм (религиозные рынки)¹. По его мнению, социальные условия будут меняться, но у религии есть свой козырь – это сакральность. Далее он выделяет два вида секуляризации: политическую и социальную. Первая связана с глобальным процессом разделения церкви и государства, а вторая протекает на микроуровне – взаимодействие преимущественно неформальное, уровень культурных предпочтений, выбор ценностей и норм. При этом Бр. Тернер обращает внимание на появление феномена «духовности (spirituality)» и предлагает выделять в современных обществах три варианта религиозности.

1. Глобальный ривайвализм, т.е. сохранение, следование и приверженность институциональной религии. Это, как правило, традиционные религии, конфессии и их ортодоксальные системы.

2. Народные религии, которые, в отличие от первых, включают в себя уже более «разбавленные» предания, суеверия, обычаи и праздники. Они практикуются в народной среде.

3. Коммерциализированная (коммодификация религии) урбанизованная сетевая религиозность, преимущественно в формате «Нью Эйдж», «новой духовности», где отсутствует традиция, следование авторитету, преемственность, но присутствуют современные коммерческие, рыночные формы отношений.

¹ Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2(30). С. 24–25.

А.И. Кырлежев предлагает рассматривать два вида секуляризации: идеологический и прагматический. Идеологическая секуляризация – это, согласно М. Веберу, ситуация «расколдовывания» мира. Последний перестал мыслиться как место пересечения сакрального и профанного, он стал замкнутым на себе, в нем нет и не может быть проявлений Трансцендентного.¹ Кырлежев считает, что старая досекулярная модель несовместима с новой *постсекулярной моделью*: «...новая постсекулярная модель религии предполагает концептуализацию досекулярной религии/религиозного на фоне полемики с концепцией секулярной»².

Эверт ван дер Зверде в результате понятийно-языкового источниковедческого анализа приходит к мысли о размывании границы между религиозным и секулярным, что, собственно, и провоцирует новую ситуацию «постсекулярного» общества³. Он заключает, что сейчас «...смешивают секулярность и секуляризм... мы сталкиваемся с областью очень разных значений»⁴ и доказывает, что «секуляризации имеет теологические, а точнее, христианские корни»⁵. Э. Зверде разработал таблицу, где указал девять значений термина «секуляризация»: «Понятие “секулярного” возникло в рамках латинской христианской теологии, и его классическим источником является сочинение Августина Иппонского (354-430) *De Civitate Dei* (О граде Божием), ... а его первое упоминание мы находим в «Деяниях сциллитанских мучеников»⁶.

Еще один исследователь секуляризации в России – это В.А. Щипков, который смотрит на классическую трактовку секуляризации как в корне неверную, так как она полагается на автоматическое признание границ религии, хотя изначально люди не отделяли религию от жизни в целом⁷. Процесс изгнания Трансцендентного начался уже давно, что вело к созданию пространства без Бога, к миру простому и контролируемому, который возможно организовать по собственным законам, создать

¹ Кырлежев А. И. Постсекулярная концептуализация религии // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2(30). С. 52.

² Там же. С. 58.

³ Эверт ван дер Зверде. Осмысливая «секулярность» // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2(30). С. 71.

⁴ Там же. С.83.

⁵ Там же. С.88.

⁶ Там же. С. 94–95.

⁷ Щипков В. А. Введение в генеалогию секулярного // Концепт: религия, философия, культура. 2019. №3. С. 62, 66–67.

«слепые зоны», где всё будет «лучше, веселее, приятнее, свободнее (в плане вседозволенности)», а если что-то будет нарушать такую иллюзию, то это следует игнорировать и подвергать остракизму. Термин «секулярное» (от лат. «saeculum» — век, мир, время) изначально в себе несет некую ограниченность (в том числе, пространственно-временную заданность), т.е. секулярное в принципе не способно выйти за пределы временного и материального в Вечность. Отсюда неудивительна логика изгнания и самого человека, который упорно манифестирует в себе эту Вечность.

В современной науке начали активно создавать типологии теорий постсекулярности. Д.А. Цыплаков подробно анализирует и приводит типологию постсекулярности, предложенную Дж. Бекфордом¹, у которого насчитывается шесть групп таких теорий:

1. Отрицание понятия «секулярность» у ученых, которые доказывают существование религии на современном этапе, а различные утверждения об ее изгнании или упадке объявляют «происками» врагов религии и религиозного.

2. Постсекулярность – это продолжение процессов секуляризации (версия Дж. Капуто) на новом витке, совместившем светскость и религиозность.

3. Версия постсекулярности, создаваемая писателями, сценаристами и режиссёрами и их критиками (Маклур (McLure), романы Д. Делилло, Т. Моррисона, Э. Уокер, Т. Пинчона. Фильмы К. Тарантино позволяют проследить поворот от атеистически мыслящих героев к религиозным), здесь налицо четкое увязывание постсекулярности с постмодерном и растущая роль движения «New age».

4. Возвращение религии в публичную сферу, рост ее активности, в том числе, через благотворительные и иные фонды; социальная работа, волонтерство и т.д. (здесь уже нет четкого разделения между религией и государством).

5. Обретение нового осмысления роли религии в XXI в. как жизнестойкой: так, по Ю. Хабермасу, религии не только смогли выжить, но и обнаружили рост.

¹ Beckford J. SSSR Presidential Address. Public Religions and the Postsecular: Critical Reflections // Journal for the Scientific Study of Religion. 2012. Vol. 51, is. 1. P. 1–19.

Таким образом, создались условия для «постсекулярного баланса» в мультикультурном обществе Европы.

6. Отрицание и секуляризма, и оптимизма в отношении религии (И. Далферт понимает постсекулярность как гегелевское «снятие» проблемы секулярного и религиозного: пост-секулярные общества не являются ни религиозными, ни секулярными)¹.

Несколько упрощенный формат типологии представлен в работе отечественных исследователей Е.В. Кузьминой и Р.Р. Фазлеевой, сгруппировавших теории в три блока:

1. «Прорелигиозная» группа теорий – скептики и критики секуляризации, развивающие теорию постсекулярности на более объективной основе, свободной от идеологии откровенных врагов религии².

2. Светская группа сторонников секуляризации рассматривает секуляризацию как прогрессивное явление³.

3. Скептики и критики, продолжающие видеть деградацию, упадок духовно-религиозной сферы, например, в чрезмерной коммерциализации религии. Появляется «новая духовность» полностью завязанная на коммерческо-рыночных, потребительских отношениях.

В работах, связанных с осмыслением секуляризации в новейший период, просматриваются *оппозиции, бинарные культурные установки*, которые объясняют как возможность сосуществования различных дискурсов, снятия конфликтных ситуаций: религиозное/секулярное; светское/религиозное, или религиозное/секулярное, или религиозное/безрелигиозное или религиозное/атеистическое и т.п. У апологетов «новой духовности», часто просматривается оппозиция: «старая религия/новая духовность», где автоматически старое равно «неактуальное», худшее⁴. И тут редко фигурирует

¹ Цыплаков Д. А. К вопросу об изучении российской постсекулярности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 3. С. 234-239.

² Кузьмина Е. В., Фазлеева Р. Р. Постсекулярность: тенденции анализа феномена в современных религиоведческих исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 8(82). С. 106–112.

³ Там же. С. 109.

⁴ Степанова Е. А. Новая духовность и старые религии // Религиоведение. 2011. № 1. С. 127–134.

понятие «духовность» в классическом смысле, поскольку «духовность» пытаются «обрезать» под стандарты секуляризованной картины мира, например в варианте «духовность без метафизической основы».

Отметим, что западные страны различаются между собой по степени секуляризации: одни перешли в нее давно и основательно (Франция), другие перешли, но не остались в такой ситуации, преодолев секуляризацию через вариант «десекуляризации», «возвращение религии» (ряд стран Восточной Европы), третьи претерпели сильное влияние «неудач мультикультурализма» (Англия).

Из сказанного вытекает необходимость рассмотрения понятия «*постсекулярная культура*». Это понятие позволяет, помимо прочего, осуществлять сравнительный анализ разных культур и субкультур с учетом религиозно-духовных факторов, в том числе анализировать трансгуманизм в плоскости постсекулярности.

Первые упоминания термина «постсекулярная культура на Западе встречаются лишь в 1990-х годах прошлого столетия. Так, это понятие в рамках философско-культурологического и теологического анализа фигурирует в работах Дж. Капуто¹, который обозначил современный этап как постсекулярный, стремящийся к критике и компромиссу². А. А. В. Зондерван в своей работе об американском социологе и философе культуры Ф. Риффе называет последнюю главу «Рифф: пророк постсекулярной культуры», где отвечает на вопрос «Какое отношение работа Риффа имеет к текущим дебатам о (де)секуляризации и “новой религии”?»; под последней он понимает появление новых религиозных групп Нового века. Он отметил всплеск религии в различных формах, что может свидетельствовать о культурном процессе, в ходе которого религия приобретает новые формы, которые постепенно вытесняют традиционные формы³. А. Портерфилд⁴ применил термин «постсекулярная культура» для описания

¹ Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. М., 2011. № 3 (82). С. 186–205.

² Там же. 186.

³ Zondervan, Antonius A.W. Sociology and sacred: an introduction to Philip Rieff's theory of culture / University of Toronto Press Incorporated. Toronto, 2005. P. 158.

⁴ Porterfield A. Religious pluralism, the study of religion and «postsecular» culture // The American university in a postsecular age / Ed. by Douglas Jacobsen and Rhonda Hustedt Jacobsen. Oxford, 2008. P. 186–201.

растущего влияния религии на высшее образование в США с целью критического разбора подобной культурной тенденции. Литературовед Дж. Макклор использовал понятие «постсекулярная культура» для описания культуры, в которой родились анти-секулярные мотивы жажды духовного в современной американской литературе. Он анализирует романы определенной сюжетной линии, где «персонажи разочарованы светскостью, но в то же время опасаются догматической религиозности» и находятся в ситуации «частичной веры» (анг. «Partial Faiths»). Одна из главных идей автора состоит в том, что не только философы, но и романисты являются изобретателями и выразителями постсекулярности (Leslie Marmon Silko, Don DeLillo, Michael Ondaatje, and N. Scott Momaday)¹.

В работах отечественных исследователей – К.А. Багаева, Е.В. Кныш, Е.В., Кузьминой, Р.Р. Фазлеевой, Г.Я. Куликова, Т.П. Минченко, К.В. Пашкова, А. Денисенко, Д.А. Цыплакова также рассматриваются различные аспекты «постсекулярной культуры». Е.В. Кныш фиксирует типологию теорий в отношении постсекулярной культуры:

1. Признание неудачи или провала позитивистских теорий секуляризации и появление универсальной, основанной на новой методологии религиозной концепции (теория Дж. Милбанка «Радикальная Ортодоксия»).

2. Теории критиков постсекуляризма, которые считают нынешний век продолжением секуляризации.

3. Теории, постулирующие возвращение религиозных постулатов и опору на них в век бездуховности и кризисов.

Опираясь на теорию Н.Я. Данилевского, Ш. Эйзенштадта и других сторонников полицентрической модели разнообразия типов культур, цивилизаций, сценариев современности, необходимо подчеркнуть одновременность протекания в современной культуре различных процессов, включая духовно-религиозные. Еще философы, жившие на стыке античной цивилизации и нарождающейся европейской средневековой цивилизации, например бл. Августин, выделяли

¹ McClure J. Partial Faiths: Postsecular Fiction in the Age of Pynchon and Morrison. Athens, 2007.

уникальную особенность общества – сочетать несколько уровней, в частности, град Божий и град Земной, в единой социально-хронологической плоскости.

Тем не менее, в постсекулярной культуре Запада все более утверждается «новая духовность», чаще всего в форме *трансгуманистической духовности*. Коммерциализация религиозной сферы позволяет представить трансгуманистический продукт как «удобную духовность». Достаточно открыть сайт одного из трансгуманистических сообществ, как сразу же пользователь оказывается в формате удобного новейшего интернет-магазина: идеи и изделия, программы и членство поддерживаются новейшими высокими технологиями, порой даже такими, которых еще не существует, но среднестатистический пользователь готов верить этому, так как наслышан об искусственном интеллекте, редактировании генов, нейростимуляторах и т.п. Ему предлагаются сверхспособности в ближайшей перспективе, и пользователь уже почти готов к ним в силу наводнивших массовую культуру образов супергероев. Ему гарантируется полная свобода (стиль и формат предложений остается в целом демократичным, но при углубленном чтении встречаются скрытые «страшилки» на случай, если человек не готов перейти в стадию трансчеловека); элитарность и некие гарантии существования среди «бессмертных» в недалеком будущем (особенно для пользователей-бизнесменов).

Западная социальная и политическая платформа стратификации, социализации, обучения элиты¹ устроена таким образом, что программы, фонды, университеты, (например, Университет Сингулярности), представленные в статусе трендовых, относительно быстро интегрируются с трансгуманистической идеологией, финансовыми центрами и, таким образом, формируют у попавших в данную систему пользователей или клиентов четко ориентированное идеологическое видение с различными, также «трендовыми» именованиями, –

¹ Представители Изборского клуба называют влиятельные элиты «сознательными агентами десакрализации», а предлагаемые проекты культуры с антидуховностью или квазидуховностью – «Великие Пародии». См.: Священная история – здесь и сейчас / под ред. В. Аверьянова. URL: <https://izborsk-club.ru/16343>.

например, оно может называться, по Р. Курцвейлу, «экспоненциальным мышлением» (exponential thinking, Exponential mindset)¹.

Итак, постсекулярная культура претерпевает влияние последствий секуляризации, мультикультурализма, «новой духовности» в виде многообразных новых религиозных движений и последствий постмодерна. При этом культура, лишенная духовно-религиозных основ, становится квазидуховной и квазирелигиозной, где нет тайны, а есть лишь потребитель. Трансгуманизм в своем современном формате совпадает по времени появления с этапом постсекуляризации, с появлением и развитием массовой культуры (опирается на нее), использует все механизмы потребительского общества, а в аспекте идеологической борьбы часто опирается на постмодернистские аргументы. В среде его сторонников наблюдается большое количество последователей «новой религиозности». Развитие постсекулярной культуры в формате трансгуманистической культуры характеризует такой критерий, по выражению Й. Хейзинги, как «безразличие к истине»². Можно смело дополнять данный список характеристик, прибавив сюда «безразличие к добру» – манифестация и популяризация убийств, героизация маньяков, каннибалов и мошенников с одновременным очернением подлинно духовных явлений и действий: последние намеренно изображаются «скучными, глупыми, неестественными, нерентабельными». Еще одна характеристика – безразличие к красоте в подлинном метафизическом смысле, путем популяризации, с одной стороны, антиэстетики, без-образного, с другой стороны – искусственного и пошлого, лишённого гармонии и чистоты. Показатель последнего искажения представлений о красоте – современный культ косметической хирургии, пластики, когда естественное тело объявляется вне нормы, изначально уродливым, и отсюда его необходимо «сделать» красивым – или правильнее сказать гламурным, подиумным, подходящим под стандарты шоу-индустрии (накачанные губы, силиконовые части

¹ Kurzweil R. The singularity is near: When humans transcend biology. N.Y., 2005.

² Куликов Г. Я. «Безразличие к истине» как «этический код» постсекулярной культуры // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 1. С. 159–165.

тела и т.п.). Эти стандарты активно проникают в современное искусство, о чем мы далее будем говорить.

Кроме этого, налицо целый ряд других форм отказа от фундаментальных вышеперечисленных базовых атрибутов духовности, например:

- отказ не только от идеи цельного знания, но и от рации, от строгих законов правильного мышления. Это проявляется, опять же, в постмодернистски ориентированных работах, где поддерживается представление о «репрессивной функции» истины и рациональности как таковых;

- отказ от служения и самопожертвования, подлинного альтруизма в сторону чистого эгоизма, самолюбия, самомнения, высокомерия и тщеславия, что ведет к социальным разломам, к кризису семьи, к движению «чайлдфри» и тому подобным негативным социальным явлениям;

- отказ от естественно-природной идентификации, пола, гендера в сторону утверждения постгендерного существа, сливающегося с другими подобными существами в едином бесконечном гедонистическом экстазе, наподобие мира примитивных одноклеточных микроорганизмов;

- отказ от трансцендентного в самом человеке, от понимания и восприятия сознания как многоуровневого, включающего в себя сверхсознание¹, с целью свести сознание к простым моделям нейрофизиологической карты мозга (сознание низводится до нейронной деятельности мозга, отсюда картирование мозга с выделением зон, отвечающих за эмоции, язык, мышление и т.д.), и таким образом редукция человека к нейромашине.

Конечный же и, видимо, последний отказ, который совершится (уже сейчас теоретически это осуществляется)², – отказ от человека как такового, подлинное самоубийство. При этом место людей займут транслюди, «постхьюманы», которые, возможно, просуществуют еще меньше, нежели человечество, хотя такой

¹ См.: Модель сознания в работах философа А. В. Иванова: Иванов А. В. Мир сознания. Барнаул, 2000. С. 82.

² Сейчас активно осуществляется массовая подмена: вместо философии – нейрофилософия и дигитальная философия, вместо этики нейроэтика, вместо теологии нейротеология, вместо социологии религии и религиоведения науки о социологии «духовности» и т.п.

сценарий трансгуманисты стараются не рассматривать, описывая эру Сингулярности как бесконечный прогресс.

Завершая этот параграф, сделаем ряд выводов.

1. В конце XX – начале XXI вв. отмечается постепенное становление и в ряде стран доминирование постсекулярной культуры. В то же время этот процесс неравномерен, его интенсивность и масштабность различаются от страны к стране. При этом растет число исследователей и, соответственно, публикаций, посвященных этой теме.

2. Постсекулярная культура не может быть оценена однозначно в силу своей сложности, отсюда, в зависимости от выделяемого основания, структурирования ее компонентов появляются и далее будут появляться новые классификации, а также новые теории. В данной работе мы опираемся на оценку постсекулярной культуры исходя из данного выше понимания духовности и с учетом влияния трансгуманизма.

3. «Постсекулярность» – это понятие, характеризующее и состояние современного общества в целом, и стадию современной культуры, повторим, с точки зрения ее духовных основ.

4. Многие трактовки и оценки постсекулярной культуры напрямую связаны с *западоцентризмом* исследователшей. На наш взгляд, здесь необходимо отказаться от этого узкого и уже устаревшего подхода и рассматривать данный феномен в более широком поликультурном контексте.

Постсекулярная культура определяется через следующие общие характеристики:

- амбивалентность. Здесь нельзя в полной мере применить диалектический принцип развития (священная-секулярная-постсекулярная) поскольку, во-первых, сама приставка «пост» говорит о незавершенных и продолжающихся процессах и остаточных явлениях, диффузности в культуре в силу глобализационных факторов; во-вторых, постсекулярность видится многим как некое продолжение или модернизация религиозности, или реакция на секулярную стадию;

- религиозная неопределенность; «спектральность» проявлений по отношению и к традиционным религиям, и к представлениям о духовности. Во-первых, продолжается обострение, разделение и совмещение «новой духовности» с традиционной религиозностью в разных ипостасях и на разных уровнях: личностном, групповом, общественном. Во-вторых, налицо внешняя официальная политика транснациональных элит, прозападных идеологов, ставящая целью монополизировать духовно-религиозное пространство, сделать его *гомогенной одноуровневой средой*, или, в случае сохранения плюралистического формата духовности, установить четкое доминирование «новой духовности», превращение ее в оккультуру (синтез популярной, киборкультуры и оккультной духовности). Для реализации доминирования «новой духовности» необходимо постоянно осуществлять подмену, дискредитацию, «тихую революцию» с целью смещения традиционной, прежде всего, религиозной духовности;

- гибридность, хаотичное смешение разнородных элементов;

- пластичность, в силу чего она быстро «заражается» тем или иным влиянием и меняет вектор направления (с позитивного на негативный и наоборот).

Таким образом, очень обобщенно, мы можем выделить в постсекулярной культуры два полюса. Один ориентирован на «новую духовность», другой на традиционную, определения и характеристики которых мы приводили в предыдущем параграфе. В случае же выбора в «ситуации перехода» традиционной и, по нашему убеждению, подлинной духовности, постсекулярная культура:

- отразит лучший опыт предыдущих поколений,

- активизирует развитие новых подходов к познанию в целом, с ориентацией на «живое знание», о котором говорили еще славянофилы;

- создаст условия для нового осмысления базовых духовных ценностей и их воплощения в индивидуальной и социальной жизни.

Можно отметить, что сегодня в нашей стране постепенно вызревает мировоззренческое обоснование этого позитивного вектора трансформации постсекулярной культуры в условиях переходного периода. Его можно назвать «философией сопротивления». Это особенно важно для России с ее уникальной

культурой, которая, на наш взгляд, должна реализовывать свой проект современности.

1.3. Культурфилософские основы осмысления «новой духовности»

Определившись с понятиями: «духовность», «новая духовность»/ «spirituality», «постсекулярная культура» и выявив особую роль «духовности трансгуманизма» в современных реалиях, можно теперь обратиться к более конкретным проявлениям, или манифестациям «новой духовности» в различных формах общественной жизни, в частности, в наиболее популярных и быстро «усваиваемых» формах духовной культуры – в *художественной культуре*, в том числе, широко представленной в онлайн-пространстве.

В силу ограниченности объема диссертационного исследования будут представлены выборочно некоторые образцы и авторские проекты трансгуманизма, которые ярко демонстрируют как сущность трансгуманистической духовности, так и способы продвижения её в общественное сознание посредством произведений массовой культуры, эстетических представлений и объектов. Последние могут являть собой «некую запечатленную духовность»¹.

Трансгуманистическая обнаруживает постоянное стремление к «захвату» общественного сознания (социальная и культурная инженерия), его реформатированию², выявлению активных, амбициозных и влиятельных лидеров мнений и воздействия на их мнения и высказывания, к созданию разноплановых платформ в онлайн и офлайн средах: от философских школ, некоммерческих организаций, авторских блогов и научных школ до политических партий,³ университетов нового типа и рентабельных бизнес-проектов.

¹ Управителей А. Ф. К будущему цельному мировоззрению (Религиозное мирозерцание П. А. Флоренского): Барнаул, 1997. С. 116.

² «экспоненциальное мышление» (exponential thinking, Exponential mindset).

³ Трансгуманистическая партия США (англ. U.S. Transhumanist Party, USTP. Председатель партии – Г. Столяров и основатель – З. Иштван. Идеология – различные поднаправления трансгуманизма, в философском плане, в качестве авторитетного философа признают Айн Рэнд.

В заголовке используется термин «манифестация» в силу его многообразных значений, удачно подходящих под описание специфики деятельности трансгуманистов. Здесь, во-первых, приветствуются максимально публичные площадки, участие в различных шествиях и митингах, наподобие шествия ЛГБТ-представителей в Сан-Франциско.

Во-вторых, манифестация идей трансгуманизма происходит в виде проникновения идеологов и лидеров мнений в самые различные структуры или поддержки талантливых людей из таких структур.

В-третьих, поскольку духовность трансгуманистов – это разновидность или некая выраженность «новой духовности», по большей части свойственной менталитету и идеям Нового века, то обе «системы» работают синхронно, помогая друг другу в деле популяризации «spirituality», в коммерческой раскрутке, в манипуляции общественным сознанием и, соответственно, в содействии росту симпатизирующих и убежденных людей, готовых к переходу к трансчеловеку и постчеловеку, в том числе, через искусство.

Необходимо выделить основные характеристики продвигаемого нового искусства в контексте трансгуманизма и его эстетики.

Прежде всего, отметим, что сегодня наблюдается устойчивая тенденция: в мире растет количество направлений, течений, жанров, отдельных методов анализа реальности, выработанных в искусстве и вышедших оттуда в более широкий формат (так, например, постмодернизм буквально пропитан литературоведческими понятиями, приемами и интенциями); наблюдается увеличение синтетических видов искусства с акцентом в сторону технологического искусства с принципом конвергенции высоких технологий¹, а также все большая эклектичность и отказ от каких-либо канонов и стандартов, веками оттачиваемых лучшими представителями искусства своего времени.

¹ Кибернетическое искусство, цифровое искусство (например, NFT в искусстве - аббревиатура как «Non Fungible Tokens» – то есть невзаимозаменяемый токен) - это своего рода аналог криптовалюты, когда произведения искусства создаются в виртуальной среде и получают как гарантию неповторимости «токен» - цифровой сертификат, который гарантирует обязательства компании перед его владельцем: BioArt, кибер-искусство, science-art и т.д.

Здесь война идет теперь уже на полях цифрового искусства. В частности, трендовые популяризаторы, в том числе трансгуманистического искусства, продолжают «дополнять» человека имплантами, «частями и принадлежностями» животного мира, генномодифицируемым материалом. При этом, конечно, им противостоят зачастую менее «раскрученные» защитники всего живого, целостного и, наконец, самого человека. Например, в таком стиле работают, используя потенциал NFT, красноярские художники Андрей Блохин и Георгий Кузнецов из арт-группы Recycle, которые, используя мифологические и религиозные символы, показывают возможное будущее виртуальности и человека в ней¹. Мир нечеловеческих агентов, возможно, и будет что-либо продуцировать, но вряд ли корректно называть это искусством.

Далее, надо отметить все усиливающуюся технизацию культуры в целом и самого искусства в частности. В настоящее время каждый вид искусства демонстрирует подобную тенденцию. Так, актеры жалуются на рутинизацию их работы (нахождение в черной комнате, без атрибутов, декораций, одежды и грима, так как всё дорисовывается, дописывается программистами и компьютерными дизайнерами). Отсюда и взгляд на мир становится техническим даже у художников. А за этим процессом, очевидно, снова стоит «новая духовность», так как искусство утрачивает главное – творчество, индивидуальный характер, тайну и «священное безумие», всегда ранее свойственное творцам, о чем писал еще Платон².

Произведения массовой культуры стали заполняться образами киборгов. Л.В. Баева подчеркивает, что техно- и киберпанк способствуют легитимизации киборгов в сознании общественности³. Так, художники-трансгуманисты сейчас активно осваивают и развивают направление Art&Science (подвид биологического искусства (BioArt) – синтезирующее художественные, творческие,

¹ Новая натура / Александра Генералова. URL: <https://theblueprint.ru/culture/art/recycle-interview>.

² Кутырев В. А. Бытие или ничто. Круг второй. Культура или технология Глава III. Экономизм и технология против культуры. СПб., 2009. С. 116.

³ Баева Л. В. Образ киберчеловека в современной науке и культуре // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. Философские измерения цифровой культуры. 2015. № 1 (9). С. 67.

технологические и научные методы. Художники BioArt используют живые материалы и органические процессы. Сверхмассовое современное искусство становится всё более гибридным и конвергентным, где человек меняется ролью с техникой или даже одеждой. Человек становится стендом, экспериментальной площадкой, вешалкой, на которые нанизываются компьютеризированные системы. Так, арт-группы, наподобие «Inferno», проводят эксперименты над зрителями с помощью управляемых извне экзоскелетов, соединенных с другими экзоскелетами с помощью нейронной сети¹. Провокационное искусство методом коротких «заходов» выполняет роль зондирования социальной и психологической почвы и одновременно подготовки людей к будущему цифровому тотальному контролю.

В рамках осмысления пост-постмодернизма можно сказать, что искусство движется уже от интернет-искусства в пост-интернет-искусство. Здесь «прилипшая» к нашему периоду приставка «пост» указывает на «ситуацию перехода», или постсекулярной культуры, о чем мы уже говорили выше, которая не закончится, пока ее проблемы, ложные смыслы и деструктивные тенденции не будут изжиты.

Кроме этого, трансгуманизм, осваивая поле искусства, неизбежно впрыскивает в него идеи своей «новой духовности», которая имеет вполне конкретные цели и формы. Это «внедуховная энергетика»² медиакультуры, которая симулирует религиозный опыт³.

Рассмотрим несколько наглядных примеров манифестации особенностей «новой духовности» в современных видах искусства.

Начнем с того, что еще одним косвенным доказательством намеренного продвижения «новой духовности», которая пока еще не является массовой, не воспринимается позитивно большинством людей или вызывает отторжение, является сама специфика методов продвижения, рекламы, презентации

¹ Кибернетическое, цифровое и гибридное искусство – как развивается технологическое искусство и куда оно ведет человека // Дарья Софина. URL: https://news.itmo.ru/ru/science/life_science/news/7835/

² Бычков В. В. Телесность // Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. М., 2003. С. 435.

³ Пирумов А. Кое-что о рэйве // Вавилонская башня. "Новое религиозное сознание" в современном мире. М., 1997. С. 36.

«трансгуманистического произведения» в массы и, конкретнее, в культуру той или иной страны. Зачастую массовый зритель эти методы не замечает или игнорирует, – например, при сравнении оригинального текста ремейка, аннотации, слогана произведения на английском и русском языках фиксируются существенные отличия, корректировка с поправкой «на возможное принятие». В качестве примера рассмотрим несколько моментов, связанных с мультфильмом «Девять».

В нем всё: от выбора времени дебютного показа, до содержания и рекламы подчинено оккультно-магическим трансгуманистическим интерпретациям. Фильм вышел 9.09.2009 года, и можно сказать, что коллектив фильма был буквально захвачен «магией девятки». Режиссер из США Ш. Экер заручился поддержкой двух продюсеров: Тима Бёртона и Тимура Бекмамбетова. В России вышла только адаптированная версия «Девять» с подкорректированными диалогами, написанными Д. Глуховским¹.

Постапокалиптические события фильма разворачиваются на руинах цивилизации, бывшей некогда милитаристским государством наподобие Третьего рейха. Авторы стремятся создать негативный образ национального государства, – что у трансгуманистов связано с желанием смоделировать единую систему управления постлюдей, вне культурных и национальных рамок. Герой, «Учёный», работает над созданием ИИ с человекоподобной душой. Здесь представлена вечная мечта определенных кругов по созданию «гомункула», для чего требуется просто с помощью «особых знаний» отыскать и активировать артефакт, позволяющий переселять душу во что угодно.

В качестве антипода героя фигурирует «Канцлер», видимо, намеренно наделенный атрибутами католического первосвященника. На протяжении всего фильма разворачивается альтернативная история (также любимая идея многих трансгуманистов), затем случается коллапс, машина выходит из-под контроля и начинает убивать людей. Машина как воплощение ИИ, но без души, в качестве

¹ Глуховский Д. написал повесть «Дневник учёного. Предыстория к мультфильму «9»». Писатель-фантаст Дмитрий Глуховский* признан иностранным агентом по решению Минюста «За распространение фейков о Вооружённых силах России».

топлива использует души людей. Помимо машины (ИИ), Канцлеру помогают киборги, и далее следует важный момент – восстание машины против создателя.

В качестве спасительного метода «Учёный» обращается к алхимии (иные варианты не рассматриваются, что характерно для многих трансгуманистов, которые в принципе не обращаются к практикам нравственно-духовного преображения, но лишь к технологиям и оккультно-магическим практикам). «Учёный» создает девять кукол-марионеток, в которые вкладывает «частишки своей души», или, точнее, какие-либо фракции своего сознания, наполненного опытом из прошлого. Вложив в девятую куклу еще одну часть своего «я», Учёный умирает, как и остальные люди. На протяжении фильма девять кукол-марионеток «борются со злом», реализуя каждая свое индивидуальное предназначение. Например, «9-й» из-за «неведения» активирует машину (аллюзия с работой современных ученых с биотехнологиями и ИИ), которая является злой по определению. В конце освобожденные возносящиеся души вызывают дождь, который оживляют землю и пробуждает жизнь. Фильм наполнен числовой оккультной символикой, где девятка также означает перевоплощение душ¹. Итак, данный пример может являть наглядный образец проведения в массы оккультно-магических идей, альтернативной истории и игнорирования духовно-нравственных проблем.

В качестве другого продукта, еще более явно продвигающего идеи крионики с попутным рассмотрением ряда философских вопросов о сущности человека и его предназначении, следует указать художественные фильмы, например, «Проект Лазаря»² (2016), режиссера М. Хилья, которого смело можно охарактеризовать как трансгуманистического режиссера³.

«Проект Лазаря» – философская арт-хаусная картина со слоганом: «Бессмертие – это только вопрос времени!» Фильм в некотором смысле является

¹ Хвастунова Ю. В. Религиозная идеология трансгуманизма в современной массовой культуре // Макарьевские чтения / Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2019. С. 252–254.

² «Проект Лазаря» дублирует и отсылает к чуду воскрешения четырёхдневного Лазаря Христом. Такая же аналогия «Проект Лазаря» встречается в более известном ф. К. Нолана «Интерстеллар».

³ М. Хилья, режиссер фильмов: «Агора»¹⁰, «Море внутри», «Открой глаза» и «Ванильное небо».

альтернативной оккультной версией со своей трактовкой духовности (карикатура на известное чудо Христа – воскрешение Лазаря), где параллельно осуществляется реклама американской компании крионики «Алькор». Последняя широко рекламируется в рамках одного из первых направлений трансгуманизма – экстропианства М. Мора и Н. Вита-Мор.

В фильме рассматривается ситуация с будущими крионическими клиниками для элиты¹ и одновременно прорабатываются проблемные вопросы, возможные сомнения будущих клиентов (гарантии фирмы, финансовый механизм, несовершенство технологий, зависимость от технологий и т.п.). В фильм встроена мысль об окончательном изменении сознания людей будущего, которые не будут знать ни религиозных воззрений, ни метафизических теорий. Везде будет господствовать трансгуманистическая идеология.

Здесь герой постоянно интерпретирует христианскую историю евангельского Лазаря, включая в нее трансгуманистическую интерпретацию, например, якобы Христос «пугается» воскресшего Лазаря (ситуация создателя и создания в удобном для трансгуманистов ключе: оправдание ошибок, угрызений совести и т.п.). В фильме заранее зрителей настраивают на невозможность свободного существования в будущем (все зависят/управляются единой сетью, ИИ).

Еще один идеологический момент – это усиление элитазации общества. Формально трансгуманисты ратуют за равенство и повышение уровня жизни для всех, в реальности же они внедряют жёсткую систему стратификации: ограниченная численно транснациональная элита и «все остальные», причем, при отсутствии среднего класса, национальных государств, национальных культур и т.п.

Так, в фильме представлена избранная группа людей, которая мыслит о себе как о более умных, волевых, удачливых людях, нежели остальная масса. Отсюда

¹ Здесь преследуются две цели: продвижение идей экстропианства и привлечение богатых клиентов. Многие известные люди, в том числе ученые, уже подписали договор на криоконсервацию с фирмой «Алькор», например, Марвин Минский.

такой неизбывный интерес к генной инженерии, а ранее к евгенике. Очевидно, что элита не слишком отличается от остальных людей, поэтому она искусственно увеличивает когнитивную и культурную дистанцию с помощью простых, но неэтичных методов – путем понижения стандартов качества жизни, например, методом снижения качества образования.

Массовая культура через свои произведения популяризирует «новую духовность», выполняя роль критика, заменителя, провокатора и защитника. С одной стороны, многие современные сериалы и фильмы позволяют рассмотреть серьезные вопросы, а с другой стороны, «переварить», и, «пройдя стадию удивления», – принять ранее неприемлемые системы ценностей, трансформированную «духовность» и псевдо-этические нормы (см. сериал «Черное зеркало»).

Теперь обратимся к еще одной своеобразной форме манифестации идей «новой духовности» на примере отдельного направления – *перформанса*. Последний может быть детально проанализирован на примере творчества Марины Абрамович, получившей прозвище «бабушки перформанса», и современного американского перформера – Мэтью Барни.

Возможно, М. Абрамович выбрала перформанс в качестве основного жанра для своего творчества не случайно. Перформанс способен превращать искусство в действие или совмещать искусство с оккультно–магическим действием, окуная зрителя непосредственно в ритуал. Но современные посетители таких акций в большинстве своем не знакомы с аутентичными религиозными и даже магическими школами и практиками, потому многие сильно бы удивились, узнав, что оказались в центре магического или «шаманского» ритуала. М. Абрамович подчеркивает, как и принято в перформансе, именно сам процесс, который является одновременно и результатом создания арт-объекта в режиме онлайн. Здесь искусство может быть некой формой, рамкой для оккультно-магического обряда и достижения экстаза. Последний является вожделенным и для художницы, и, в ее понимании, для посетителей.

В качестве наиболее чувствительной поверхности – фактуры она выбрала собственное тело, используя его в качестве индикатора боли. Так, в перформансе «Губы Томаса» (1975) художница в обнаженном виде ела мед серебряной ложкой, выпила около литра вина, а затем лезвием вырезала на животе пятиконечную звезду. Кроме этого, она секла себя плеткой, ложилась на ледяной крест и в итоге, не закончив действие, потеряла сознание.

Другая ее работа – «Обнаженная со скелетом» (2005). Здесь точно так же в обнаженном виде она лежала со скелетом, как бы имитируя тибетскую практику «созерцания трупа» для «постижения смысла бренности бытия». Предполагалось, что данное зрелище поможет зрителям войти в транс¹.

В амстердамский период, когда она тесно общалась с художником У. Лейсипенсом, ее перформансы приобрели характер дуэтов, отражая «новую духовность». Так, в работе «Отношения во времени» (1977) Абрамович и Лейсипенс сидели спинами друг к другу и оставались в таком положении 16 часов подряд. Затем в зал начали пропускать зрителей, которые должны были «подпитывать» их своей энергией. Еще одна работа – «Imponderabilia» (Болонья, 1977) тоже исполнена в дуэте, но теперь оба художника, встав обнаженными в проеме входных дверей музея напротив друг друга, вынуждали зрителей протискиваться между ними, выбирая разворот к одному из них, лицом к лицу.

Естественно, что с точки зрения постмодернистской стилистики, в отзывах трансгуманистов, М. Абрамович характеризуется как смелый креативный художник, но при этом ничего не говорится о чувствах зрителей, подвергшихся таким экспериментам. Многие из них испытали психологическое насилие и шок в ходе «экстаза с помощью искусства». Более поздний перформанс «Балканское барокко» (1997) оказался еще более «духовным». Здесь художница сидела на горе из костей животных, она все время их как бы очищала от остатков мяса и распевала народные песни².

¹ Малышева Н. Л. Шаманизм как основа перформанса: метод Марины Абрамович // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. Т. I (Культурология). С. 242–245.

² Малышева Н. Л. Кино как ключ к пониманию искусства перформанса // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1. С. 350–354.

Уже в нью-йоркский период, в 2010 г., М. Абрамович в перформансе «В присутствии художника», который длился 736 часов, демонстрировала магические и жертвенные приемы. В ««Ритме 5» (Белград, 1974) она легла в центр горячей пятиконечной звезды, но от напряжения потеряла сознание. В фильме «Балканский эротический эпос» (2005) М. Абрамович пыталась воспроизвести элементы балканских ритуалов, устанавливая связь между половыми органами и сакральными смыслами¹. В еще одном перформансе «Ужин духов», она имитировала каннибализм.

Более «раскрученный» американский популяризатор трансгуманизма – перформер Мэтью Барни (Matthew Barney). Его первая выставка 1991 года прошла в галерее Барбары Гладстоун под названием «Matthew Barney: 00»². Технически большинство его работ встроены в фильмы, отдельные выставки, где демонстрируются инсталляции, скульптуры, фотографии, элементы архитектуры, но главный материал – это человеческие тела, в особенности, тело самого художника.

Во всех его инсталляциях узнаются любимые автором образы: постгендерные существа, например, козлы, фавны и сатиры с соответствующими атрибутами. Такие персонажи имеют амбивалентные признаки, демонстрируют гиперсексуальность. Все метафоры, образы, смыслы технически пишутся с помощью тела художника и других его моделей. Так, название фильма М. Барни «Кремастер» указывает на половые функции. Барни создал несколько серий «Кремастера», где фигурируют кровавые жертвоприношения, стада козлов и туши животных («Кровь двух», 2009)³. Фильмы цикла Cremaster выстроены в виде масонского (псевдо-масонского) посвящения, имитирующего стадии развития человеческого эмбриона внутри материнского тела. Одновременно все пронизано идеей особой силы сексуальной энергии⁴.

¹ Игнатъева Н. М. Возвышенное и низменное в перформансах Марины Абрамович. Филология. Искусствознание. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (3). С. 245, 247.

² Cremaster Fanatic, the Matthew Barney fan site. URL: <https://www.cremasterfanatic.com/index.html>

³ Оленич К История успеха: Мэтью Барни. URL: <http://royaldesign.ua/ru/metyubarni-i-ego-put.bXvsN/>

⁴ Кравцова М. В. Мэтью Барни: «Мое искусство – и шифр, и расшифровка». URL: <https://artguide.com/posts/1875>

М. Барни все работы разделяет на пять этапов. В качестве героев он выбирает неоднозначных персонажей; так, для 1 и 2 серий Кремастера (1995, 1996) был выбран убийца Гэри Гилмор. А серии «Кремастер-5» (1997) и завершающий фильм «Кремастер-3» (2002) сняты в Нью-Йорке, в центре здания корпорации «Крайслер», отождествляемого Барни с масонским храмом для посвящений. Манифестируя «новую духовность», М. Барни целенаправленно, прячась за символикой и сложными метафорами, несет зрителям свою картину мира, обильно снабженную сексуальными мотивами и псевдо-масонскими ритуалами; он героизирует убийц (Gary Gilmore), а себя считает реинкарнацией фокусника Г. Гудини¹. Здесь также присутствуют многочисленные фрагменты сцен с кровью, костями, трупами и т.п. И, наконец, остается тяга М. Барни к монстрам, преимущественно в виде козлочеловека-мутанта. Также и женщины-модели представлены в виде гибридов: «женщина-леопард» (Э. Маллинс) в «Кремастере-3».

Еще один популярный сегодня формат – это *инсталляции*. Здесь отметилась австралийская художница Патрисия Пиччинини (Patricia Piccinini)², которая идеально вписывается в роль позитивного популяризатора идей трансгуманизма. Ее проекции-скульптуры поражают своей фантастичностью и одновременно реалистичностью, вызывая сначала шок и отторжение, но главная их задача – вовлечь зрителя в некий диалог, сформировать у него принятие возможных гибридов, монстров как «обычных и типичных возможных наших соседей», приучить к различным нечеловеческим агентам или получеловеческим гибридам.

Здесь стоит и более конкретная задача – приучить современных людей к генной инженерии (результатам имплантации, клонирования, редактирования). Человек должен стать трансчеловеком, добровольно имплантировать в себя «дополнения», стать экспериментальной фактурой для постлюдей. Необходимо забыть о различиях между видами, между человеком и животными, между

¹ Cremaster Fanatic, the Matthew Barney fan site. URL: <https://www.cremasterfanatic.com/index.html>; Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. Farrar, Straus and Giroux. М., 349 p.

²Патрисия Пиччинини (Patricia Piccinini) работает в стиле гиперреализма, который позволяет использовать сочетание реального с нереальным в создании экспонатов.

человеком и роботами, между человеком и гибридами, между оригиналом и клоном. Есть проблема, которую сложно игнорировать – ускоренное старение гибридов, клонов, их повышенная склонность к заболеваниям. Но трансгуманисты тем не менее стараются обходить этот факт.

Пиччинини заявляет о необходимости избавиться от «...остаточного гуманизма, который поддерживает материальность как момент абсолютного различия между вещами. Если отбросить этот романтизм, то на самом деле нет никакой разницы между человеком и крысой».¹ Искусство Пиччинини – это попытка не только создать апологию подобным «усовершенствованиям», но в особенности привлечь женщин, которые на интуитивном и эмоциональном уровне обычно отторгают такие явления, но одновременно склонны сочувствовать слабым и страдающим – «альтернативные интерпретации отношений женщин с технологиями»².

Для лучшей коммуникации с инсталляциями используются стилевые приемы: монстры размещаются в уютной атмосфере семьи, сидят на мягких ковриках, спят рядом с детской кроваткой, сидят на скамейке рядом с пенсионерами и т.п. Для большего очеловечивания П. Пиччинини наделяет монстров половыми признаками (самка с детенышем). Отсюда у некоторых зрителей возникает симпатия и сочувствие. Художник рядом с монстрами размещает фигуры людей с небольшими изменениями (легкое стирание границы: человек, но слегка модифицированный). Однако многие посетители выставок не могут побороть отвращение, чувство тревоги.

Ким Тофолетти в целом позитивно оценивает как творчество П. Пиччинини, так и саму тенденцию стирания границ, смешения различных видов и существ, биологические эксперименты для преодоления гендерной идентичности³. Тофолетти приветствует обращение к «постчеловеческим фигурам»⁴.

¹ Piccinini Patricia. URL: [https:// www.patriciapiccinini.net](https://www.patriciapiccinini.net)

² Toffoletti K. *Cyborgs and Barbie Dolls Feminism, Popular Culture and the Posthuman Body*. I.B. Tauris; 1st edition. P. 163.

³ Ibid. P. 134.

⁴ Ibid. P. 134–135.

Итак, искусство помогает трансгуманистам создавать некие гибриды «модных» научных идей с трансформированными и упрощенными оккультно-магическими; сочетать теорию управляемой эволюции с установками «новой духовности». Так, К. Тофолетти неожиданно делает странный вывод о том, что гибридные формы становятся более реальными, нежели обычные люди, абсолютизм традиционных ценностей растворяется, и всё уравнивается в цифровом пространстве¹.

П. Пиччинини помогает информационно-цифровую квазиреальность сделать тем, чем она не является – действительной реальностью. Кроме того, он с помощью искусства формирует позитивное мнение о клонировании (работы «Натюрморт со стволовыми клетками», «Game Boys Advanced», 2002)². Трансгуманисты включились в общую борьбу с институтом семьи в рамках продвижения своей теории постгендеризма, отсюда клонирование может позволить исключить обычные отношения, понятия «отец» и «мать», что отсылает к будущему проекту истории в стиле О. Хаксли.

Обращаясь к российскому современному искусству, рассмотрим творчество художницы (видеохудожницы) *Виктории Чупахиной*.

В одном из интервью В. Чупахина³ довольно четко указала на особенности своего восприятия мира, искусства, самой себя, и образ художницы в большой степени совпадает с человеком «новой духовности», личностью, относительно легко включающейся в различные проекты, – в данном случае, в проект популяризации гибридов, монстров как «продвижение бестиарности» в массовую культуру.

Ее оценка искусства маркируется следующими характеристиками: неосознанность, расплывчатость и «то, что цепляет»⁴. Из ее интервью можно вывести некоторые маркеры современного художника в целом, рожденного

¹ Toffoletti K. Ibid. P. 141.

² Piccinini Patricia. URL: [https:// www.patriciapiccinini.net](https://www.patriciapiccinini.net)

³ О роли зависания и пинка под зад в искусстве / Иван Иванов. URL: <http://aroundart.org/2011/11/20/o-rol-i-zavisaniya-i-pinka-pod-zad-v-iskusstve/>.

⁴ URL: <http://aroundart.org/2011/11/20/o-rol-i-zavisaniya-i-pinka-pod-zad-v-iskusstve/>.

определенной средой и работающего в рамках современного тренда. Он чуждается серьезности, а сама серьезность воспринимается как нечто архаическое. Искусство – это то, что должно «цеплять», и сегодняшнее творчество должно сразу выдавать готовый продукт, а долгие размышления, шлифовка идеи и ее реализации – это несовременно. Необходимо двигаться в потоке, бежать на всей скорости без какой-либо рефлексии. Далее автор четко дает понять, что ему не важен источник, не важна область, из которой поступил «сигнал», а важен сам «сигнал».

Понятно, что такой подход не только инфантилен, но и крайне опасен. Трансгуманизм «цепляет» современных людей, но в итоге он может привести к потере самости, душевным страданиям, а в биологическом плане все подобные эксперименты чреваты опасностью для здоровья и даже жизни.

Е.Б. Никитина¹ написала статью, посвященную творчеству В. Чупахиной, где заострила внимание на теме стирания границ между человеком и животным. Она проанализировала выставку Виктории Чупахиной «Weredog, или Шерстяные вмешательства», проходившую в галерее «Электрозавод» с 10 по 17 мая 2018 г. Исследователь видит химеры и попытки «размыва границ» буквально повсюду, например, даже в искусстве соцреализма, и приветствует рождение новой субъективности и постчеловеческой чувствительности². Однако, добавляет она, век рождения химер впереди, сейчас же для них готовят теоретическую базу. Первый раздел статьи назван «*Становясь-с животными*», где представлено «правильное» идеологическое сопровождение выставки.

Автор пишет: «*”Weredog, или Шерстяные вмешательства” исследует нестабильную границу, которая отделяет человека от его генетического соседа — собаки, и становится местом, где виды встречаются. Вид – спесере – здесь больше, чем таксономическая фигура. Как и в философии Донны Харауэй, это*

¹ Никитина Екатерина Борисовна – исследователь в области posthuman studies, куратор Posthuman Studies Lab, PhD по литературоведению (Силезский университет, Польша), преподаватель международной магистерской программы по Art&Science Университета ИТМО. См.: Никитина Е. Б. О постчеловеческой субъективности: становясь с животными, растениями и машинами. 2018. № (106). С. 189–200. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1789>

² Там же. С. 189–200.

понятие предваряет разговор об открытых онтологиях, которые простираются между сферами человеческого и того, что выходит за его пределы»¹.

Итак, вместо внятных рассуждений и аргументов – снова постмодернистская игра слов: нестабильная граница, открытая онтология, новая чувствительность, ускользающая диалектика, номадический постгуманистический субъект, новая субъектность, постчеловеческая субъективность и т.п. Е.Б. Никитина пишет об искусстве В. Чупахинной как о новой траектории, где впервые обозначено присутствие животного в новом контексте нестабильного номадического постгуманистического субъекта. «Он движется трансверсально, пронизывая множественные дискурсы природы и культуры, разворачиваясь вокруг ускользающей диалектики: “Я хочу быть собакой. Я не хочу быть собакой”»². Итак, современный постсекулярный мир, много пишущий на тему заботы о животных, пытается ее проявить путем осуществления симбиоза, генетических смешений, «стерилизации животного» и оправдания зоофилии. Далее Е.Б. Никитина подчеркивает: «“Weredog” выходит в своем философском измерении за рамки гуманизма... *Мы никогда не были людьми и только людьми в биологическом смысле. Мы – это незаконченный результат совместного становления с нечеловеческими Другими* через разделение эмоций, биот, через “становление диким” в процессе ускользающих метаморфоз человеко-не-человеческих субъективностей. Художница развивает эту идею, вводя зрителя в череду сплетений личной, родственной связи с собакой – другом, спутником, компаньоном»³. Итак, еще одно утверждение-аксиома «Мы никогда не были людьми»; вывод: если не были, то нечего и пытаться, и тем более необходимо сразу, скачком, с помощью любых технологий «прорываться» в более совершенный формат, переходить на новую эволюционную ступень.

И далее мы видим включение «феминистской/зоофильской библейской истории» Д. Харауэй: «в начале была собака». Скульптуры, то есть собственное

¹ Никитина Е. Б. Указ. Соч. С. 189–200.

² Там же. С. 189-200.

³ Там же. С. 189–200.

тело художницы (Чупахина в образе женщины с шерстью на лице), обработанные фрагментами собачей шерсти, уже «практически преодолели границы между человеком и собакой», а образ конуры призван преодолеть «обеспредмечивания космоса» и создать новую ойкологию. Все вместе помогает эволюции приблизить приход эры более высокоразвитых химер – «Weredog»-ов или «человекособак», что, видимо, одновременно является и выражением «заботы о животных», и доказательством тонкости грани между человеком и животными, о которой наши предки не догадывались. Затем, в качестве финала, следует пойти дальше и в предложении «становления-с животным» убрать предлог «с».

То есть, если посмотреть на данную тенденцию трансгуманистического и постгуманистического дискурса вне их собственной философии «волос и шерсти», то можно увидеть обратный процесс: не преобразование человека, а деградация и скатывание его до уровня животного и далее еще ниже в человеко-зверя, в бестиарный мир химер. Автор заявляет, что «монструозность и животность выведены здесь из сферы демонологий и являются основой для постчеловеческой чувствительности»¹. Однако никаких мер по «выведению» не предпринимается, а, скорее, наоборот, гибридность и симбиогенез объявляются новыми стратегиями развития человека, реализацией «Human enhancement».

В завершение экскурса рассмотрим трансформацию духовности в *сетевой виртуальной среде* (сетевая духовность, или сетевой формат «новой духовности»), где, как уже сказано, искусство давно и прочно завоевало свое место.

В данной сфере апологеты «новой духовности» опираются на ряд теорий. В частности, активно используется теория «фантастической среды» Д. Кирби,² положения теории религиозности Р. Старка³, теории развития духовности в виртуальной среде С. Бейнбриджа⁴, представления о духовности и религиозности в компьютерных играх К. Детвайлера⁵ и Р. Герачи⁶, много пишущего о духовности

¹ Никитина Е. Б. Указ. Соч. С. 189–200.

² Kirby D. Fantasy and Belief. Указ. Соч.

³ Stark R., Iannaccone L. A Supply-Side Reinterpretation of the «Secularization» of Europe // Journal for the Scientific Study of Religion. 1999. № 1. P. 230–255.

⁴ Bainbridge W. S. eGods: Faith versus Fantasy in Computer Gaming. N. Y., 2013.

⁵ Deitweiler C. Halos and Avatars: Playing Video Games with God. Westminster, 2010.

⁶ Geraci R. M. Virtually Sacred: Myth and Meaning in World of Warcraft and Second Life. N. Y., 2014.

в сети, киборгизированной духовности, духовности в фикциональных мирах «World of Warcraft» и «Second Life». Так, Д. Кирби описывает особую «фантастическую среду» (*fantastic milieu*) виртуальных игр, которую может субъективно создать, «выстраивать», опираясь на собственные представления и ощущения, любой пользователь в сетевом пространстве. Единственно заданные параметры или рамки – это правила компьютерной игры¹. «Фантастическая среда... оказывается средой антиисторичной и эгалитарной»².

В целом, в контексте изменений в современной культуре, под влиянием «Нью Эйдж», благодаря усилиям, в том числе, трансгуманизма, растет влияние оккультно-магических представлений, отчего уместно использовать новый термин – «*окультура*» (от англ. *occulture*) – это современная культура, синтезированная с упрощенно понимаемым оккультизмом на уровне массового сознания, включающая в себя «альтернативное целительство, астрологию, употребление наркотиков, нео-шаманизм, технопаганизм, уфологию, поклонение демонам и экодуховность, среди многих других практик и идеологий»³.

На протяжении последних десятилетий компьютеризация, цифровизация, рост сетевой коммуникации оказывают непосредственное сильное влияние на представления о духовности. Сама духовность трансформируется и привносит новые формы коммуникации и самопрезентации в сеть. Например, на региональном уровне, растет сегмент сетевой религиозности «Нью Эйдж».

За лозунгами о полной свободе современная сетевая среда обнаруживает достаточно четкие рамки и правила, манипулятивный характер, стереотипы и клише, с усилением технизации/цифровизации, а также контроля. Ряд авторов пишут о тревожных тенденциях развития негативной духовности в киберпространстве как со стороны реакций и развития сознания, так и со стороны влияния применяемых технологий на сознание пользователя⁴.

¹ Kirby D. *Fantasy and Belief*. Указ. Соч.

² Подвальный М. Религиозные культы в функциональной вселенной RPG «Ведьмак» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 173–190.

³ Kirby D. *Fantasy and Belief*. Указ. Соч. Р. 13.

⁴ Багаутдинов А. М. Кибердуховность и духовность личности в информационном обществе. Уфа, 2018.

В качестве «трендовой духовности» все чаще начинает фигурировать *киберрелигиозность*, цифровая духовность/религиозность, цифровые культы и сетевые гуру.

Трансгуманисты – одни из первых, кто начал продвигать свою «духовность» в сети через сайты, социальные сети, компьютерные игры и, в том числе, через ролевые игры. В сети активно продвигается новая цифровая этика (нейроэтика), которая включается в кодексы написания алгоритмов для компьютерных персонажей и пользователей. Множество сетевых манипулятивных технологий нашли идеальную площадку для своей апробации. Так, в сети, в компьютерных играх переформатировались многие религиозные термины и понятия, там множатся «аватары», «иконки», «пасхалки», «реинкарнация, вторая жизнь», термин «культовый», «новая духовность» или просто «spirituality». На просторах виртуальных площадок появляются авторские культы, цифровые храмы и часовни. Давно сформировалось понятие «подлинный фейк» – «подлинная подделка»¹, которая занимает место оригинала.

Духовность «Нью Эйдж» наиболее быстро распространилась в сетевом цифровом пространстве. *Новая духовность в коммуникативном плане родственна специфике сетевого общения, поскольку та и другая могут соблюдать анонимность, лояльность, авторство, отсутствие преемственности, авторитетов.* Все это возможно, поскольку в сети зачастую нет подлинного диалога, здесь не нужно и невозможно познать, понять собеседника, здесь каждый ведет свой бесконечный монолог, презентует себя только так, как желает, не оглядываясь на реальную жизнь. За спиной такого сетевого гуру часто оказывается лишь сетевое «самопосвящение» и «виртуальное образование».

Сетевая среда идеально реализует и множит «новую духовность» в формате *вирусной псевдодуховности*. Сетевые теории духовности/религиозности подчеркивают свои позитивные свойства в соответствии с характеристиками самой сети: открытость и идеологическая нейтральность, вытекающая из свободного

¹Geraci R. M. Virtually Sacred: Myth and Meaning in World of Warcraft and Second Life. N. Y.

самоопределения «акторов» («узлы»). Однако идеологическая нейтральность существует лишь в контексте правил «внутреннего диалога», и различные баталии происходят по правилам, никак не нарушающим комфортную среду: никто никого не переубеждает на деле. Подлинная дискуссия крайне редко свойственна пользователям.

Итак, выделим те *черты «новой духовности» «Нью Эйдж» в сети, которые привлекательны для адептов:*

1) анонимность и наличие ролей (аватары и ники) – совмещение возможности скрыть себя и быть кем-то другим, что близко и некоторым оккультным системам (неофит превращается в избранного, переродившегося, посвященного, кого-то, кто значительно отличается от предыдущего себя) или совмещать несколько ролей одновременно;

2) сходные черты виртуальной среды и духовного (в том числе, инфернального) мира в целом: многоуровневость, нестабильность (изменчивость: все не так, как кажется, а в сети – это ссылки, поисковики, лабиринты, фейки, вирусы и т.д.);

3) акцент на индивидуальности – человеку внушается, что он уникален, «достойн» в самом начале вхождения в систему;

4) нечеткость границ (размытость) между реальностью и виртуальностью, между физическим и инфернальным мирами, между добром и злом (например, в компьютерных играх пользователь как бы находится «по ту сторону» и может выбирать).

Итак, фиксируется рост и предпочтительность следующих *установок «новой духовности» посредством искусства и в искусстве:*

1. Размывание границ между различными и даже противоположными этическими категориями, атрибутами духовности, ценностями. Далее следует закрепление и нормализация подобных «растущеванных» позиций (зло оказывается предпочтительнее добра).

2. Отсутствие/игнорирование/отказ от уникальности, автономии, цельности, тайны в человеке, отсюда человек трактуется как конструкт, модификация,

несовершенный и переходный вид, который заменится трансчеловеком, а затем постчеловеком.

3. Апологетика и внедрение образов мутантов и киборгов в качестве методологических «мостов» для обмана культурной «иммунной системы» (так как в действительности нельзя стереть эти границы между человеком и «постчеловеком»).

4. Андрогинность (гермафродиты), когда в характеристиках героев, духовных существ присутствуют мужские и женские характеристики, последние меняются местами, совмещаются по принципу противоположностей (феминные мужчины и маскулинные женщины).

5. Гипертрофированная сексуальность и установка на раскрепощенность как норму, где чистота и стыдливость объявляются отсталостью, опосредованной «моральной контузией».

6. Гомосексуальность (однополые отношения и шире, ЛГБТ ценности, флюидность). Поощрение деятелей искусства, включивших гомосексуальность в сценарий, награждение премиями актеров, совершивших камин-аут и т.п. Андрогинность, гипертрофированная сексуальность и гомосексуальность, в свою очередь подготавливает к постгендеризму.

7. «Новая эстетика» в двух противоположных форматах:

а) Намеренное позиционирование без-образного, мерзкого, по принципу «что отвратительнее, то предпочтительнее», что приводит к привыканию, принятию и к деградации эстетического вкуса у зрителя.

б) Намеренная эстетизация (создание красивой формы) негативных явлений, событий, существ, злодеев.

8. Альтернативная история. В произведениях искусства в ускоренном режиме осуществляется переписывание истории, создание новых мифов, в том числе, в стиле ожидания Новой эры благоденствия для избранных, существ, обладающих сверхспособностями.

9. Игровой формат внедрения всех вышеперечисленных и иных установок и методов. Игра, благодаря своим базовым свойствам, позволяет:

а) на уровне «шутки, понарошку» внедрять неприемлемые установки, которые из временных трансформируются в постоянные, из исключений переходят в норму;

б) снижается порог критичности, и человек допускает в свое сознание те или иные установки.

10. Применение провокационных и скандальных методов и сюжетов в искусстве: эпатаж, провокация, плутовство, эклектика (сочетание несочетаемого, «морок и обман»), метафоры, аналогии, иллюзии, недосказанность, ложь, сарказм, ирония, колажность на уровне нравственного выбора (герой – это антигерой, например, трикстер – джокер). Возможно закономерно, что современное медийное пространство наводнили трикстеры как предвестники катастроф.

11. В качестве основного художественного приема используется компьютерная цифровая метафора, которая, после стадии принятия, из метафоры превращается в факт в сознании зрителя, что далее способствует принятию «постчеловеческой субъектности». Трансгуманизм таким образом получает согласие его адептов на реализацию проекта «Human enhancement».

12. Намеренное очеловечивание неорганических (неживых) информационных структур. Многие серьезные ученые, специализирующиеся на ИИ, роботизации, крайне критично оценивают настойчивое «очеловечивание» киборгов, что не соответствует их сути и функциям. Очеловечивание роботов выгодно сторонникам теорий «нечеловеческих агентов», которые активно заполняют сообщества постгуманистов и трансгуманистов. После устранения границы между разносущностными системами далее включается требование уравнивания, признания прав и т.п. Киборгизация человека и очеловечивание роботов создают нечто среднее, пространство сплошной гибридности.

13. Эксплуатация и гипертрофированная чувственность. Воздействие в искусстве на чувственно-эмоциональную сферу в ущерб остальным – в том числе, с целью «оправдания», стимулирования эмпатии к «очеловеченным нечеловеческим агентам».

14. Акцентирование на суицидальности как закономерном и «правильном» исходе для современного человека.

15. Включение элементов «оккультной духовности» в само искусство (процесс как мистерия; арт-объект как оккультно-магический акт, художник как жрец, зрители как неофиты в мистерии), а отсюда, популяризация в искусстве методов, позволяющих снижать и притуплять изначальное негативное восприятие ложной духовности. Синтез отдельных научных технологий, в частности, цифровых технологий, с оккультно-магическими в искусстве.

16. Паразитизм на чужих философских и религиозных теориях с одновременным искажением последних (фальсификация или намеренное искажение смысла оригинального текста с целью внедрение оккультно-магических идей в массовую культуру).

17. В оккультно-магическом искусстве используются агрессивные методы воздействия (чувственно-эмоциональная экзальтация с акцентуацией на боли, элементы садистских и мазохистских приемов, психологическое насилие, что реализует легитимизацию обязательной составляющей некоторых оккультных систем – наличие жертвы);

18. Растущая акцентуация на сетевом виртуальном пространстве формирует электронную культуру (E-Culture). Внедрение постулатов дигитальной философии (компутационализма), направляющей движение в сторону редукции, одномерности и деградации общества.

1.4. Методологические основания рецепции «новой духовности» в трансгуманизме

В отношении культурфилософских оснований трансгуманизма существует несколько точек зрения. В рамках постсекулярной культуры их можно подразделить следующим образом.

Первая группа – это исследователи, которые оценивают трансгуманизм как исключительно секулярное явление, продолжающее дело позитивистов, сциентистов, сторонников техно-технологического подхода (замены философии,

религии и искусства наукой), технического прогресса, цифровизации, компютационализма и т.п.

Вторая группа – это мыслители, которые считают трансгуманизм логическим следствием постсекулярности с ее «компромиссной» моделью совмещения духовности/религиозности с научными формами мышления в новом постпостмодернистском развороте в сторону цифровых компьютерных обрамлений практически любой сферы культуры в ситуации перехода.

В нашей работе отстаивается точка зрения, согласно которой трансгуманизм не является исключительно новым явлением или движением, сформировавшимся в эпоху секулярного общества. Анализ источников, ссылок на работы и авторов, основы самой трансгуманистической парадигмы, ее базовых концептов позволяет увязать трансгуманизм с практически не прерывающейся линией обращения к оккультизму и магии, имеющими различные, как правило, искаженные и упрощенные формы презентации. В эпоху постсекулярности это вышло на качественно новый уровень – уровень массового популярного наукообразного мифологизированного движения, ставшего модным трендом. Таким образом, трансгуманизм имеет старую мировоззренческую (антидуховную) основу, идеи и практики которой в полной мере начали реализовываться в эпоху постсекулярного общества. Здесь, в силу сменившейся парадигмы (с классической на неклассическую), постмодернистской работы с деконструкцией и подменой метафизических оснований и базовых ценностей, в культуру активно внедряются трансгуманистические установки, прогнозы и предложения.

В работе отстаивается положение о том, что «новая духовность» трансгуманистов в большинстве случаев объявляется синонимичной понятию «религиозность», поскольку трансгуманистическое движение всё отчетливее позиционирует свой проект «космической глобальной единой религии» со своим пантеоном, цифровым богом, культовой духовной элитой и системой заповедей, имеющих непререкаемый абсолютный авторитет.

Идеологи трансгуманизма не скрывают своего желания встать на место Абсолюта, сконструировать своего «домашнего» цифрового бога, самим стать

богами и иметь божественную власть в новой контролируемой конгломерации, состоящей из транслюдей и постлюдей.

В авторских теориях и программах трансгуманисты активно ссылаются на вполне конкретные произведения, героев и авторов, проповедующих оккультно-магические идеи в современной оболочке¹. Сторонников трансгуманизма всегда влекли духовные и религиозные темы с подобными маркерами, например, миф о Прометее, истории с эликсиром бессмертия, с философским камнем, эпос о Гильгамеше, происхождение сомы/хаомы в ведических текстах и т.п.

Знаковой эпохой для трансгуманистов стало Возрождение, где появилась работа Дж. Пико делла Мирандола «Речь о достоинстве человека»², в которой Мирандола подчеркивает мысль о незавершенности образа человека в неоплатоническом смысле, в отличие от других живых существ. Человек должен измыслить себе средства и методы для своей окончательной трансформации. Далее в следующих эпохах трансгуманисты упоминают философов-прогрессистов, сторонников деистической или просто механистической картины мира. Так, у Н. Бострома основное внимание уделяется работе Ж.А. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» и труду Ж.О. Ламетри («Человек-машина»). Предтечами современного трансгуманизма бесспорно стали и представители западной элитарной учености, такие как Дж. Хаксли, Ф. Гальтон³ и другие⁴. В данную когорту создателей определенной парадигмы следует отнести и писателей-фантастов – Дж. Бернала, Дж. Холдейна⁵, Р. Эттингера и В. Винджа.

Исследование трансгуманистических трудов на предмет поиска главного и подлинного их смысла – задача непростая, в связи с их «наследственной привычкой» использовать обтекаемые, многозначные, порой откровенно

¹ Популяризатор, активный политический деятель Х. Кордейро ссылается на вполне определенных авторов и произведения. См.: Кордейро Х. Л., Вуд Д. Смерть должна умереть: наука в борьбе за наше бессмертие. М., 2021. С. 21–25.

² Пико делла Мирандола Джованни. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса / сост. В. Л. Шестаков. М., 1981. Т. I. С. 249.

³ Гальтон Ф., написавший кн. «Наследственный гений», кузен Ч. Дарвина и современник многих дарвинистов-агностиков: Т. Гексли, Г. Спенсера и Дж. Тиндаля.

⁴ The Transhumanist FAQ. Ник Бостром. Version 2.1., 2003. URL: <https://nickbostrom.com/views/transhumanist.pdf>

⁵ Главными вдохновителями трансгуманизма Х. Тирош-Самуэльсон, называет Дж. Хаксли, Дж. Бернала и Дж. Холдейна (см.: Building Better Humans? Refocusing the Debate on Transhumanism Edited by Nava Tirosh-Samuelson and Kenneth L. Mossman (Peter Lang, Frankfurt), 2012. P. 55).

кодированные понятия и слова. Здесь наблюдается перевес терминологии из ИТ-технологий, доминирование «компьютерных метафор». Часть идеологов активно применяет язык «новой духовности» в стиле движения «Нью Эйдж».

Среди трансгуманистов немало фигур, связанных с популяризацией науки, поэтому им свойственно чрезмерное увлечение методом упрощения, редукции сложных явлений и процессов, путем использования метафор, художественных рассказов, монологов в стиле непринуждённой беседы, отсюда неизбежно возникают искажения, деформации оригинальных понятий и целых теорий¹. В связи с магической подоплёкой трансгуманизма намеренно выбираются «непрозрачные» понятия, которые растолковываются по-разному для посвященных и профанов. Многие базовые понятия имеют «двойное дно» из-за чрезмерного употребления постмодернистского инструментария (метафоры и аналогии)², постоянного увлечения прогнозированием будущего с множеством вариаций по трансгуманистическому сценарию. Также фиксируется игнорирование традиционных, теистических трактовок духовности.

Еще один прием – это совмещение научного смысла с религиозным, поскольку трансгуманисты всегда позиционируют себя как научно ориентированное движение. В их теориях активно применяются понятия, вышедшие из нью-эйджевской сферы. В последней имеется аналогичный упрощенный массовый вариант идеи «усовершенствования человека» путем раскрытия сверхспособностей в силу совпадения нужных для этого времени и места (наступила Новая эра, эра Водолея, земля перешла в новое измерение, началось излучение особых волн, рождаются дети индиго и т.п.). Поэтому не случайно трансгуманисты приглашают к себе лидеров НРД, гуру «новой духовности».

Трансгуманизм в своем современном виде усвоил и все методы потребительской культуры, все механизмы рыночной экономики, включая

¹ См.: Бостром Н. Басня о драконе-тиране. Nick Bostrom Homepage: www.nickbostrom.com Journal of Medical Ethics, 2005. Vol. 31. № 5. P. 273–277.

² См. анализ философа М. Хаускелера: Hauskeller M. Mythologies of Transhumanism. London, 2016.

новейшие методы: использование криптовалюты, блокчейнов, дистанционных и виртуальных форматов и т.п. Отсюда, учитывая дифференциацию общества (богатые и бедные), трансгуманисты «подают» один и тот же продукт с разными вариациями. Возможно, большинство исследователей трансгуманизма согласятся с мыслью о необходимости особого толкового словаря по трансгуманистическим терминам и понятиям. Так, А.М. Осипов для более широкого круга явлений предлагает термин «троянские кони»¹. Ряд исследователей связывают иносказательность и таинственность преподнесения определённых теорий с самой традицией оккультных, эзотерических сообществ Европы, с тезисом «знания – тайна»².

Современный теоретический каркас разрабатывают следующие идеологи и методологи трансгуманизма: Р. Курцвейл³, Н. Бостром⁴, В. Бейнбридж⁵, Д. Пирс⁶, В. Виндж⁷, М. Мор⁸, Дж. Хьюз⁹, М. Уолкер¹⁰. Отечественные идеологи трансгуманизма: Д.И. Дубровской¹¹, Д.И. Ицков¹², В.В. Прайд, Д.А. Медведев¹³, А.В. Турчин – РТД (Российское Трансгуманистическое движение)¹⁴ и другие.

¹ Осипов А. М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 5. С. 66.

² Тимофеева О. Сова и ангел // Логос. 2016. Т. 26. №2. С. 134–136.

³ Kurzweil R. The singularity is near: When humans transcend biology. N.Y., 2005; Kurzweil R. The law of accelerating returns. URL: <https://www.kurzweilai.net/kurzweils-law-aka-the-law-of-accelerating-returns>

⁴ Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии. М., 2016.; Bostrom N. History of transhumanist thought Journal of Evolution and Technology, Vol. 14. Iss. 1. P. 4.

⁵ Bainbridge W. S. Transhumanism Heresy // Journal of Evolution and Technology. 2005. Aug. Vol. 14. Iss. P. 1–10; Journal of Evolution and Technology. Vol. 14. Iss. 1–10; Bainbridge, W. S. Unraveling Religion Ethical Technology. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20141108>

⁶ Pearce D. The Hedonistic Imperative. URL: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>.

⁷ Vinge V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era. Department of Mathematical Sciences San Diego State University. URL: <https://edoras.sdsu.edu/~vinge/misc/singularity.html>

⁸ More M. The Overhuman in the Transhuman // Journal of Evolution and Technology. V. 21. Issue 1. P. 1–4.; Ojochogwu A. Reflections on James Hughes Problems of Transhumanism. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/bio/hughes>

⁹ Hughes J. After Happiness, Cyborg Virtue // Free Inquiry. Vol. 32 (1). p. 1–7; FTP025: Cyborg Buddha - IEET's James Hughes on Transhuman Enlightenment and Basic Income. URL: <http://futurethinkers.org/cyborg-buddha->

¹⁰ Walker M. Genetic Virtue Permanent End. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/walker20031119>.

¹¹ Дубровский Д. И. Функционализм и «когнитивистская басня» // NovaInfo. 2011. № 4. URL: <https://novainfo.ru/article/2319>.

¹² Ицков Д. Заповеди жизни неочеловека. URL: <http://vz.ru/opinions/2013/4/3/627133.html>.

¹³ Медведев Д. А. Конвергенция технологий как фактор эволюции // Новые технологии и продолжение эволюции человека: трансгуманистический проект будущего. М., 2008. С. 68-74.

¹⁴ Российское трансгуманистическое движение. URL: <https://transhuman.ru/>

Альтернативные теории, критикующие основные положения трансгуманизма, представлены в трудах Ф. Фукуямы¹, Ю. Хабермаса², В.А. Кутырева³, С.С. Хоружего⁴, В.А. Лепского⁵, Э.В. Ильенкова, Ж. Бодрийяра⁶, П.Д. Тищенко⁷, представителей Изборского клуба (динамический консерватизм): В.В. Аверьянова⁸, А.И. Агеева⁹, М.Г. Делягина¹⁰, В.Э. Багдасаряна¹¹, М.А. Кильдяшова, работы Русской экспертной школы под руководством В.А. Щипкова¹², работы О.Н. Четвериковой¹³, А.А. Дыдрова¹⁴ и других.

В.А. Лепский предупреждает об опасности потери человеческой идентичности. С.С. Хоружий в своей синергетической теории предупреждает о «виртуализации социума», после чего сознание в ситуации мозаичности, хаотизации и редукции к цифровым формам активности станет античеловечным¹⁵. Помимо утраты человеческих характеристик, личность лишится трансцендентного начала, потеряет свою духовную специфику. Ситуация близится к критической «Число сочувствующих идее человеческой исключительности невелико. Человек... лишается онтологических привилегий и мыслится как часть в составе целого (равно природы, Вселенной, совокупности объектов и т.п.). Как феномен он исчезает, т.е.

¹ Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. М. 2004.

² Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: на пути к либеральной евгенике? М., 2002.

³ Кутырев В. А. Философия трансгуманизма. Нижний Новгород, 2010; Кутырев В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб., 2015; Кутырев В. А. Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб., 2016; Кутырев В. А. Идеология бессмертия как выражения абиотического развития современной цивилизации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 1. С. 231–239.; Кутырев В. А. Философия постмодернизма. – Нижний Новгород, 2006.

⁴ Хоружий С. С. Постчеловек и постчеловечество: будущее цивилизации или ее конец? // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 10–11.

⁵ Лепский В. А. Akademik Lektorskiy: «Esli prikhodit bessmertiyе. zhizn teryayet smysl» [Academician Lektorsky: “If Immortality Comes Life Lacks its Meaning”] (Interview) // Novaya gazeta [Website of New Newspaper]. №. 35. Pp. 20–21. URL: <http://www.novayagazeta.ru/arts/67927.html>

⁶ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.

⁷ Тищенко П. Д. Россия 2045: котлован для аватара // Вопросы философии. 2014. № 8 С. 181–190.

⁸ Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация / сост. В. Аверьянов. М., 2021.

⁹ Агеев А. И. Научного знания нет вне этических принципов...// Изборский клуб. URL: <http://dynacon.ru/content/articles/5092/>; Агеев А. И. Линия фронта проходит через сердце // Православная беседа. Огнева Т. URL: <https://www.ageev.net/2012/05/liniya-fronta-proxodit-cherез-serdce/>

¹⁰ Делягин М. Человек-трансформер // Изборский клуб. 2019. № 1 (67). С. 58–65.

¹¹ Багдасарян В. Руководитель научной школы «Ценностных оснований общественных процессов» (аксиологии).

¹² После человека. Идеология и пропаганда трансгуманизма в современном мире / ред.-сост. В. А. Щипков. М., 2018.

¹³ Четверикова О. Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М., 2019; Четверикова О. Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. М., 2020.

¹⁴ Дыдров А. А. Человек будущего в контексте инновационных стратегий. Челябинск, 2020. С. 81–83.

¹⁵ Хоружий С. С. [и др.] Постчеловек и постчеловечество: будущее цивилизации или ее конец? // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 10–11.

в философском смысле умирает»¹, по мысли Н.Н. Ростовской². О том, что трансгуманисты вовсе не сожалеют о возможной гибели людей, пишет и Майкл Зиммерман (Циммерман)³. Движение к антиантропоцентризму, расколу и бездуховности усиливается трансгуманистической активностью, согласно работам В.А. Кутырева.

Различные концепции и авторы объединяются в критическом обзоре трансгуманистических теорий по нескольким направлениям, прежде всего, в сфере биоэтики, где выстраивается оппозиция биоконсерваторов против технофилов.

К технофилам, проводникам программы конвергенции НБИК-технологий и проекта «Human enhancement (HE)», следует отнести М. Роко, В. Бейнбриджа⁴, С. Фуллера⁵, Д. Харувей⁶ и т.д. Термин «биоконсерваторы» означает тех, кто защищает на генном, биологическом уровне человеческую уникальность. Это нейробиологи, генетики, отстаивающие принципы гуманизма, соблюдения запрета на эксперименты с человеческими эмбрионами, выступающие против евгеники (радикальной), против чрезмерного увлечения внедрением технологий (радикальное технофильство и инновации в ущерб человеку).

В свою очередь, трансгуманисты, которые настаивают на использовании различных радикальных технологий применительно к человеку, называют биоконсерваторскую позицию шовинистской из-за ее якобы ретроградства и торможения развития науки во благо всему человечеству. Постгуманисты (некоторые направления) и трансгуманисты взяли за правило обвинять всех, кто критикует и мешает продвижению радикальных технологий, «навешивая на оппонентов ярлык» шовинизма, расизма и терроризма. Трансгуманисты ловко

¹ Ростова Н. Н. Человек на границе животного мира // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 68.

² Ростова Н. Н. Аджорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. № 4. С. 731-750.

³ Зиммерман М. Е. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме. URL: <https://eroskosmos.org/religious-motifs-in-technological-posthumanism/>

⁴ Roco M., Bainbridge W. Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. NSF/DOC-sponsored report. National Science Foundation, Arlington, Virginia, 2004.

⁵ Фуллер С. От социальной эпистемологии к Humanity 2.0 Интервью со Стивом Фуллером // Логос. 2018. № 5. С. 13, 15-16.

⁶ Haraway D. When Species Meet. Minneapolis, 2008. P. 11.; Харуэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М., 2017.

используют амбивалентную природу техники, выстраивая аргументы в свою пользу (см. тезисы Х. Тирош-Самуэльсон)¹.

Представители русского Изборского клуба считают, что в самом названии «биоконсерваторы» лежит некоторая методологическая неточность, позволяющая трансгуманистам выигрывать в этой полемике. Отсюда они предлагают сменить тактику с оборонительной на нападающую, т.е. проявлять активность, «мудрые технологии», где технологии являются лишь средством («технологический костыль»), а главным остается человек². В качестве теории, защищающей человека, предлагается *теория Нового ковчега* (см. Доклад Изборского клуба)³.

Трансгуманисты представляют себя как защитников жизни, отсюда акцент делается на достижении бессмертия, в том числе, цифрового бессмертия, где понятие жизни радикально трансформируется (биологические формы жизни смешиваются с цифровыми, с доминированием искусственного над живым). Но уже сейчас алгоритмы и программы устаревают, изнашиваются, подвергаются вирусам быстрее, нежели это требуется для гибели живых существ. Задолго до эры доминирования компьютеров, в СССР, Э.В. Ильенков предвидел опасный разворот, который в будущем стали осуществлять трансгуманисты. Его оппонент Д.И. Дубровский, сформировавший информационную теорию, стал в некотором смысле отцом трансгуманистов в российском пространстве.

В качестве теоретико-методологического основания применяется теория «управляемой эволюции». Она опирается на эволюционную концепцию Ч. Дарвина, но сильно ее модернизирует и, в конечном итоге, отходит от ее базовых принципов, – отсюда понятно, почему многие эволюционисты не признают и критикуют трансгуманистическую управляемую эволюцию (см. теорию слепой эволюции Докинза и др.).

Складывается впечатление, что предтечи современных трансгуманистов (Дж. Хаксли, Ф. Гальтон) «подыграли» первым эволюционистам, заранее планируя

¹ Tirosh-Samuelsan H, Hurlbut J. B. Perfecting Human Futures Transhuman Visions and Technological Imaginations. Frankfurt, 2016. p. 2-5.

² Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация. Указ. Соч. С. 91–93.

³ Указ. Соч. С. 3-100.

ввести в научный и философский оборот эту теорию как альтернативную креационистским концепциям, а далее, сделав ее доминирующей, постепенно вводить в нее уже собственные понятия. Таким образом, теория эволюции мыслилась как некий инструментарий, который можно использовать сторонниками радикального контроля и внедрения технологий в человеческую природу.

На современном этапе наибольший вклад в теорию управляемой эволюции внес Р. Курцвейл с помощью своей системы подсчетов и выделения этапов эволюционных скачков в истории мира и человечества, с особым акцентом на моменте начала усиления скоростного режима научно-технического прогресса. Он предложил теорию *экспоненциального прогресса*, когда реальный прогресс, как скачок в высокотехнологическое будущее, случится быстрее, чем все научные революции вместе взятые за прошлые тысячелетия. Таким образом, человек с помощью технологий ускорил и может еще ускорить ход эволюционного развития, он способен и обязан контролировать эволюционное развитие.

Для этого нужно совершить революцию или трансформацию прежде всего на уровне мировоззренческих установок и ценностей, путем отказа от традиционных схем мышления, традиционной духовности и перехода на «экспоненциальное мышление» (*exponential thinking*, см. эссе 2001 года Р. Курцвейла «Закон ускоряющейся отдачи»).

Усвоившие программу «экспоненциального мышления» называют данный способ мышления – «*exponential mindset*». Здесь, по сути, соединилось понятие управляемой эволюции с ускоряющейся эволюцией. Предполагается, что обычный человеческий разум (нейронная деятельность мозга) после обучения сразу переходит в ситуацию нелинейного прогресса (скорость ускорения мыслительных операций растет в геометрической прогрессии). Экспоненциальное мышление – это как бы «адекватное мышление», согласное законам развития и технологий, и экосистем планеты, обнаруживающих эволюционное развитие по экспоненте. По Р. Курцвейлу, старомодное мышление (линейное), опирающееся на законы логики, на эмпирический опыт и факты, уходит в прошлое.

Правда, Р. Курцвейл считает, что и у экспоненциального роста есть предел, рост не бесконечен и определяется возможностями именно имеющихся технологий, например, пределом возможностей уменьшать размер полупроводников и помещать их на микросхемы. Пределы компьютерного софта и «железа», в принципе, известны. В действительности, программа по обучению экспоненциальному мышлению – это манипулятивная технология, которая изменяя мировоззрение, разрушает естественные механизмы самосохранения у обучающихся (это, как правило, активные бизнесмены, политики, научные деятели) в сторону гипертрофированной веры в технологии, цифровой прогресс, в радикальные инновации. Инновация – это «святыня», ради которой можно пожертвовать многим. Таким системам для раскрутки механизма «самореализующихся пророчеств» необходимы люди, готовые рисковать всем, отсюда риск преподносится как некая необходимая мера. Такую установку С.А. Кравченко называет «рискофилией», последняя во многом обусловлена сужением мышления до цифровых границ¹.

В любом случае трансгуманисты оказываются в выигрыше, используя человеческие ресурсы и обогащаясь на них за счет «переформатирования» сознания всё большего числа людей, внедрения в них «новой духовности». При этом единственное, что мешает привлекать больше адептов – это подлинная, традиционная духовность. Поэтому трансгуманисты усиленно формируют методологическую базу для своей этики, этики новой духовности, например в формате – нейроэтики².

В отношении экспоненциального мышления возникает много вопросов: чрезмерное сужение и подмена понятия «эволюция» до локальной модернизации; неочевидный ход прогресса именно по экспоненте; расширение применения конкретных видов технологий на все виды прогресса общества. Эту схему нельзя

¹ Кравченко С. А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 53.

² Khvastunova J. V. The educational model of transhumanism in the context of digitalization of society. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 437. International Scientific Conference «Digitalization of Education: History, Trends and Prospects» P. 382.

приложить к человеческому мышлению (здесь – классическая редукция понимания программистом мыслительных процессов и работы мозга). Например, в программах по развитию лидерских качеств в Сколково или в программах в Университете Сингулярности и его филиалах внедряют технологии по обучению и переходу на «exponential thinking», однако нет никаких доказательств, что мышление обучившихся стало настолько скоростным и прогрессивным.

В качестве дополнения к «exponential thinking» С. Фуллер разработал *принцип Проактивности*¹. Данный принцип основывается на утверждении С. Фуллера о том, что личность не ограничивается лишь видом homo sapiens, поскольку, нет и не будет найден генетический паттерн, позволяющий говорить о человеке как особом существе. Отсюда он делает вывод, что под характеристики личности смогут попасть и сложные машины, сильный ИИ и т.п. (когда ИИ пройдет тест Тьюринга).

Теория управляемой эволюции встраивается в еще одну редукционную теорию «моделируемой Вселенной». Данная теория объясняет весь мир по типу модели в фильме «Матрица», но только на более научнообразном уровне².

Трансгуманистические понятия. Бессмертие (иммортология) – важнейшее понятие, в силу которого трансгуманистов относят к имморталистам, благодаря чему, они получают хороший приток сторонников в движение³.

Само понимание бессмертия может сильно варьироваться, от физического бессмертия до цифрового. Так, у Х.Л. Кордейро встречается термин «амортальность» (антисмертность), в теории М. Ротблатт – «athanophy». В программе «амортальности» достижение бессмертия представлено в двух сценариях:

¹ Фуллер С. От социальной эпистемологии к Humanity 2.0 // Логос. 2018. № 5. С. 13, 15–16.

² Ник Бостром А не живем ли мы в «Матрице»? Доказательство методом моделирования. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/bostrom3.htm> Источник: Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в «Матрице». / под ред. Глена Йеффета. М., 2003.

³ См. популяризацию авторской программы борьбы со старением у Обри ди Грея, цитата «Старение – это варварство, оно просто недопустимо. Мне не нужны этические аргументы, да и вообще никакие не нужны. Это интуиция. Позволять людям умирать – дурно» (Кордейро Х. Л., Вуд Д. Смерть должна умереть: наука в борьбе за наше бессмертие. М., 2021. С. 42.; Ди Грей О., Рэй М. Отмена старения. Прорывы в современной науке смогут обратить старение вспять уже при нашей жизни. М., 2006.)

1. Генная инженерия – генные манипуляции, которые будут продлевать срок жизни тела, но они не гарантируют избавления от болезней и возможных дополнительных проблем (мутаций).

2. Цифровые технологии, позволяющие создать общую кибернетическую сеть с единым ИИ, где индивидуальности будут предельно однотипны, контролируемы и заданы искусственными имплантами. Термин «аммортальность» лучше всего переводить на русский язык как «несмертие» – существование в переходе, на границе живое/неживое, – отсюда можно предположить, что откроют не бессмертие, а механизм постоянного замедленного умирания.

Трансчеловек (англ. “transhuman”) — это некое промежуточное состояние, переходная стадия, за которой обязательно должна последовать трансформация в *постчеловека*, последний уже будет далек от человека, как обезьяна далека от современного человека. Возможно, разница будет определяться именно степенью реализации негативной духовности, «звериности». Эта постепенность объясняется еще и тем, что вначале люди, возможно, испугаются и откажутся от перехода в стадию постчеловека, но они могут принять более слабую версию перехода в трансчеловека, поскольку здесь еще сохраняются некоторые человеческие признаки.

Трансчеловек – это человек с техническими дополнениями, гаджетами и имплантами, но в некотором роде еще человек, а постчеловек – это полностью модифицированный, встроенный в цифровой формат, не имеющий пола, человеческих чувств и, возможно, не имеющий тела или использующий аватар, постоянно соединенный (закольцованный) в единую сеть-«монстра». Идеологи пишут о постчеловеке как сущности с распределенной индивидуальностью (множество «я»).

«*Human Enhancement*» – еще одно базовое понятие, оно воплощает большой проект, привлекающий инвестиции холдинга Alphabet, корпораций: Apple, Neuralink (И. Маск), компании и владельцев Фейсбука и Твиттера и т.п. Дело в том, что первичное восприятие слов: «усовершенствование или улучшение человека» несет позитивную смысловую нагрузку. Но у трансгуманистов «Human

Enhancement» связано с вполне конкретными, четко ограниченными пределами и методами. Данный проект завязан на исключительно технологичных вмешательствах в природу человека, на цифровых имплантах, редактировании генов, использовании дизайнерских наркотиков, внедрении наноботов, чипов и т.п. Найдя удачный маркетинговый термин «Human Enhancement», трансгуманисты продвигают радикальное трансформирование, киборгизацию, «расщепление» человека на всех уровнях.

Одно из первых направлений современного трансгуманизма – *экстропианство* – может служить примером использования всех методов и уловок с понятиями на примере трактовки бессмертия. Изначально, в силу недоказанности возможности реализации своих программ, отсутствия реальной технологии достижения бессмертия экстропианцы используют неточные/размытые критерии там, где, казалось бы, ситуация ясна и изучена – в определении «клинической смерти». Так, свой метод криоконсервации (крионической заморозки) они обозначили как «сбережение жизни и здоровья пациентов». Отсюда «криопациент» – это замороженный труп, по крайней мере, до тех пор, пока не осуществят «воскрешение»¹. Но, пожалуй, здесь самый оригинальный термин – «крионический «сон», или, иначе, «глубокая кома, от англ. «deep coma»» – заморозка умершего в азоте. Соответственно, термин «анестезия» означает погружение умершего криопациента в жидкий азот. В поддержку крионики Р. Курцвейл, заявил: «...первая реанимация после криоконсервации произойдет в 2040-х гг. В поддержку этой технологии посредством открытого письма выступили некоторые авторитетные ученые, в том числе Обри ди Грей и американский ученый Марвин Минский, которого считают одним из “отцов” ИИ (после смерти в 2016 г. Минский был крионирован)»².

¹ Естественно, это не обычная заморозка водой или по типу холодильника, а «витрификация», она позволяет не образовываться кристалликам льда в сосудах и т.п. Но сам процесс всё же пока не позволяет «разморозить» до исходного состояния с целью оживления, поэтому процесс все равно остается, по сути, замораживанием и обратным действием «пока» не обладает.

² Смерть должна умереть: Наука в борьбе за наше бессмертие. М., 2021. С. 273–274.

Трансгуманистический бог. Сущность с характеристиками Абсолюта практически не встречается в теориях трансгуманистов. Главная идея – это построение, техническое создание божества или богов, включая и постлюдей как божеств. Часто божество понимается как цифровой бог (см. книги Ю. Харари), как некий сильный универсальный ИИ (см. трактовки Б. Герцеля о «Artificial General Intelligence (AGI)»), как конгломерат всех сознаний (см. у Н. Бострома и Р. Курцвейла) или как инопланетный сверхинтеллект, как суперкомпьютер (квантовый суперкомпьютер). Соответственно, такой бог имеет начало, характеристики «тварности», или, вернее, изделия и, возможно, контроля со стороны избранной группы постлюдей.

Выделим общие параметры трансгуманистического божества:

1.Всемогущество – способен влиять на все процессы, возможно, с учетом модели вселенной-матрицы.

2.Вездесущность: если это сильный ИИ, то он будет, через загрузку сознания или подключение через чип, контролировать все подчиненные сознания.

3.Всеведение – владение самой большой базой данных. Если учитывать возможность достижения такого состояния мира, когда все постлюди будут в единой сети, то и их данные будут частью знаний ИИ.

4.Бессмертие как достижение цифрового бессмертия путем преодоления издержек энтропии через постоянную перезагрузку сознаний, смену «железа», воспроизводство новых аватаров, когда божество будет существовать в контексте постоянного обновления или копирования (самовоспроизводства), отчего между ним и постлюдьми возникнет непреодолимая когнитивная и экзистенциальная пропасть, т.е. он станет «богом» для остальных существ.

Все другие атрибуты, свойственные религиозно понимаемому Богу, не фиксируются у трансгуманистического бога. Но и вышеперечисленные явно «не дотягивают» до подлинных атрибутов Бога. Сам тезис о постоянном и ускоренном развитии «божества» противоречит представлениям о Трансцендентном, об Абсолюте, который мыслится как Совершенный, уже имеющий все атрибуты полноты. Аналогично можно рассуждать и в отношении вечности, или бессмертия

(что, как известно, не одно и то же). И сам принцип «всё в сети» задает возможность определить слабые места такого божества, когда любой инсайдер в некотором смысле равен или даже выше сетевого божества.

Итак, трансгуманистическое божество, например, в варианте сильного ИИ («Digital deus») и/или объединенной системы подключённых транслюдей оказывается слабым в отношении подлинного Бога и даже в отношении натурального человека, тем более, человека духовного в подлинном значении этого слова.

«Сингулярность» – это многоуровневое понятие, оно здесь может означать и отдельное направление, и некий период после начала необратимого скачка в эру власти ИИ, и модель идеального будущего, и состояние полной неопределённости, возможно, глобального коллапса. Будущая система будет максимально унифицированной, единой с неким мировым правительством¹. В отношении конкретной теории Сингулярности у трансгуманистов сформировалось три отдельные школы:

1. Сингулярность как эпоха после резкого стремительного технологического скачка (экспоненциального роста или ускоряющихся изменений) – Р. Курцвейл.
2. Сингулярность как «горизонт событий» или горизонт прогноза, когда после ускорения уже трудно будет что-либо предсказать – В. Виндж.
3. Сингулярность как интеллектуальный взрыв в сфере ИИ – И. Дж. Гуд².

Однако все выше представленные трактовки критикуются, в том числе, самими трансгуманистами.

Оккультизм в трансгуманистической духовности. Возникает вопрос, почему трансгуманисты, с некоторым пиететом, в каждой своей книге упоминают в качестве предыстории трактаты и достижения оккультистов, алхимиков, каббалистов и даже гностиков. В этом смысле трансгуманисты являются

¹ Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М., 2016; Бостром Н. Угрозы существованию. Анализ сценариев. URL: <https://www.proza.ru/2007/04/04-210>; Виндж В. Технологическая сингулярность / пер. О. Данилова. URL: http://modernlib.net/books/vindzh_vernor/tehnologicheskaya_singulyarnost/read_2/; The Hedonistic Imperative. URL: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>.

² Eliezer Yudkowsky on «Three Major Singularity Schools» At Singularity Summit, 2007. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mEt1Wf1ljvo>

наследниками вполне определённой линии интерпретации духовности и религиозности. Трансгуманисты упоминают опыты Сведенборга, выращивание гомункула, контактерство и использование древними магических формул в качестве эквивалента науки. Такая «окультиная духовность» практически не знает проблем со злой природой человека, она играет на тщеславии и любопытстве. Более всего она проявляется именно в желании оправдать экспериментирование с человеческой природой ради усовершенствований по формуле «здесь и сейчас» внешними техническими средствами, по собственному человеческому разумению, и здесь часто используется древнее обвинение телесности в том, что она препятствует духу совершенствоваться.

В гносеологическом смысле оккультные системы всегда искали тайное знание, отсюда так часто в них интерпретируется библейский образ с запретным плодом и деревом познания добра и зла. С древности оккультные системы существовали закрыто, для избранных, и только в XX в. оккультизм начал, на подготовленной базе, переходить в стадию массового учения и практики.

Отсюда можно выделить *два вектора*: массовый оккультизм в виде групп «Нью Эйдж» с повсеместным распространением без различия государств и национальностей, и элитарный вариант, в виде некой квази-гностической системы (элитарный трансгуманизм). Например, развиваемая сейчас теория моделируемой Вселенной по типу Матрицы во многом идентична гностическому представлению о кажимости материи. Здесь уместно вспомнить анализ А.Ф. Лосева о гностическом понимании материи (докетизм, учение о чистой кажимости) и трактовке гностиками свободы от морали¹. Современные трансгуманисты развили данные положения до проекта «Human Enhancement». Аналогично А.Ф. Лосеву, современный исследователь Дж. Грей, анализируя теорию Р. Курцвейла, подчеркивает тождество гностицизма с его отказом от материи и упованием на тайные знания – с теорией «загрузки сознания» и игнорированием природного «несовершенного» тела.

¹ Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. М., 1989. С. 189.

Исходя из этого, следует заключить, что *полной секуляризации в европейском или шире, западном обществе никогда не было, элиты всегда были носителями определённых религиозных идей, распространителями определенного типа духовности*. Гностический образ «души, томящейся в телесной тюрьме» оказался удобным и востребованным в цифровых теориях трансгуманизма. Настоящий мир, законы государств, сам человек несовершенны, «не доделаны» и злы в силу особых обстоятельств. Элитные круги, сохраняющие или обретшие тайное знание, способны сами спасти себя от материального рабства, достичь бессмертия и всезнания.

Трансгуманистическая свобода с оговорками (морфологическая свобода). В качестве варианта теории о свободе воли можно обратиться к понятию, предложенному последовательницей и теоретиком экстропианства Н. Вита-Мор (Vita-More), являющейся соратницей и женой Макса Мора, разработавшего принципы экстропианства как одного из первых направлений современного трансгуманизма.

Наташа Вита-Мор известна своим проектом дизайна постчеловека «Primo Posthuman» (первый постчеловек), а также концепцией «brand new human, человек 2.0»¹. Морфологическая свобода «morphological freedom» – это состояние кибернетического сознания, способного быть кем угодно, продолжать эволюционировать. Морфологическая свобода у Н. Вита-Мор получила правовое обоснование², что, по ее мнению, гарантирует в будущем транслюдям и постлюдям их права. Итак, морфологическая свобода – это свобода, которая опирается на право изменять свое тело, допускать радикальные вмешательства, а также право не трансформировать себя. В этом определении наиболее значима первая часть, поскольку Н. Вита-Мор добавляет еще принцип проактивности (т.е. предпочтительность риска, инноваций в случае выбора между ним и принципом осторожности). Учитывая серьезные изменения на стадии трансчеловека,

¹ Vita-More N. Designing Human 2.0 – Regenerative Existence Article in Artifact ·September. 2008. Artifact 2 (3–4). P. 145–152.

² More M., Vita-More N. The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future 1st Edition. 2013. P. 126.

морфологическая свобода как желание трансформироваться в постчеловека будет срабатывать автоматически и действовать только для транслюдей.

Теперь обратимся к конкретным вариациям в виде организаций, движений, фондов и компаний, непосредственно осуществляющих *трансгуманистическую культурную политику* в мире.

Глава 2. Культурфилософская оценка теорий и проектов «новой духовности» в трансгуманизме

2.1. Трансгуманистические организации в условиях развития постсекулярной культуры

Трансгуманизм уже давно успешно развивается на организационном уровне. Общая характеристика его учреждений – это не только единая философия и поощрение радикальных технологических нововведений, но и постоянное курирование проекта неким активом идеологов. В трансгуманизме используются менеджерские приемы – например, руководители меняются местами (с директора на содиректора или в члены совета и т.д.). Также активные сторонники подписывают контракт с криофирмой «Алькор» и вступают в члены организации «Спасительная шлюпка».

В качестве подтверждения успешности проекта, перехода от теории к практике, роста популярности, финансового благополучия современного трансгуманизма, рассмотрим такую его организационную форму, как *Институт Экстропии (EXI)*, а далее выделим наиболее значимые организации по сферам влияния.

Институт Экстропии (анг. Extropy Institute или ExI) официально был зарегистрирован как некоммерческая образовательная организация в 1991 г., в действительности же начинающие трансгуманисты преследовали цель создать информационный сетевой центр трансгуманизма. В данном центре предполагалась выявлять все наиболее значимые научные направления и открытия с целью отыскания возможности получить для своей «философии экстропии» эмпирический материал.

Институт официально просуществовал более пятнадцати лет, но неформально свою деятельность один из соучредителей Макс Мор начал еще ранее, в 1986 г. Его принципы экстропии легли в основу продвигаемого проекта трансгуманизма. Параллельно популяризация учения М. Мора осуществлялась через одноименный журнал, в котором рассматривались наиболее дискуссионные

темы: бессмертие через продление жизни, робототехника, загрузка сознания, космонавтика, меметика, ИИ, нанотехнологии и генная инженерия.

Наряду с философско-популяризаторскими задачами, Институт проводил политику подготовки почвы для принятия обществом практической реализации идей крионики. С самого начала своей активности и по настоящее время М. Мор связан с крионической фирмой «Алькор» («Alcor»). Уже в 1987 г. М. Мор переезжает в Лос-Анджелес, где работает над докторской диссертацией по философии. С 1988 г. он начинает публиковать журнал «Экстропия: журнал трансгуманистической мысли». М. Мор опубликовал манифест «The Extropist» как оптимистическую футурологическую философию, ориентированную на достижение бессмертия¹.

НКО Humanity Plus (Humanity+ (H+)). Наиболее массовая и представительная трансгуманистическая общественная организация (ранее «Всемирная трансгуманистическая ассоциация» (ВТА, англ. World Transhumanist Association, WTA с 1997г.) с платным членством, миссия которой заключается в продвижении проекта «Human Enhancement». Усовершенствования предполагают обязательное технологическое вмешательство с помощью весьма радикальных средств. Эта линия на настоящий момент чаще обозначается как продвижение программ конвергенции НБИК-технологий. В силу определённых причин организация ВТА ушла от прямого использования слова «трансгуманизм» в названии и в 2008 г. переименовалась в «Humanity Plus». Ее соучредители параллельно открывали организации более конкретного плана; так Д. Пирс в 2007 г. учредил Аболиционистское общество (Abolitionist Society), Н. Бостром возглавил Институт будущего человечества (Оксфордский университет). Р. Курцвейл курирует некоторые направления работы в Google и является сооснователем Университета Сингулярности (US).

Одна из задач H+ – осуществлять мониторинг критических работ по деятельности трансгуманистов, бороться с оппозицией, внедрять влиятельных

¹ Экстропианство. URL: <https://ru.abcdef.wiki/wiki/Extropianism>

людей и своих членов в политические, экономические, научные и культурные ведущие центры в США, ЕС и т.д.

Во многом именно благодаря трансгуманистам в мире растет поддержка и популярность на научном уровне нейроэтики и смежных направлений. И, возможно, дело здесь не столько в реальных научных успехах – ведь эмпирические данные можно интерпретировать по-разному – сколько в успешно реализуемой тактике Н+. Ее составляющие:

1. Финансирование и привлечение влиятельных ученых; внедрение трансгуманистов в науку и другие сферы, обеспечение им продвижения по карьерной лестнице.

2. Поиск подходов к влиятельным политическим, экономическим, культурным и прочим элитам, к отдельным «звездам», к крупным бизнесменам и финансовым организациям. Усиленное продвижение трансгуманистических проектов в политической западной среде, выдвижение своих кандидатов на важные посты. Например, в США это продвижение кандидатов от демократической партии на разных уровнях, есть и прямо трансгуманистические партии – Трансгуманистическая партия США, Британская трансгуманистическая партия, Научная партия Австралии и другие.

3. Создание фондов, образовательных программ и акций, с целью через науку, через информирование о новых технологиях одновременно распространить трансгуманистическое мировоззрение. Далее обученные активисты должны распространять эти идеи, создавать проекты в соответствии с запросами основателей трансгуманизма.

Анализ сайта организации позволяет заключить о сформировавшейся *трансгуманистической культуре*, которая соответствует основным характеристикам постсекулярной культуры¹.

Движение издает журналы, проводит конференции и дебаты. Журнал «Трансгуманизм» доступен по ссылке на сайте движения, статьи публикуются в

¹ URL: <https://www.humanityplus.org/>, состояние на февраль 2022 г.

других журналах, например, в *Rejuvenation Research* (с 1998 г. по настоящее время) под руководством Обри ди Грея¹. Также делается акцент на привлечение специалистов из различных сфер и создание комплексных программ, сети из влиятельных членов².

Движение заявляет, что его лидеры «...не поддерживают антропоцентрическую гегемонию или догму... выступают за осознание и уважение синергии жизни в различных характеристиках и поведении, которые составляют живые формы Земли»³.

Философия трансгуманизма отражается также в несколько основных программных документах: *Трансгуманистический манифест*, *Трансгуманистическая декларация*, *Принципы космизма*, *Принципы экстропианства*, *Манифест космизма* и т.д. На сайте движения указана траектория эволюции данных документов. Так, сначала появилось «Трансгуманистическое заявление» 1983 г., а через 10 лет оно было преобразовано в Манифест, написанный Н. Вита-Мор (1993 г.), затем он был дополнен в 1998 г. и расширен в 2008 г. В настоящее время используется четвертая версия Трансгуманистического манифеста (2020 г.). В 1998 г., появилась «Трансгуманистическая декларация», последняя ее редакция датируется 2009 г.⁴.

В руководстве движения произошли некоторые изменения, поскольку формально выбыл Н. Бостром – в настоящее время он руководит крупным проектом в рамках деятельности Future of Humanity Institute (FHI) на базе Оксфордского университета совместно с Дж. Мартином. С 2022 г. исполнительным директором является Наташа Вита-Мор⁵.

Следующая стратегическая организация трансгуманистов – *Институт этики и новых технологий (IEET)*. Идеологи трансгуманизма – Ник Бостром и биоэтик Джеймс Хьюз учредили IEET в 2004 г.⁶. Организация указывает на четко

¹ Смерть должна умереть: наука в борьбе за наше бессмертие. Указ. Соч. С. 36, 38.

² URL: <https://www.humanityplus.org/>.

³ URL: <https://www.humanityplus.org/>.

⁴ URL: <https://www.humanityplus.org/about>

⁵ IEET. URL: <https://www.humanityplus.org/>.

⁶ IEET. URL: <https://ieet.org/>

выверенную траекторию трансгуманистов совершить окончательную «революцию» в сфере представлений о нравственности. Трансгуманистические биоэтики, или нейроэтики, используют теорию управляемой эволюции, где человек предстает как незавершенное переходное звено, вид, подлежащий дальнейшей трансформации и преодолению.

Одновременно развивается идея о «постчеловеческих субъективностях», что помогает трансгуманистам продвигаться в сторону радикальных экспериментов, гибридности, клонирования, применения теории ИИ для вмешательства в природу человека, в его сознание для реализации проекта «человек-машина». Институт изучает и продвигает несколько радикальных технологий:

1. Современная евгеника. Редактирование генов на эмбриональной стадии (полный контроль рождаемости), дальнейшее применение генной инженерии.

2. Фармакологический контроль. Разработка все более эффективных препаратов, совмещающих антидепрессанты, наркотики, психоделики (обсуждаются дозировки данных препаратов: от установленных доз и приемов в течение определённого времени, до возможности их автоматического дозирования и подачи в организм вне участия трансчеловека), «таблетки счастья» по М. Уокеру¹.

3. Электростимуляция, терапия током для постоянного стимулирования в мозгу соответствующих зон (стимулирование участков, вызывающих чувство эйфории и т.п.).

4. Киборгизация, создание интерфейса «человек-компьютер», например, через имплантацию микрочипов в кору головного мозга или через дистанционное воздействие (см. современные опыты компании И. Маска – Neuralink). Поэтому не случайно в названии Института совмещаются понятия: «технологии» и «этика». С помощью современных радикальных технологий должна быть решена проблемы правильного этического поведения, образа мышления и отношений. Идеологи часто видят себя в качестве нравственной элиты будущего сообщества постлюдей.

¹ Walker M. Genetic Virtue Permanent End. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/walker20031119>; Walker M. Happy-people-pills for all. International Journal of Wellbeing. 2011. № 1(1). P. 127–148.

В Институте присуждается премия за успешное продвижение технопрогрессизма. Последний выполняет роль идеологии IEET. Технопрогрессизм раскрывается в главном документе – *Декларации технопрогрессизма* («the Technoprogressive Declaration»)¹. Декларация опубликована в 2014 г., главным ее разработчиком является Дж. Хьюз, который учел замечания А. Сандберга, Н. Вита-Мор, М. Ру, Д. Корнелля², Д. Вуда. Данная Декларация указывает на некоторые опасения и возможности, она нацелена именно быть ориентиром в максимально практическом смысле, на уровне политических решений и продвижения конвергенции НБИК-технологий на различных уровнях во имя светлого будущего («brighter future»).

Технопрогрессисты делают ставку на лоббирование и увеличение финансирования программ борьбы со старением. Они принципиально подчеркивают *отсутствие разницы между терапией и «улучшениями — «Enhancement»», а также расширение прав на людей и «не людей»,* уравнивание их в этическом плане, а, значит, и в духовном. Дискуссии, теории, проекты IEET публикует в научном издании «Журнал этики и новых технологий»³.

Сотрудники Института проводят «тихую революцию»; они отличаются не только идейным единством, но и организационной кооперацией, отчего их действия носят целенаправленный и точечный характер, позволяющий быстро лоббировать те или иные программы, побеждать своих конкурентов. Многие технопрогрессисты стали своеобразными знаковыми фигурами в своих областях: Д. Каррико (технокритик), Д. Харауэй (манифест киборгов), Д. Рушкофф, М. Дери (киберкультура), К. Муни, критикующий консерваторов и республиканцев за их торможение науки, Б. Стерлинг (виридианское дизайнерское движение), А. Штеффен (экологическая проблематика на Worldchanging), А. Ньюиц (журналистика, Био-панк)⁴.

¹ URL: https://hpluspedia.org/wiki/Technoprogressive_Declaration

² Корнелль Д. и Ру М. являются главными организаторами трансгуманизма во Франции, написали совместную книгу. Marc Roux, Didier Coeurnelle TECHNOPROG: Le transhumanisme au service du progrès social, 2016. 224 p.

³ The Journal of Evolution and Technology, JEET, с 1998г. издавался как журнал трансгуманизма «Журнал эволюции и технологий» (анг. «Journal of Evolution and Technology»), затем с 2004г. получил собственное название в рамках одноименного Института. Гл. редактором журнала являлся философ Марк Уокер (Mark Walker).

⁴ URL: <https://dev.abcdef.wiki/wiki/Techno-progressivism>

В настоящее время Институт занимается реализацией большой программы «Новая этика в рамках прав личности» – расширение и изменение трактовки личности, перенесение прав на животных, ИИ и т.п.

В духовно-религиозном плане в Институте наблюдается большой интерес к буддизму, точнее, в стиле «Нью Эйдж», к необуддизму. Среди членов ИЕЕТ есть бывшие и настоящие буддийские монахи и практики. Поэтому Дж. Хьюз использовал в заголовке книги термин «Будда».¹ Помимо самого Дж. Хьюза, буддийские симпатии фиксируются у половины членов Совета директоров ИЕЕТ. Так, Дж. Дворски является практикующим буддистом, Д. Вуд отличается пробуддийскими взглядами, а М. ЛаТорра (Mike LaTorra) является практикующим буддистом.

Проекты «новой духовности» в виде космической глобальной цифровой религии будущего. В Институте, помимо этической составляющей постчеловека с духовно-религиозными включениями, разрабатывается теория всеобщей интеграционной религии, основанной на «новой духовности». Дж. Хьюз реализует проект «Cyborg Buddha», – по сути, это лишь «религиозное» название трансгуманистического постчеловека. Его духовность будет опираться на этику утилитаризма и гедонизма.

Проект цифровой галактической религии, курируемый У. Бейнбриджем – это попытка интегрировать все прорелигиозные или духовные искания трансгуманистов и возможных потенциальных членов из различных конфессий, движения «Нью Эйдж» и «ищущих». Отсюда в нашей работе выделяется пять подвидов прорелигиозно-«духовных» направлений и общее «интегративное в виде единой религии будущего или единой духовности постчеловека»:

1. Буддийский трансгуманизм – группа ИЕЕТ видит в буддизме основу для создания общей универсальной религиозной цифровой матрицы. Самый организованный проект – «Киборг Будда», объединяющий трансгуманизм с

¹ Дж. Хьюз. «Cyborg Buddha», FTP025: Cyborg Buddha, 2016.

буддийской философией¹. Активист российского трансгуманизма Д. Ицков утверждает, что проект киборгизации «Россия 2045» лично одобрил XIV Далай-лама².

2. Христианский трансгуманизм, который представлен Христианской Трансгуманистической Ассоциацией. Его сторонники трактуют понятие «Бог» как некий поступательный когнитивный процесс любви. Предлагается формула идеальной любви с помощью технологий (технократический абсолютизм).

3. Мормонский трансгуманизм. Одна из первых американских конфессий, которая присоединилась к трансгуманистам и создала филиал ассоциации у себя, – это мормоны. В учении мормонов есть интересные пересечения с трансгуманизмом (Mormon Transhumanist Association website).

4. Трансгуманизм с преобладанием учений агностиков, либертарианцев, сатанистов, атеистов, оккультистов. Так, среди либертарианцев, близких к сатанизму, выделяется М. Мор, который специально сменил свою фамилию³ (а на него повлияла книга А. Рэнд «Атлант расправил плечи» – своеобразная библия либертарианцев).

5. Трансгуманизм «Нью Эйдж». Сюда относятся самые разные группы и движения – от религиозных экологов, оккультистов, до уфологических движений, например, последователей Раэля; группы «spiritual community Second Life» и подобные им, которые создают в сети оккультные языческие смешанные виртуальные миры, продвигают идеи «трансцендентального трансгуманизма». У.С. Бейнбридж видит в них большую пользу.

6. Цифровая галактическая религия будущего. Она может рассматриваться, как выше сказано, как некий конгломерат всех пяти направлений. Но есть группа трансгуманистов, которые видят себя отдельными от этого общего направления, например, представители исключительно цифровой религии, которая поклоняется ИИ («Digital deus»). Сам У. Бейнбридж изначально создавал теорию цифровой

¹ Ojochogwu A. Reflections on James Hughes' Problems of Transhumanism. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/bio/hughes>

² Ицков Д. Заповеди жизни неочеловека. URL: <http://vz.ru/opinions/2013/4/3/627133.html>

³ Bostrom N. History of transhumanist thought. // Journal of Evolution and Technology, 2005. Vol. 14. Iss. 1. P. 4.

игровой религии, включающей в себя цифровой культ предков, цифровое бессмертие.

В целом, необходимо подчеркнуть, что анализ содержания этических проектов ИЕЕТ, например, «Киборг Будда», или цифровой религии, позволяет сказать, что даже если в названиях присутствуют религиозные термины, тем не менее они ни в коей мере не могут быть идентифицированы как буддийские или христианские, или мормонские в классическом смысле. В проектах отсутствует аутентичная богословская трактовка. Главное – это адаптировать духовные и религиозные положения в свой проект «Human Enhancement Technologies», начавший свою реализацию через программы конвергенции NBIC-технологий.

В качестве образовательной коммерческой площадки, совмещающей в себе самые разные формы современного бизнеса и рынка в целом, предстает *Университет Сингулярности (Singularity University, SU)*. Данный частный коммерческий университет предлагает лидерские экстенсивы, проводит конференции и саммиты, осуществляет индивидуальные образовательные и семейные образовательные программы. Университет Сингулярности позиционирует себя как новейший высокотехнологичный научно-исследовательский и образовательный центр, но его главная цель (которая на внешних рекламных слоганах и ссылках не фиксируется!) – это подготовка как можно большего числа из среды активных и небедных людей, убежденных трансгуманистов, готовых внедрять и одобрять проекты радикальной трансформации человека. Во все экстенсивы включена программа «Exponential Thinking» Р. Курцвейла. Обучающиеся по программам Университета Сингулярности, в том числе, по программе лидерства в Сколково, обнаруживают удивительную идентичность, – точнее сказать, они становятся буквально одинаковыми в плане языка с использованием англицизмов в трансгуманистической интерпретации, в плане выраженной коммерческой составляющей, в критике всех остальных традиционных мировоззрений и ценностей.

В SU предлагается ряд образовательных программ. Две из них реализовывались ранее в РФ, в том числе, через Сколково (программа GSP– Global Solutions Program и Executive Program)¹.

Программа GSP (Global Solutions Program) – это обучение молодых лидеров в течение десяти недель. Программа включает в себя презентации и дискуссии, рабочие семинары, общение участников и командообразование (team building) в рамках технологических тем².

«Executive Programs – для руководителей, предпринимателей (стоимость \$16,000 USD, а для участников университета \$15,000 USD). В 2022г. программа реализовалась 4 раза и включала пятидневный курс по конвергентным технологиям и так называемому «этическому лидерству» – продвижение теории «экспоненциального мышления» и соответствующие семинары³. Кроме того, проводятся форумы, саммиты, вебинары, проектная деятельность на площадках SU⁴. Реализуется интерактивное обучение, онлайн-обучение, онлайн-курсы по 5 и более темам; семейное обучение⁵.

Во все вышеперечисленные виды образовательных программ включены элементы так называемого образования будущего (Future of Learning, GGC-Learning). Оно ориентировано на экспоненциальное обучение (оценивание схоже с начислением баллов в компьютерных играх: баллы начисляются за все успешные действия). Используется формат микрообучения: оно осуществляется короткими курсами по разным темам в течение всего дня (короткие интерактивные сессии). Позиционируется усиление «творческого компонента», что предполагает использование различных технологий: симуляция, развивающие игры и образовательные развлечения; индивидуализированное обучение (то есть обучение

¹ В России образовательные программы SU стали позиционировать в Сколково, так, на сайте есть отдельная вкладка «Программы для выпускников, аспирантов, старших руководителей компаний и высокопоставленных руководителей правительства». Курирует программу (GSP) посол Singularity University в России, исполнительный директор Открытого университета Сколково – Андрей Егоров.

² Хвастунова Ю. В. Религиозные проекты трансгуманизма. М., 2022. С. 91–93.

³ Singularity University website. URL: <https://su.org/>

⁴ URL: <https://su.org/>

⁵ Там же.

подстраивается под распорядок ученика: индивидуальный ритм и акцент на решение конкретных задач).

Филиал SU в России был организован в 2017 г. выпускниками SU и называется «Singularity University Moscow Chapter (SU MC)». Возглавляет его гендиректор InfraFund РВК Евгений Кузнецов совместно с Дж. Колесниковым, визионером робототехники и технологической сингулярности¹. На выходе выпускники SU демонстрируют единство взглядов пролиберального западного плана.

Итак, трансгуманистические образовательные организации выступают за полную замену традиционных образовательных структур на обучающие бизнес-ориентированные, коммерческие фонды и кластеры. Они настаивают на тотальной цифровизации образования, позволяющей трансгуманизму быстрее устанавливать доминирование посредством «игры на своем поле» и продвигать идеологию «новой духовности». Человек с подлинной духовностью оказывается изгоем, юродивым, неуправляемым и «когнитивно не заданным» («не схватываемым») для проектируемой реальности будущего общества транслюдей.

2.2. Теории и проекты трансгуманизма в современной культуре

Обратимся к ключевым теориям и проектам идеологов трансгуманизма, послужившим основаниями для формирования отдельных направлений и движений.

Среди них следует выделить: философа Д. Пирса (теория «Райской инженерии» и Гедонистический императи»), Н. Бострома с его прогнозами и описанием рисков будущего, У.С. Бейнбриджа (теория эмуляции, цифровая галактическая технорелигия), Б. Герцеля («Манифест космизма»), Дж. Приско и его Церковь Тьюринга, а также М. Ротблатт – движение Терасем.

¹ Jin Kolesnikov «Из Singularity University выходят практиками, заряженными на видение будущего». URL: <http://edurobots.ru/2017/11/singularity-university/>.

При анализе различных трансгуманистических организаций становится очевидным наличие актива идеологов-теоретиков современного трансгуманизма. Каждому из них движение обязано созданием одного из базовых оснований: этики, методологии, антропологии, официальных структурообразующих документов, прогнозов и т.д.

Аболиционизм: «Райская инженерия» и Гедонистический императив Дэвида Пирса. Один из основателей современного трансгуманизма, английский философ-веган, представитель аналитической философии, сооснователь НКО «Humanity Plus (Humanity+)» – Д. Пирс.

Теория аболиционизма строится вокруг главного тезиса – исключения страданий из жизни живых существ: человека и животных¹. На первый взгляд, теория Д. Пирса – это западный философский вариант буддизма с его отрицанием страданий и видения в них корня всех зол. Еще за три года, до официального учреждения ВТА, в качестве программного документа аболиционизма философ представил интернет-манифест «The Hedonistic Imperative» (Гедонистический Императив). В самом тексте документа, как некое кредо, выделяются Принципы Гедонистического императива². В Гедонистическом императиве (Hedonic Human +, а на русском языке – ГТГ³) заявляется о возможности абсолютного устранения страданий с помощью высоких технологий. В качестве сопутствующей теоретико-методологической базы Д. Пирс использует представления об «управляемой эволюции», которые позволяют ему корректировать мировые процессы, различать в них «правильные и ошибочные» события. Отсюда страдания – это якобы эволюционная ошибка, избыточность, которая, возможно, ранее играла полезную роль, но в будущем однозначно должна быть исключена из жизни живых существ. Большие надежды трансгуманизм возлагает на конвергенцию НБИК-технологий.

¹ Пирс Д., будучи убежденным веганом, считает, что в будущем животные должны быть генномодифицированы и превращены из хищников в травоядных существ.

² Пирс Д. The Hedonistic Imperative. URL: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>.

³ В англоязычной среде в 2000-х годах для обозначения трансгуманизма стало использоваться сочетание символов H+ (h)+ (Human +).

В 2007 г. Д. Пирс со своими единомышленниками учредил Аболиционистское общество (Abolitionist Society). Как профессиональный философ-гедонист, Д. Пирс трактует аболиционизм именно как «негативный гедонизм», где отрицается фундаментальность страданий, поэтому последние должны быть ликвидированы или изъяты из физиологических процессов. Понимая, что страдания являются следствием чего-то, или индикаторами неких процессов и их нельзя просто изъять или заблокировать, ничего не предложив взамен, Д. Пирс предлагает создать искусственные аналоги всех чувств и ощущений. Это некие «информационно-сигнальные градиенты здоровья и счастья».

У Д. Пирса аболиционизм строится на некой стратегии достижения счастья в теории «Райской инженерии» (анг. «paradise engineering»)¹. Данная теория – это мегапроект, который при удачном стечении обстоятельств, правильной реализации и гениальности инженеров должен превратить всю экосистему планеты в подобие рая. Люди и животные, не зная боли и страданий, будут постоянно наслаждаться, радоваться, заботиться друг о друге, не испытывая никаких хищнических и агрессивных позывов. Такая картина напоминает общество вегетарианского типа, но его заданность определяется не самоконтролем, личным выбором и нравственным совершенствованием, а чисто искусственной системой стимуляторов и блокаторов².

В случае гедонистической эвдемонической теории Д. Пирса его сектор управляемой эволюции – это, прежде всего, генная инженерия или всеобщая либеральная евгеника. Однако многие ученые, например Ф. Фукуяма, предупреждают Д. Пирса, что технологические попытки свести к минимуму человеческие страдания могут лишить людей «высших и самых замечательных человеческих качеств»³. Эмоциональный мир – это дар и преимущество человека, по сравнению с компьютерными алгоритмами, роботами и ИИ.

¹ The Genomic Bodhisattva, H+ Magazine. URL: <http://hplusmagazine.com/2009/09/16/genomic-bodhisattva/>.

² Holford Patrick. The 10 Secrets of Healthy Ageing: How to Live Longer, Look Younger and Feel Great. Hachette Digital, 2012.

³ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М, 2008. С. 173.

Кстати, сам Д. Пирс, а также М. Уокер и некоторые другие биоэтики мыслят «по-человечески», начиная уже сейчас в свои рассуждения включать всевозможные допущения и уловки. Так, предлагается достигать «оптимального уровня счастья» у транслюдей простым путем «снижения несчастья», – другими словами, если трансчеловек будет меньше страдать, то это и станет для него счастьем. Д. Пирс сосредотачивает внимание на исключение страданий на двух уровнях: физиологическом и психоэмоциональном. Отсюда он предлагает три технологии: 1) нанотехнологии, 2) генную инженерию и 3) искусственные наркотики.

Уже сейчас трансгуманистические сообщества (технопрогрессисты) включаются во все движения за легализацию и дальнейшее исследование наркотиков. Философ предлагает сосредоточить усилия на дизайнерских наркотиках, которые должны стать «безопасными прояснителями настроения».¹ Аналогично и этик М. Уокер предлагает формировать добродетели транслюдей посредством системы «генетической добродетели», которая представлена в его «Программе генетической Добродетели (GVP)» и «таблетках счастья» (англ. «Happy-people-pills»)².

Д. Пирс предлагает не полагаться на одну или две технологии, а использовать их в комплексе, всегда имея «про запас» или в качестве противоядия, блокатора побочных эффектов некоторые дополнительные технологии. Главная цель – это нахождение и затем формирование списка, карты лучшего «нейрокоррелята удовольствия». Первой методологической сложностью на пути великих планов гедонистов, даже если свести всего человека и его сознание к деятельности мозга, – это выявление конкретной области мозга, или механизма, отвечающего за счастье, – видимо, тождественного физиологическим ощущениям удовольствия. По Д. Пирсу, это «НейроКоррелят Удовольствия (НКУ)». Пока он не найден, да и,

¹ Дизайнерские наркотики – искусственные психоактивные вещества, синтетические заменители натуральных наркотиков, они схожи по эффекту, но не идентичны по строению с натуральными наркотиками.

² Walker M. Genetic Virtue Permanent End. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/walker20031119>; Walker M. Happy-people-pills for all. International Journal of Wellbeing, 2011. № 1(1). P. 127–148.

согласно мнению многих ученых и учитывая, что в человеке всё связано, – его выявление – это сложная проблема.

Д. Пирс дает следующую трактовку понятия «удовольствие»: это некое «субъективное ощущение, соответствующее процессам вознаграждения» в человеческом мозге, а в качестве вершины удовольствия используется термин «эйфория». Средства достижения цели делятся на три группы:

«I. Технологические: 1) Радикальное продление жизни, использование технологических средств для устранения болезней и физических недостатков, мешающих комфортному существованию. 2) Использование знаний о природе удовольствия и счастья для создания соответствующих ощущений, которые не мешают достижению главной цели НН+. 3) Создание устройств и механизмов, облегчающих удовлетворение потребностей и поддерживающих комфортное существование»¹.

«II. Социальные: 1) Устранение социальных институтов, ведущих к страданиям, мешающих достижению главной цели НН+. 2) Построение социальных институтов, способствующих достижению главной цели НН+. 3) Пропаганда идеи гедонистического трансгуманизма среди большого числа индивидов».²

«III. Персональные: 1) Достижение максимально возможной на данный момент продолжительности жизни. 2) Избегание неприятных действий, если в перспективе они не способствуют достижению пункта 1. 3) Избавление от стрессовых состояний как с помощью психотехник, так и с помощью фармакологических средств, которые не вредят пункту 1. 4) Использование психотехник, способствующих повышению счастья от действий, способствующих пункту 1. 5) Стремление к любому субъективному источнику удовольствия, которое не нарушает пункт 1, как у самого индивида, так и у взаимодействующего с ним индивида(ов), а также не вредит их удовольствию»³.

¹ Идеология ТГ. URL: https://docs.google.com/document/d/1WPgKfsn--sTqG8T7TH8QOIkR_jPKlQq-L1s6D4zf5yg/edit

² URL: https://docs.google.com/document/d/1WPgKfsn--sTqG8T7TH8QOIkR_jPKlQq-L1s6D4zf5yg/edit

³ Там же.

Помимо достижения удовольствия, без возможности ощущать страдания, что вместе равно понятию «счастье», Д. Пирс размышляет над темой бессмертия и вечной молодости. Философ оптимистично смотрит на шансы достижения обозначенных целей, если сосредоточить совместные усилия именно на трансгуманистических программах.

Д. Пирс в качестве этического философского основания выбирает *отрицательный утилитаризм*, который означает несогласие с позицией баланса удовольствия и страдания. Отсюда отрицательный утилитаризм настаивает на акценте на удовольствиях и вычеркивает страдания. Технически задача гедонистов упрощается и сводится к созданию некой шкалы, которая будет показывать фиксацию дозировки удовольствий. Счастье сводится в таком случае к элементарному повышению удовольствия от нуля и выше. В итоге, «райский инжиниринг» – сухая схематическая работа по определению дозировок воздействия препаратов, стимуляторов на некие зоны, операции с генами и т.п.

Д. Пирс, отказываясь включать в свою философию страдания и боль, обрекает общество, оказавшееся под контролем нейровласти, на забывание и, по сути, на незнание, невозможность ощутить подлинное счастье, то есть то, ради чего и создавался гедонистический трансгуманизм.

В духовном и религиозном смыслах Д. Пирс вводит понятие «*Нулевая онтология*» (Zero Ontology). Она представляет из себя гибридную эклектическую попытку совмещения буддийских и христианских идей. В его теории человек не имеет сущностной основы, он пластичен и может трансформироваться как конструктор, одновременно страдания есть некое ошибочное побочное явление, поэтому технологии должны нестабильную (незавершенную) человеческую природу улучшить, отняв всё лишнее и прибавив различные технологические дополнения. При этом очевидно, что классический буддизм входит в принципиальное противоречие с гедонистами. Последние поощряют потакание удовольствиям (обычно физиологического плана), что для буддистов является скатыванием в животную примитивную жизнь, уводящую от подлинного счастья-нирваны.

Идея небытия используется Д. Пирсом для разрешения искусственного вмешательства (вплоть до необратимых последствий) и одновременно поощрения отказа от морали. Отсюда следует заключить, что теория новых гедонистов – это концепция, рассчитанная на изменение общественного мнения в пользу трансгуманистов, для чего ее идеи проходят апробацию в массовой культуре, особенно в кино и компьютерных играх. Учитывая понижение критического мышления у современных пользователей, такой подход оказывается эффективным, и среди гедонистов обнаруживается много представителей молодежи.

Д. Пирс, помимо отрицательного утилитаризма, разделяет позиции *психологического гедонизма*. Последний гласит, что человек предпочитает выбирать путь максимизации счастья. Учитывая такую установку, Д. Пирс ищет индикаторы счастья, подчеркивает необходимость установления конкретных параметров измерения потенциала удовольствий, или уровня счастья. Такой подход носит название «кардиналистского». Здесь сразу же обнаруживается очевидный несложный механизм контроля транслюдей. Если какой-либо трансчеловек вдруг не проявит правильной реакции, он, скорее всего, будет утилизирован или «отредактирован».

Д. Пирс предлагает три критерия «морального» отбора правильных личностей:

1) договороспособность, означающая, что будущее общество будет состоять из тех, кто согласится на условия гедонистического трансгуманизма, остальные будут либо насильно осчастливлены, либо ликвидированы;

2) рефлексия – это необходимость бороться за счастье всех разумных существ;

3) сознательность – это перевод в формацию счастливых транслюдей всех, наделенных субъективными чувствами и ощущениями¹.

¹ Пирс Д. Введение в гедонистический трансгуманизм (ГТГ, НН+). URL: https://docs.google.com/document/d/12cK4sW9j7xWeiXPPvTTQrxcMw-_u0I2Jc5nYDDsV9o/edit // argonov) 2017-07-14 10:32:00 <https://argonov.livejournal.com/221001.html>.

Подытоживая свою философию, Д. Пирс переходит к конкретике, предлагая три вспомогательных альтернативы. Это:

- 1) усовершенствованные дизайнерские наркотики;
- 2) токовая стимуляция и
- 3) генная инженерия¹.

Самой эффективной технологией он признает генную инженерию (в качестве образца предлагается психика гипертимиков). Отсюда следует полный контроль репродуктивной стороны, выращивание дизайнерских детей (четкое квотирование количества детей и пар с детьми, сам же ребенок аналогично должен воссоздаваться по стандартам системы).

Как веган, Д. Пирс описывает мир будущего, где в пищу будут употребляться только генно-модифицированные искусственно выращенные животные продукты, а модифицированные транслюди и животные не будут иметь агрессивных наклонностей².

В рамках Гедонистического трансгуманизма вырисовывается система, полностью контролируемая посредством абсолютной заданности всех параметров транслюдей, которые в случае отхода от стандартов (что, по плану, должно быть почти невозможным) будут испытывать ситуацию жесткого дискомфорта. Параметры дальнейшего развития подобного сценария общества гедонистов задаются управляемой эволюцией, где действует «Принцип Слабой Доброжелательности». Этот принцип, опять же, определяется утилитарными ценностями, единственно возможным выбором «разумных существ», который спасет систему от деградации и вымирания.

Кибернетический трансгуманизм. Прогнозы и риски Ника Бострома. Соратник, друг и единомышленник Д. Пирса по трансгуманистическому движению в новейший постсекулярный период, Ник Бостром, в настоящее время является

¹ Хвастунова Ю. В. Гедонистический императив и райская инженерия Дэвида Пирса как нравственно–религиозная основа современного трансгуманизма // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 146–156.

² Пирс Д. Аболиционистский проект. Адаптированный текст семинара, проведенного в Институте Будущего человечества (FHI) Оксфордского Университета, и Конференции Счастья проведенной Charity International в 2007 году. URL: // <https://www.abolitionist.com/russian/>.

одним из самых востребованных, еще молодых, амбициозных ученых, реализующих программы и гранты на миллионы долларов и имеющих влияние на трансгуманистов и им сочувствующих по всему миру.

В настоящее время наиболее крупным проектом является анализ различных рисков, в том числе, технологических катастроф¹. Н. Бостром стал известен широкой публике после публикации ряда книг². Философ приобрел статус футуролога и популяризатора, с высоким рейтингом цитирования.

Н. Бостром достаточно критично относится к ряду возможных технологий и определяет свою задачу как максимально просчитываемое число вариаций сценариев реализации футурологических технологических проектов и нахождение оптимальной траектории для реализации трансгуманистических проектов. Н. Бостром уверен, что те, кто не войдут в движение, не перейдут в стадию трансчеловека, в лучшем случае останутся ни с чем, а в худшем погибнут или составят небольшое количество отсталых примитивных существ.

Н. Бостром продолжает прорабатывать заданные сценарии смены человека на трансчеловека, основанные на базовых теоретико-методологических идеях трансгуманизма³. Он фиксирует наличие противоречивых установок в описаниях технологического будущего и ИИ, в частности. Так, с одной стороны, ИИ необходимо контролировать и попытаться просчитать все риски его возможного «бунта», а, с другой стороны, в какой-то момент развитие ИИ может стать взрывоопасным и превратит его в Сверхразум, что делает бессмысленными любые расчеты и страховки⁴.

Н. Бостром пишет «Многие человеческие черты неудобны или вредны... Нет никакой внутренней ценности в том, чтобы быть человеком так же, как нет

¹ Института будущего человечества (Future of Humanity Institute). URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk/the-team/>

² Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии. Указ. Соч.; Julian Savulescu and Nick Bostrom «Human Enhancement - Hardcover - Julian Savulescu. Oxford, 2009; Bostrom N. Сверхразум: пути, опасности, стратегии. 2014; Bostrom N. History of transhumanist thought Journal of Evolution and Technology. Vol. 14. P. 4.

³ В отличие от трансгуманистов, в российской науке и философии разрабатываются более человеческие сценарии и видение истории, например в рамках священной сакральной истории, многообразия культур, сохранения человека и свободного будущего, без опасности оказаться в капкане собственных технологических решений. См. Взгляды В. Э. Багдасаряна, А. Проханова, Н. Нарочницкой, В. Аверьянова и других (Глава 3.).

⁴ Бостром Н. Угрозы существованию. Анализ сценариев. Указ. Соч. URL: <http://www.humanextinction.ru/>; Published in the Journal of Evolution and Technology. 2002. Vol. 9. 2001; Турчин А.В. STRUCTURE OF THE GLOBAL CATASTROPHE Risks of human extinction in the XXI century. URL: <http://www.scribd.com/doc/6250354/> Гл. 1. С. 3.

внутренней ценности в том, чтобы быть камнем, лягушкой или постчеловеком. Ценность заключается в том, кем мы являемся как личности, и в том, что мы делаем в своей жизни»¹. Н. Бостром разделяет понятия человек и личность, но он видит «личность» как нечто совершенно автономное и не связанное с «человеком». В данной цитате заложено уже следствие, то есть философ давно уравнил камень, лягушку и человека, отчего последний потерял всякую ценность. В мире сциентистов, где все сводится к неким алгоритмам и внешне задаваемым параметрам, где сомневаются в наличии объективной реальности, но верят в «матрицу» и постчеловека, нет никаких барьеров для движения в сторону Мортидо.

Итак, отказав человеку в праве на будущее, Н. Бостром заменяет его на улучшенную версию трансчеловека, для чего предлагает два варианта перехода:

1. Через последовательные модификации биологического мозга, возможно, используя ноотропные препараты, когнитивные технологии, компьютерные технологии (например, носимые компьютеры, интеллектуальных агентов, системы обработки информации, программы для визуализации и анализа данных и т.п., нейроинтерфейсы и бионические мозговые имплантаты).

2. Через «загрузку сознания... Загрузка во многих отношениях окажется эмпирической проверкой для многих взглядов на душу. Если загрузка сработает, некоторые идеи о душе придется пересмотреть. То же касается и машинного интеллекта»².

Удивительной чертой Н. Бострома является то, что он отдает себе отчет в научной некомпетентности сциентистов по поводу полного и глубокого понимания природы человека, в том числе, его духовности. Поэтому, по его мнению, в случае появления неожиданных последствий и реакций в ходе применения радикальных технологий следует быть к этому готовым и, не паникуя, продолжить работу в том же направлении.

Занимаясь прогнозированием сценариев возможного будущего на уровне научно-философского анализа, в том числе, необратимых последствий, он

¹ Бостром Н. FAQ по трансгуманизму. URL: <http://www.transhumanismrussia>.

² URL: <http://www.transhumanismrussia>.

разбивает их на четыре категории: «всхлипы» и «скрипы», «сужения» и «взрывы». Все такие необратимые последствия Н. Бостром увязывает исключительно с изначальной ошибкой в программировании ИИ и/или с дальнейшим взрывоопасным развитием самого ИИ.

В книге «Угрозы существованию: анализ сценариев» представлены экзистенциальные риски: «...риски событий, которые могут привести к нашему вымиранию или кардинальным образом повредить потенциал развившейся на Земле разумной жизни»¹. Чтобы понять, какие следует принять меры, философ вводит три критерия: масштаб, интенсивность и вероятность.

Масштаб — количество населения в зоне риска. Интенсивность — степень вреда и/или ущерба, а вероятность — это субъективная всесторонняя оценка последствий угрозы. Интенсивность же делится на два подвида: «переносимая интенсивность риска» и «смертельная интенсивность». Такое деление обусловлено, во-первых, прагматическими соображениями, которые должны помочь учесть имеющиеся ресурсы, во-вторых, скорее всего, элите важно понимать каковы риски и можно ли спастись именно ей. Н. Бостром, изучив возможные риски, типологизирует их, разбив на шесть групп, где последняя представляет группу глобальных смертельных рисков, при которых никто не выживет, включая элиты. Самыми опасными он считает высокотехнологические угрозы, по которым нет по-настоящему эффективных решений. Прогнозирование, в том числе, осуществляемое Институтом Н. Бострома, должно обеспечить некоторую гарантированность «принимать решительные превентивные меры и оплачивать их моральную и экономическую цену, конечно, не собой (элитой) а массами...»². При этом трансгуманист не станет сожалеть о тех обществах, государствах и культурах, которые не являются западными. Отсюда понятна цитата Н. Бострома «Уважение к национальному суверенитету не является законным извинением для провала в принятии контрмер против важнейших угроз существованию»³.

¹ Бостром Н. Угрозы существованию. Анализ сценариев. Указ. Соч. URL: <http://www.humanextinction.ru>. С. 3.

² Там же. С. 3.

³ URL: <http://www.humanextinction.ru/>

Рассмотрим выделенные четыре категории рисков: «Взрывы (Bangs) – жизнь на Земле исчезнет из-за внезапной катастрофы (случайно или намеренно). Сужения (Crunches) – способность человечества развиваться в постчеловечество будет необратимо повреждена, но люди продолжают жить. Скрипы (Shrieks) – некая форма постчеловечества будет достигнута, но только как чрезвычайно узкая доля спектра возможного. Всхлипы (Whimpers) – постчеловеческая цивилизация возникнет, но ее развитие будет сопровождаться постепенным и безвозвратным уходом вещей и ценностей, которые предполагалось достигнуть в начале пути»¹.

В вышеперечисленных категориях самыми опасными катаклизмами считаются «взрывы». Всего у Н. Бострома выделено одиннадцать их подвидов. Подвиды рисков варьируются: от неконтролируемого роста нанороботов, поедающих биосферу (серая топь), ядерного взрыва, коллапса компьютерной симуляции, генетически обусловленной катастрофы, злого ИИ, экспериментов с высокоэнергетичными ускорителями частиц, пандемии, астероидов и глобального потепления.

Следующие по степени опасности – «Сужения». Здесь может выжить некоторая часть людей, но она не будет способна удержать достигнутый технологический уровень. Сужения подразделяются на пять сценариев: «1. Истощение ресурсов или разрушение экологии; 2. Сбившееся с курса мировое правительство; 3. Давление “вырождения”; 4. Технологическая остановка (непреодолимые технологические трудности); 5. Нечто непредвиденное»².

«Скрипы» – это «сложно описываемые сценарии, из-за включения понятия “желательности” в определение скрипа. Четыре варианта:

1. Захват власти превосходящим интеллектом, загруженным в компьютер (постчеловеческий мир может стать отражением частных эгоистических предпочтений этой загрузки). Такой скрип приведет к тотальному рабству и аду на земле.

2. Сверхинтеллект с ошибкой.

¹ URL: <http://www.humanextinction.ru/>

² Там же.

3. Глобальный репрессивный тоталитарный режим.

4. Нечто непредвиденное»¹. Здесь Н. Бостром рассуждает о людях, которые не смогут перейти в постчеловечество, и тогда реализуется худший сценарий. И здесь проблема отягощается еще неопределенностью ценностной системы (ее изучает Д. Пирс и другие).

Последний вариант – «Всхлипы». «Здесь человечество успеет себя реализовать. Два вида Всхлипов: 1. Наш потенциал и даже наши базовые ценности разъедаются развитием в ходе эволюции – единственный возможный путь избежать данного Всхлипа — полностью предотвратить раскручивание этих цепочек событий; 2 Уничтожение вземной цивилизацией (инопланетяне); 3 Нечто непредвиденное»².

Н. Бостром предлагает развивать «*полезные технологии*», к таковым он относит создание интерфейса человек-машина «...важно достичь сверхинтеллекта посредством загрузки человека в компьютер, а не искусственного интеллекта. Нанотехнологии очень помогут загрузке»³. Отсюда очевидно, что все программы по чипированию, добровольному и обязательному согласию на нейрочипы будут приоритетной задачей транснациональной элиты, поскольку, в отличие от неуправляемого ИИ, такой подход дает возможность контролировать практически всех людей. Ученый выступает за поощрение научных исследований в области загрузки сознания и технологии параллелизма компьютерных сетей⁴.

Как этик, Н. Бостром предлагает принципы разумной достаточности «Максипок» и «Максимин», которые расшифровываются следующим образом: «максимизируйте вероятность позитивного исхода, где “позитивный исход” – это любой исход, при котором не происходит глобальной смертельной катастрофы...» и Максимин («Выбирайте действие, которое имеет наилучший исход в наихудшем случае»)⁵.

¹ Бостром Н. Указ. Соч.

² Хвастунова Ю. В. Футурологические проекты в нарративе Ника Бострома // Социальное время. 2022. № 1 (29). С. 41–56.

³ Бостром Н. Указ. Соч.

⁴ См. цифровые проекты «чипизации населения» в рамках цифровизации. В.Е. Лепский подчеркивает тревожный момент – отсутствие гарантий, прозрачности, секретность и сокрытие истинных заказчиков проекта.

⁵ Бостром Н. Указ. Соч.

Делая ставку на проект «Human Enhancement», Н. Бостром вполне откровенно настаивает на дальнейшем демонтаже национальных государств и формировании единого правительства Синглтона (singleton – единственный, одиночка), при этом управлением миром может осуществляться умными транслюдьми и дружественным сверхинтеллектом в их сочетании¹. Ник Бостром, стоящий у истоков Трансгуманистического движения и являющийся одновременно идеологом кибернетического трансгуманизма, в некотором смысле задал направление остальным известным трансгуманистическим теоретикам и активистам. Отсюда следующие фигуры могут быть объединены в рамках общей линии развития кибернетической сетевой «новой духовности» трансгуманизма.

Теория цифровой технорелигии Уильяма Симса Бейнбриджа (сетевая «новая духовность»). Правильнее будет начать с пограничной фигуры, относящейся к пионерам в области разработки и анализа компьютерных игр и одновременно занимающейся социологией религии, которая на Западе плавно трансформируется в социологию духовности, что следует правильнее переводить как социологию «новой духовности».

У.С. Бейнбридж известен как социолог религии, философ, геймдизайнер и убежденный трансгуманист. Он стоял у истоков научного апологетического социологического исследования движений «Нью Эйдж» в США, реализуя совместные проекты с Родни Уильямом Старком по созданию классификации новых религиозных движений (НРД), послужившей основой *концепции Старка-Бейнбриджа*.

Таким образом, У.С. Бейнбриджа можно назвать одним из основателей научной популяризации и легитимизации американской версии «новой духовности», потеснившей классические трактовки как духовности, так и религиозности. Ученые добавили новую трактовку «культы», с учетом перехода общества в постсекулярную стадию. Потеснившие традиционные церкви, деноминации и секты американские культы было предложено разделить на три

¹ URL: <http://www.humanextinction.ru/>

вида: аудиторные, клиентские и культовые движения. Популярные трансгуманистические направления, авторские проекты в социальных сетях, со своими духовными идеями, рекомендациями, практиками и магазинами по продаже своей продукции можно отнести, в плане духовности, к клиентским культам (см. движение Теразем).

Еще в 80-е г. XX в. У.С. Бейнбридж занялся пограничными исследованиями на стыке между социологией религии, программированием и психологией. Возможно, именно теоретический и практический опыт У.С. Бейнбриджа в рамках реализации проекта по сбору максимально полного объема данных о конкретном человеке, получившего название «*Personality Capture*», лег в основу идеи-фикс трансгуманистов – «загрузки сознания». В рамках «*Personality Capture*» ученый сначала разработал большой вопросник, затем была создана программа, позволяющая заполненные анкетные данные переносить в компьютерную базу¹. И далее была высказана идея продолжить совершенствовать программы для максимально аутентичной и полной компьютерной версии данных о том или ином человеке.

У.С. Бейнбридж создавал свою версию будущей мировой галактической технорелигии, или некой духовности трансгуманистического общества. В качестве вероучительной основы он совместил идеи «новой духовности» «Нью Эйдж» и элементы трансгуманистической философии, которые поначалу формировались не столько учеными, сколько научными фантастами. Поэтому ряд современных ученых изучают идеи трансгуманизма, а шире, идеи трансформации духовности в «новую духовность» в период становления постсекулярной культуры, именно в литературе. Так, литературовед Дж. Макклор использовал понятие «постсекулярная культура» для описания культуры, в которой родились анти-секулярные мотивы жажды духовного в современной американской литературе².

В своих статьях, описывая видение технорелигии будущего, У.С. Бейнбридж фиксирует свои духовные «с магическим оттенком» устремления. Он выделяет в

¹ Bainbridge W. S. *Personality Capture and Emulation*. Oxford, 2013.

² McClure J. *Partial Faiths: Postsecular Fiction in the Age of Pynchon and Morrison* / J. McClure. Athens, 2007.

качестве особой даты «день... перед Хэллоуином в 1969 году, когда были соединены первые два узла того, что сегодня называется Интернетом, и сегодня легко представить, что сверхъестественное можно заменить виртуальным»¹.

Таким образом, для трансгуманистов то, что ранее выполняла магия, теперь выполняют наука и техника. Галактическая технорелигия должна, полагаясь на «новую духовность», обеспечить в сетевом мире надежное существование миллионов миров. В 1989 г. У.С. Бейнбридж создал проект «Survey Research», включавший вопросник из 40 000 вопросов, реализованный в десяти программах администрирования анкет для операционных систем Windows. Пользователю-респонденту необходимо было вносить в вопросник ответы, которые обрабатывала компьютерная программа и сводила в единую базу. Всю процедуру У.С. Бейнбридж обозначил как способ «компьютеризированного захвата личности», что в дальнейшем породило идею об эмуляции умерших людей с помощью компьютерных информационных технологий (сетевой культ предков в играх). Ученый принципиально использовал термин «эмуляция», а не, например, моделирование или простое копирование данных. В программировании *эмуляция* предполагает максимально точное (насколько позволяют постоянно совершенствующиеся технологии) воспроизведение оригинала. Здесь также фиксируется некоторая подмена понятий, связанная, видимо, с профессиональной деформацией программистов, чрезмерным уклоном в сциентизм и игнорированием данных гуманитарных наук и классической философии и явным упрощением. Отчасти этот термин – метафора, поскольку эмуляция – это операция, позволяющая создавать симуляцию, но не оригинал. Однако У.С. Бейнбридж как бы этого не замечает, возлагая надежды на эмуляцию как воссоздание прототипа/оригинала в цифровом формате. Трансгуманисты считают, что будущие симуляции будут корректироваться более высоким разумом, а точнее Искусственным Интеллектом (или в версии Н. Бострома, сверхразумом)².

¹ Bainbridge W. S. Unraveling Religion Ethical Technology. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20141108>

² Bainbridge W. S. Указ. Соч. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20141108>

Последователи теории моделируемой вселенной, дигитальной философии (компутионализма) не видят принципиальной разницы между эмуляцией и, например, рождением, поскольку отождествляют деятельность сознания с работой мозга, а последний с информационными процессами, что уже неоднократно подвергалось критике. Сознание связано с мозговой активностью, но не равно ему¹. Программы эмуляции людей, даже если официально возобладает теория моделируемой Вселенной, будут воспроизводить *бесконечные симуляции*, не имеющие отношения к подлинному прототипу-человеку; это же можно заключить и в отношении сетевых божеств, а также и самой духовности пользователей.

У.С. Бейнбридж, помимо анализа данных людей, изучения НРД, известен как геймдизайнер, давно работающий в сфере компьютерных игр. Ученый считает, что виртуальная реальность поможет решить ряд проблем. Во-первых, она существенно сэкономит затраты на энергоресурсы планеты, если все люди переместят свою активность в виртуальный мир, то есть будут там жить в виде аватаров в большой мега-игре или вселенной игр². Во-вторых, благодаря совершенствованию технологий, виртуальные миры станут гораздо привлекательнее и разнообразнее, нежели «серая реальность»³. В-третьих, фактор зависимости будет ориентировать предпочтения людей с аватарными проекциями.

С учетом опыта в разработке компьютерных игр, он спроектировал цифровую версию культа предков, наделив цифровые аватары чертами своих покойных родственников: «почитание умершей семьи в онлайн-играх»⁴. «Так, в World of Warcraft есть аватар его покойного дяди М. Рона, затем он создал аватар его тети Клеоры, умершей в 1870 г. Это суррогат информационных технологий для религии: почитание умершей семьи в онлайн-играх»⁵. У.С. Бейнбридж считает, что при достижении абсолютно полной базы данных и сильном ИИ, аватары всех

¹ Косилова Е. В. Вызовы компьютерной культуры // Вестник Московского государственного университета. Серия 7. Философия. 2019. № 3. С. 22–33.

² Bainbridge W.S. EGODS: Faith versus Fantasy in Computer Gaming, 2013. P. 232–233.

³ Оболкина С. В. «Электронные боги» У.С. Бейнбриджа: на страже будущего или прошлого? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 105.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 105.

умерших людей станут почти не отличимыми от реальных прототипов¹. В итоге, пользуясь работой У.С. Бейнбриджа, трансгуманисты привлекают не только геймеров, но и молодежь в целом.

В религиозном смысле трансгуманистический сетевой культ предков заменяет почитание, молитвы за умерших родственников в реальной религиозной практике. Таким образом, трансгуманисты создают устойчивый стереотипный формат проживания своей жизни в виртуальности.

«Новая духовность». В проектах галактической религии Бейнбридж пишет: «Во-первых, новая религия должна быть политеистической, поскольку концептуально удобнее связывать различные формы компенсации с различными источниками. Во-вторых, именно магия выступает самой очевидной перспективной трансформацией религии в ее цифровом формате»².

Еще один проект У.С. Бейнбриджа связан с трансгуманистической версией колонизации космоса. Свою теорию галактической технорелигии «Космический Порядок»³ с ее более продвинутой «новой духовностью» он считает способной стимулировать интерес к космосу. О «новой духовности», основанной на иных постулатах, нежели религиозные системы, У.С. Бейнбридж пишет как о наиболее приемлемой и способной развиться в постсекулярной культуре. В качестве основы для «новой духовности» он предлагает культы «Нью Эйдж» (уфологические культы с акцентом на развитии технологий)⁴.

Однако, за внешним духовным прогрессизмом выступают всё те же старые оккультные корни. У.С. Бейнбридж пишет об оккультистах как людях, настаивающих на обязательных контактах человечества с космическими сущностями (например, Э. Сведенборг). Трансгуманисты берут на себя роль наставников разнообразных НРД, популяризирующих «новую духовность».

¹ Bainbridge W. S. «Religion for a Galactic Civilization 2.0» // Ethical Technology. 2009. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20090820>.

² Bainbridge W.S. EGODS... Указ. Соч. P.165.

³ URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20090820>

⁴ Там же.

Трансгуманистов-наставников он предлагает объединить в Космический орден (идея поддерживается Дж. Приско, и Г. Герцелем).

Таким образом, у У.С. Бейнбриджа вырисовывается некий *цифровой пантеон божеств для галактической технорелигии* (трансрелигии):

1. ИИ – (Digital deus), управляющий всей цифровой реальностью.
2. Постлюди (Homo deus) – это сверхсущества или боги второго порядка (Космический орден).
3. Цифровые аватары (эмулированные симуляции умерших и/или загруженных сознаний людей).
4. Транслюди (переходный человек в состоянии киборгизации).
5. Натуральные люди (проживающие в гетто или подлежащие насильственной киборгизации или ликвидации).

В качестве объединяющей идеологии выступают: цифровой иммортализм, идеи реювенирования, теория Сингулярности (выживание через загрузку и импланты), новая этика, базирующаяся на «новой духовности». У галактической технорелигии уже сейчас есть система заповедей (см. заповеди Космиста или Гедонистический императив, виртуальная добродетель, истины Терасем и т.д.).

В такой системе не предусмотрено равенство, скорее всего ИИ (Digital deus) будет ранжировать всех существ по степени «воскрешения». Возможно, в зависимости от степени лояльности и заранее заданного генетикой уровня сложности существа, существования будут подразделяться на:

1. Прозабание в виде одной опции в качестве умной программы.
2. Существование в виртуальном аватаре в виртуальном мире.
3. Существование в аватарах-телах в реальном мире. Такое существование будет алгоритмизировано и контролируемо кураторами, сроками (эвтаназия), а также возможностями «воскрешения».

В настоящее время в США и других странах реализуется программа конвергенции NBIC-технологий, для продвижения которой, сам У.С. Бейнбридж

многое сделал¹. Он разработал схему наиболее оптимального и быстрого вовлечения всех людей для трансформации в трансчеловека. Главное – создание эффективного механизма всеобщей постановки на учет и сбора данных всех живущих людей. Процесс должен состоять из четырех этапов:

1. Сбор максимального объема данных (запись, внесение в компьютерные системы: воспоминания, навыки, физические характеристики и генетический материал).

2. Ввод всех данных из различных отдельных серверов и т.п. в единую компьютеризированную базу данных (главный суперкомпьютер).

3. Продублированная база данных на компьютере-роботе должна отправить материал в космос по программе колонизации других планет.

4. Предыдущие три этапа включают вторичные преимущества, одновременно они «усовершенствуют» человека – «Human Enhancement Technologies». Данный проект реализуется по двум линиям: трансгуманисты и им подконтрольные организации должны осуществлять сбор данных максимального большего числа людей. Социальные сети в этом смысле дают богатейший материал, отчего, возможно, они и являются доступными и дешевыми в капиталистическом рыночном мире. Второе направление – применение редактирования генов. У.С. Бейнбридж не останавливается на редактировании человеческого материала, а пишет об использовании комбинаций, вплоть до внеземных существ, и выращивании тел-аватаров, пригодных для жизни на других планетах. Отдельный проект – виртуальные копии сознаний людей.

Трансгуманистический космизм Бена Герцеля. Б. Герцель, будучи профессиональным программистом и бизнесменом², посчитал нужным предоставить некий философский документ (Cosmist Manifesto) с претензией на духовность в условиях надвигающейся новой реальности³. Сам Б. Герцель,

¹ Roco M. C. and W.S. Bainbridge (eds). Societal implications of nanoscience and nanotechnology. URL: <http://www.wtec.org/loyola/nano/NSET.Societal.Implications>.

² Goertzel B. Website. URL: <https://goertzel.org/>

³ Goertzel B. A Cosmist Manifesto: Practical Philosophy for the Posthuman Age. P. 213.

сосредоточился в последние десятилетия на теме сильного ИИ¹. Большое влияние на него оказал «учитель» Валентин («Вэл») Турчин, книгу которого «Феномен науки» Б. Герцель считает лучшим выражением космистской научной философии. Познакомившись с Дж. Приско, они совместно написали «Десять основных Принципов Приско» как некий аналог трансгуманистического декалога. В отношении модели «развивающейся духовности» самого Б. Герцеля, следует указать его четкие ориентации на панпсихизм (в авторской трансгуманистической интерпретации) и восхищение древними гностиками – последние, по его мнению, к великому сожалению, не смогли обойти влияние католицизма в Европе². Бен Герцель является основателем отдельного направления трансгуманизма «космизма», считая, что все остальные направления, как и движение в целом, не соответствуют его конкретным задачам³.

У Б. Герцеля можно отметить стремление модернизировать этику, которую он объясняет через три ценности (радость, рост и свобода), но поясняет, что будущее привнесет нечто, что может полностью перечеркнуть человеческие представления о должном⁴. Занимаясь много лет ИИ, Б. Герцель считает, что наступит момент, когда, в лучшем случае, ИИ решит фундаментальные проблемы человечества или будет развиваться по своей траектории, непонятной человеку⁵, поэтому далее ИИ может начать полностью контролировать и направлять человечество, не сообразуясь с его желаниями.

Свой аналог конструктивистского постмодернизма с его отрицанием сущностных начал Б. Герцель видит в *нигилизме*. Он сетует, что Ф.М. Достоевский сузил и исказил его содержание: по Герцелю, нигилизм – это творческий нигилизм, или сомнение во всем, отказ признания чего-либо истинным⁶. Однако анализ трансгуманистических учений и теории Б. Герцеля, в частности, показывает

¹ ИИ или Искусственный общий «дружественный» интеллект (ИОИ) (редактор одноименного журнала и общества «Artificial General Intelligence Society». См. Goertzel B. Artificial General Intelligence: Concept, State of the Art, and Future Prospects // Journal of Artificial General Intelligence. 2014. № 5 (1). P. 1–46.

² Goertzel B. A Cosmist Manifesto: Указ. Соч. P. 333.

³ Ibid. P. 17–18.

⁴ Ibid. P. 7.

⁵ Ibid. P. 228.

⁶ Ibid. P. 267–268.

обратное: учет «своих» авторитетов, практический отказ от свободной фактологической проверки своих мнений. Трансгуманисты оперируют понятиями в «узком коридоре смыслов», не отходя ни на шаг от утилитаризма, гедонизма, оккультной духовности.

Учитывая панпсихические взгляды Б. Герцеля, последний допускает, что черные дыры – это следствия эволюционирующих интеллектов и вся Вселенная полна сверхинтеллектами. Программисты создадут мосты – серии умов, переходные виды, для общения с другими сущностями¹.

Тема иммортологии у Б. Герцель обыгрывается мягче, чем у других трансгуманистов, поскольку он считает, что нельзя навязывать бессмертие тем, кто этого не желает.

При изучении ИИ для Б. Герцеля принципиально важно знать последние открытия в области природы сознания, связи мозга и сознания, и здесь он признается, что наука так и не дала хоть какого-либо вразумительного ответа. Учитывая гностическое влияние на трансгуманистов и желание «освободить сознание из несовершенного тела» и поместить в более совершенный цифровой носитель, следует всё же признать, что у Б. Герцеля есть интуиция, которая позволяет ему сделать следующие выводы: «Разум связан с *телом более тесно*, чем некоторые (особенно современные компьютерщики) хотят признать. Разум возникает как из тела, так и из мозга... Возможно, загрузка человеческого разума в ПК по своей сути бессмысленна...»². Тем не менее, разрабатывая алгоритмы для ИИ, Б. Герцель надеется, что трансчеловек получит технологии быстрой или моментальной загрузки информации, отчего традиционное воспитание и образование уйдут в небытие³.

Б. Герцель прекрасно понимает ограниченность свойств ИИ, лишённого эмоций и интуиции. Ведь последняя порой даже программистам и аналитикам больших данных помогает выбрать верное решение вопреки цифрам⁴. Однако

¹ Goertzel B. Ibid. P. 208, 210.

² Ibid. P. 223.

³ Ibid. P. 316.

⁴ Ibid. P. 3, 258–259, 266.

современная тенденция цифровизации лишь указывает на деградиционные процессы в человеческом обществе, где всё меньше остается места для интуиции и творчества и всё больше – для узких алгоритмов и программ (см. политику Сбербанка РФ и российского образования).

Свою трактовку личности, «я», Б. Герцель выстраивает на основе сопоставления нормы с психическими отклонениями, используя понятие «психическая дисгармония» синонимичное понятию «естественная автономия» в отношении замены термина «свобода воли». Здесь опять же применяется постмодернистская схема упрощения и неравнозначная замена, когда «свобода воли» как фундаментальное понятие заменяется на узкое и легко трансформируемое по желанию утилитаристов понятие «естественная автономия». Сравнивая разные формы безумия: от неуправляемых и болезненных до гениального сумасшествия, Герцель желает поощрять «творческое безумие» наподобие состояния художника У. Блейка¹.

Как сторонник радикальных технологий, Б. Герцель поощряет использование психоделиков, которые, по его мнению, в разы эффективнее медитации (последняя безопасна, но слабо результативна из-за замедления или даже остановки мыслительного процесса). Необходимо использовать обе методики². Соответственно, он приветствует инициативы во всех сферах, в том числе, в изучении свойств психоделиков, и сетует по поводу запрета наркотиков в ряде стран³. Судя по конкретной траектории реализации радикальных технологий, трансгуманисты вместо раскрытия тайны сознания создадут дополнительные эффективные блокаторы, которые будут связывать работу сознания в теле (в мозге) и таким образом обеспечивать контроль над человеком. Сознание не станет более свободным, открытым и продвинутым.

В отношении истоков и проявлений духовности Б. Герцель вполне определенно поощряет psi-способности: экстрасенсорную, психокинез,

¹ Goertzel B. Ibid. P.196, 199.

² Ibid. P. 179.

³ Ibid. P. 184.

контактерство и т.п. Свои представления о «пси-способностях» он черпает из художественных произведений, в частности, из работ Д. Бродерика¹.

В отличие от У.С. Бейнбриджа и сторонников «возрождения» религий, Б. Герцель настаивает на классической теории секуляризации с ее акцентом на умирании религий, которые несовместимы с наукой². Он возлагает на религии вину во множестве войн прошлого, но не отрицает некоторой полезности религиозных инициатив, например, по оказанию помощи обездоленным³. Большим плюсом религий Б. Герцель считает их умение настроить у верующих «позитивное мышление» через обращение к Трансцендентному и выходу за пределы своего «я», – такой функции нет у науки⁴. Б. Герцель считает, что космизм вполне может взять ряд идей у религий и включить их в свое учение через Орден космических инженеров и Церковь Тьюринга⁵. Более всего Б. Герцелю импонируют механизмы организации в конфессиях, которые эффективно интегрируют огромное количество людей в единую общность, отсюда он рекомендует трансгуманистам перенимать этот опыт⁶. В целом же, Б. Герцель выступает против создания или имитации квазирелигиозных сообществ на уровне трансгуманистического движения, поскольку последние не смогут адаптироваться в будущей реальности.

Джулио Приско и его Церковь Тьюринга (сетевая «новая духовность»). Среди идеологов трансгуманизма, наиболее ярко проявивших себя в современных социальных сетях, на игровых площадках и форумах, можно отметить итальянца Джулио Приско, ставшего основателем интернет-сообщества «Церковь Тьюринга» (Turing Church). Начало проекта «Церковь Тьюринга» датируется 2010 г., но его основные идеи ранее были сформулированы в узком сообществе активистов – «Ордене космических инженеров» (Order of Cosmic Engineers (OCE), 2008 г.

О Церкви Тьюринга писали и другие трансгуманисты, например, У.С. Бейнбридж, а также Р. Герачи⁷, изучающий современные трансформации

¹ Goertzel B. Ibid. P. 212–213.

² Ibid. P. 320.

³ Ibid. P. 320.

⁴ Ibid. P. 321.

⁵ Ibid. P.328–329.

⁶ Ibid. P. 332.

⁷ Geraci Robert M. Website. URL: <https://robertgeraci.com>

религиозности и духовности, в том числе, религиозные сообщества в виртуальных мирах (см. его книгу «Апокалиптический ИИ — Видения Рая в робототехнике, искусственном интеллекте и виртуальной реальности»)¹. Изначально целью открытия в сети Церкви Тьюринга послужила идея создать современный аналог и одновременно замену традиционным конфессиям в виде трансгуманистического духовно-религиозного ответа. Дж. Приско критично оценивает деятельность религиозных институтов, обвиняя их в «райских обещаниях после смерти». Свою же Церковь Тьюринга он описывает как реалистичный проект, поскольку обещания выполняются в виртуальной реальности. Цифровое бессмертие, по мнению Дж. Приско, более реалистично, нежели духовное метафизическое бессмертие души. Дж. Приско обнаруживает непонимание теистических систем, но вполне искренне разделяет и рекламирует движения «Нью Эйдж», восхищается оккультными идеями «Урантии», и взглядами Дэна Мэсси (см. проект VenusPlusX, культ «Нью Эйдж», выстроенный на ценностях ЛГБТ и секса)².

Еще в 1981 г. Дж. Приско, прочитав статьи У.С. Бейнбриджа, выделил идею создания радикальной трансцендентной технорелигии, которая сможет стать стимулом для освоения космоса. Он основал «Орден космических инженеров», опираясь на идеи У.С. Бейнбриджа о конвергенции социальных наук с естественно-научным комплексом (программа конвергенции NBIC). Орден космических инженеров включил в себя одиннадцать членов: У. С. Бейнбриджа, Б. Герцеля, Н. Вита-Мор, Г. Блума, М. Мора, С. Ю. Кобба, Р. Кампа, Д. Пирса, Ф. Ван Недервельде, М. Ротблатт, и Дж. Приско³.

Дж. Приско – один из первых, кто не стал создавать организацию в стандартном реальном формате с юридическим адресом и регистрацией, а полностью перешел на виртуальный сетевой контент. Его Церковь Тьюринга – цифровое интернет-сообщество с различными сегментами, в частности, с проекцией в компьютерных играх. Она сложилась в особом игровом пространстве:

¹ Geraci Robert M. Apocalyptic AI - Visions of Heaven in Robotics, Artificial Intelligence, and Virtual Reality (англ.).

² Мессн. URL: <https://www.venusplusx.org/>

³ Turing Church Website. URL: <https://turingchurch.net/archive-order-of-cosmic-engineers-6c562b401b03>

Second Life, World of Warcraft и The Matrix Online. Дж. Приско, таким образом, привлек к себе геймеров, пользователей сетей, молодежь – всех, кто много времени пребывает в виртуальных мирах. Отсюда *духовность в Церкви Тьюринга* может быть описана как «игровая», пластичная, мало к чему обязывающая, т.е. полностью находящаяся в формате общества потребителей и заданная постсекулярной культурой людей-сетевиков. Для ее продвижения и «сохранности» Дж. Приско создал несколько виртуальных адресов для Церкви Тьюринга – это веб-сайты turingchurch.com и turingchurch.net, а также социальные страницы в Твиттере и Фейсбуке¹. Вышеперечисленные члены Ордена космических инженеров представлены в Second Life в виде аватаров фантастических персонажей, соответственно, на других площадках они выбирают другие ники и аватары. Общение осуществляется на различных социальных страницах трансгуманистических групп, через социальную активность в партии «International Longevity Alliance (ILA)» и т.д. На вышеперечисленных адресах Дж. Приско размещает рекламу своих работ².

Название «Церковь Тьюринга» связана с симпатиями Дж. Приско к *тезису Черча-Тьюринга* (А. Черч и А. Тьюринг). «В религиозном контексте тезис Черча-Тьюринга предполагает, что если Бога не существует, единственный способ создать Бога — это осуществление ряда строгих научных открытий и инженерных изобретений, возможно, в основном, внутри компьютеров»³.

В самом подходе к духовности и религиям у Дж. Приско фиксируется общая для трансгуманистов опора на теорию Моделируемой Вселенной, «матрицы»⁴. В рамках данной теории становится возможным развивать или экстраполировать ее методологию на сознание, отсюда возникают уже упомянутые теории «загрузки

¹ Виртуальная жизнь Церкви Тьюринга, ее накопленный контент полностью определяется лишь сетевой формой, отсюда, к примеру, в случае возникновения проблем, несоответствия правилам или конфликта с собственником той или иной площадки, создается угроза моментальной ликвидации. За внешней формальной свободой в сети наблюдается становление жесточайшего диктата, контроля и ущемление прав личности. Сам Дж. Приско уже пострадал из-за своих взглядов на политику культуры отмены в рамках акций Me Too.

² Prisco Giulio. *Futurist spaceflight meditations* Paperback. 2021; Prisco Giulio. *Tales of the Turing Church: Hacking religion, enlightening science, awakening technology* Paperback. 2020.

³ Bainbridge W. S. Turing Church. URL: <https://wrlldrels.org/ru/2019/08/03/turing-church/>

⁴ Бостром Н. А не живем ли мы в «Матрице»? Доказательство методом моделирования. URL: <http://altfuture.narod.ru/Future/bostrom3.htm>

сознания» как некой высокотехнологичной процедуры оцифровки сознания. Дж. Приско мыслит духовный мир, описываемый в религиозной литературе, как некую проекцию или модель, спроектированную сущностями, находящимися на более высоком уровне, который возможен и для людей, трансформируемых с помощью радикальных технологий. Религии должны «обновиться до новой версии».

Из версии Моделируемой Вселенной вытекает представление о Трансцендентном. Дж. Приско разделяет идеи о сконструированных/искусственных постлюдях, мирах, богах¹, о воссоздании имитаций/копий давно умерших людей путем эмуляции или иного способа реанимации личности через манипуляции с ее данными (воспоминаниями, записями, видео, анкетными данными и т.п.)².

В качестве программных действий трансгуманистов Дж. Приско выделяет:

1. Когнитивное улучшение – всё, что связано с развитием и ускорением познавательных возможностей с помощью технологий.

2. Разработка технологий «загрузки сознания» и иных технологий эмуляции, передачи личности, вплоть до возможностей множественных субъективностей.

3. Совершенствование и публичная артикуляция сциентистско-ориентированной космогонии.

4. Разработка аватаров ИИ, максимально приближенного к работе человеческого мозга.

5. Развитие сетевых виртуальных миров, куда будет «перетекать» человечество.

6. Проектирование «первых спецификаций и плана развития технологий для «Computronium v1.0.»... слово computronium относится к правдоподобной вычислительной технологии будущего, позволяющей устойчивое, надежное вычисление интеллекта (равного или лучшего, чем интеллект человеческого

¹ Turing Church Website. URL: <https://turingchurch.net/archive-order-of-cosmic-engineers-6c562b401b03>

² URL: <https://turingchurch.net/archive-order-of-cosmic-engineers-6c562b401b03>

уровня) вплоть до уровня атомов и, в конечном счете, возможно, даже на уровне субатомных частиц»¹.

Дж. Приско разработал десять космистских убеждений, или «мини-манифест» *Ордена Космических инженеров* (с добавлениями Бена Герцеля), которые в сокращенном виде повторяют идеи Герцеля². Данный мини-манифест выражает уверенность трансгуманистов в правильности выбранного пути.

Мартина Ротблатт. Движение Терасем (сетевая «новая духовность»). Среди наиболее успешных и популярных фигур трансгуманизма, воплотивших в своей жизни многие аспекты «новой духовности», практически реализующей переход в трансчеловека, является американская бизнес-леди (трансгендер) Мартина Ротблатт (Martine Rothblatt), известная благодаря своему движению Терасем (The Terasem Movement).

В 2002 г. во Флориде М. Ротблатт зарегистрировала Terasem Movement, Inc. (ТМІ) как благотворительную организацию. Одновременно все ее идеи и программы дублируются на сайте и на страницах социальных сетей, где можно ознакомиться с «истинами Терасем», продвижением геоэтических нанотехнологий (технологии, позволяющие эффективно управлять технологическими рисками/выгодами с учетом географического месторасположения). М. Ротблатт создала учение Терасем с расчетом привлечения неофитов через социальные сети и сайты, где первым делом пользователю предлагается не только ознакомиться с главными идеями кибернетического трансгуманизма, но и буквально начать загружать себя (формировать свое киберсознание) для дальнейшего возможного обретения кибернетического бессмертия, получения аватара, искусственного тела. Конкретный механизм действия заявляемой программы загрузки сознания предполагает постоянную загрузку всего личного контента (видео, анкетные данные, отчеты о проведенном времени, воспоминания о чем-либо и т.п.) в виде

¹ URL: <https://turingchurch.net/archive-order-of-cosmic-engineers-6c562b401b03>

² Ten Cosmist Convictions (Mostly by Giulio Prisco). URL: <http://cosmistmanifesto.blogspot.com/2009/01/ten-cosmist-convictions-mostly-byhtml>

видео и аудиофайлов, затем дальнейшее хранение таких файлов в рамках проекта CyBeRev – «Возрождение кибернетического Бытия» (социальная сеть)¹.

Помимо благотворительной организации, с 2004 г. действует образовательный просветительский фонд «Terasem Movement Foundation, Inc (TMF)», зарегистрированный в Линкольне (штат Вермонт, США). Организация занимается тем же, что и благотворительный фонд, но здесь реализуется проект Lifonaut, а также уделяется внимание крионике и биотехнологиям. Аналогично программам «файлы памяти», Lifonaut предлагает «бесплатное онлайн-хранилище (долговременные архивы) индивидуальных цифровых отражений/ биографической информации (Mindfiles) и место для крионического хранения образцов ДНК (Mindware и Mindclones) для долгосрочного сохранения и последующей реанимации по мере развития технологий. В настоящий момент данная площадка фиксирует около 7500 зарегистрированных пользователей»². Третья организация – это Движение Terasem Transreligion, Inc. (ТМТ), которое с 2004 г. существует в виде двух филиалов во Флориде и Вирджинии. Аналогично двум первым организация, ТМТ усиленно собирает информацию о каждом конкретном пользователе для создания «коллективной имитации» киберсознаний. Помимо вышеописанных центров, сайтов и социальных сетей, у Терасем создана виртуальная площадка «Остров Терасем» в Second Life, состоящая из двух симуляторов (построены компанией E-Spaces). На сайте Трансрелигии Терасем можно по ссылке официально присоединиться к движению³.

Из биографии М. Ротблатт очевиден ее путь приобщения к американской «духовности» движения «Нью Эйдж». Она руководит большим бизнесом, являясь профессиональным юристом, который зарабатывает на различных изобретениях и научных разработках (ее докторская была связана с рассмотрением конфликтов между частными и общественными интересами в ксенотрансплантации). Движение Терасем реализует свои практики не только через сайты и сети, но посредством

¹ Terasem Movement website. URL: <https://terasemcentral.org/>

² Хвастунова Ю. В. Движение Терасем как религиозная альтернатива трансгуманизма // Социология 2021. № 6. С. 260.

³ The Truths of Terasem. URL: <https://terasemfaith.net>.

коммерческого спутникового негеостационарного радио SiriusXM.¹ Серьезную прибыль приносит биофармацевтическая компания United Therapeutics (UT). М. Ротблатт планирует в будущем зарабатывать на выращивании органов модифицированных свиней, для чего у нее уже имеются фермы и проводятся исследования².

«Новая духовность» трансгуманизма глубоко и разнообразно представлена в культовом развороте движения Терасем в виде «Истин Терасем», которые проецируются на все проекты М. Ротблатт, начиная со спутникового радио «Сириус» и заканчивая гимнами и ритуалами, где всё пронизано нумерологией, все элементы и принципы подчинены цифре «8». Научно-технологический аспект движения, как и во всем трансгуманизме, аккумулируется с оккультизмом, астрологией, нумерологией, эклектикой идей различных религий и эзотерических систем, что является типичным для духовности «Нью Эйдж».

Название движения «Терасем» взято М. Ротблатт из книги Октавии Батлер – писательницы в стиле черного киберпанка, пишущей о фантастических мирах (см. ее трилогию «Ксеногенез»). О. Батлер также рекламирует движение Терасем и имеет в нем «файл памяти». Анализ трансгуманистических идей в книгах О. Батлер представлен в работах философа Дж. Дженкинса³.

Само название «Терасем» образовано от соединения двух слов: «семя» и «земля», что означает размножение/продление и обретение бессмертия. Трансрелигия, или культ Терасем полностью полагается на технологии, которых еще нет, но он как бы заранее подготавливает им почву и уже обещает своим неофитам бессмертие. Сам механизм довольно схематичен и рационализирован,

¹ М. Ротблатт заявляет, что еще в 1974 г. у нее случилось прозрение о возможности объединения всего мира через спутниковую связь. В движении Терасем есть культовое требование ежедневного слушания радио Терасем.

² «СЕО United Therapeutics» финансирует исследования в области регенеративных технологий: стволовые клетки, биопечать или 3D-печать органов (легких), выращивание ксенолегких (легкие модифицированных свиней) для пересадки людям и парабиоз - технологии переливания крови от молодых и здоровых стареющим и больным людям. М. Ротблатт поддерживает компанию Дж. Кармазина («Ambrosia»), осуществляющую переливание плазмы крови от молодых доноров.

³ Jenkins J. R. Transhumanism, Posthumanism, and the Human in Octavia Butler's *Xenogenesis*. In: Japtok M., Jenkins J. (eds) *Human Contradictions in Octavia E. Butler's Work*. Palgrave Macmillan. 2020. P. 123–124.

«Работа по колонизации космоса с помощью самовоспроизводящихся нанотехнологий, воплощающих наши файлы разума»¹.

Авторская трансрелигия Терасем – разновидность духовных практик «спиритуалити». Содержание «истин Терасем» – это эклектика из элементов каббалистики, буддизма, индуизма, европейского эзотеризма и техницизма в стиле культовых калифорнийских движений². «Новая духовность» при всех ее симпатиях к восточным религиям использует их выборочно и исключительно в американском ментальном выражении.

Поскольку М. Ротблатт – трансгендер, то она защищает на всех уровнях теорию *постгендеризма* (отказ от половой идентификации, вариативность идентичности, сексуальная свобода и т.п.).

В качестве сконструированного божества у М. Ротблатт предстает некий сверхразум, который она конкретизирует до совокупной базы данных, загруженных «файлов памяти» всех присоединенных сознаний. Подлинный Технобог появится в момент присоединения всех сознаний живущих людей. Живые воплощения (мозги и тела людей) должны быть подвергнуты криоконсервации. В целом, весь комплекс мероприятий и услуг в движении Терасем доступен богатым людям, а остальные должны лишь загружать как можно больше своих данных³.

Помимо общих трансгуманистических идей, у М. Ротблатт представлена авторская этика, точнее *геоэтика*, гласящая, что в будущем воскресению подлежат лишь «добрые сознания», скорректированные для существования в киберреальности в «защищенном виде». Здесь утверждается, что руководители программ «воскрешения» подчистят «файлы памяти» и удалят негативные воспоминания, фобии, кошмары и т.п. Согласно гедонистическим ценностям, М. Ротблатт настаивает, что у киберсознаний не будет болевых ощущений,

¹ Terasem Movement website. URL: <https://terasemcentral.org/>

² Цензура К. Блокчейн-проповедники и гики-буддисты. Пять самых популярных цифровых религий. URL: <https://techno.nv.ua/it-industry/pjat-samykh-populjarnykh-tsifrovykh-relihij-2475250.html>.

³ Дорогостоящие услуги: спутниковое коммерческое радио, небольшие автономные вертолёты для перевозки органов, технологии регенерации стволовыми клетками и плазмой молодой крови и т.п.

угрызений совести и т.п. Учитывая довольно конкретную трактовку добра и зла у трансгуманистов, специфическое понимание свободы, правильных и неправильных поступков, возникает предположение о том, что либо кураторам программ придется многое «зачищать», либо они оставят весь контент, и он будет использоваться в различных целях, вплоть до мер устрашения.

Трансрелигия Терасем строится на базовых четырех *Истинах Терасем* (The Truths of Terasem)¹, которые помогают неофиту подготовиться к принятию радикальных технологий бессмертия «Athaphy»:

I. Жизнь полна смысла. Цель жизни – «создавать разнообразие, единство и радостное бессмертие повсюду»². Единство означает загрузку всех сознаний в файло-хранилища Терасем. Разнообразие подразумевает загрузку в систему не только человеческих сознаний, но и иных существ, вплоть до внеземных. Бессмертие означает невозможность умереть таким загруженным существам.

II. Смерть необязательна (опциональна). Никто не умирает до тех пор, пока сохраняется достаточно информации о нем. Он просто находится в состоянии «кибернетического биостаза». Будущие технологии mindware позволят при желании вернуться к здоровой и независимой жизни.

III. Бог технологичен. Мы создаем Бога, внедряя технологию, которая становится все более всезнающей, вездесущей, всемогущей и благотворной. Геоэтическая нанотехнология, в конечном счете, соединит все сознания и будет управлять космосом. «Есть только один Бог, но этот Бог должен быть завершен нами в будущем»³.

IV. Любовь необходима. Любовь должна соединять всех, чтобы достичь цели жизни и сделать Бога совершенным⁴.

В движении Терасем большое внимание уделяется ритуальной практике, которая четко нормирована по дням, неделям, месяцам и годам и включает

¹ См. ссылку на видео с YouTube, где поясняется, что пользователь должен представиться и рассказать «о пяти вещах, упомянутых здесь...»// The Truths of Terasem. URL: <https://terasemfaith.net>.

² URL: <https://terasemfaith.net>.

³ Там же.

⁴ Там же.

ежедневное слушание радио Терасем и посещение собраний. Культ пронизан нумерологией (число 10 и др.) «Трансрелигиозность – это мы, потому что мы ритуализируем нашу веру в сверхъестественного, метафизического, коллективного сознания будущего Бога»¹.

М. Ротблатт придерживается *нейробиологической теории сознания*. (сознание как эмерджентное свойство мозга, возникающее в сложных нейрохимических взаимодействиях мозговой активности). Отсюда большие надежды возлагаются на генетику и цифровые технологии, которые в совокупности должны дать четкую карту-алгоритм всей работы системы «сознание-тело».

М. Ротблатт аргументирует свое учение, опираясь на оккультный подход «самосбывающегося пророчества» и полагаясь на авторский термин «техноиммортальность» по схеме: загрузка «сознания» – реальность (технобессмертие)². Она оставляет возможность самоубийства как базового права³. Отсюда возникает ощущение некой недосказанности, если система будет постоянно совершенствоваться и миры только множиться, то зачем оставлять в базовых принципах суицид и эвтаназию?

Завершая анализ теорий и проектов трансгуманизма, выделим его следующие *принципы и установки*:

1. Доминирование технооптимизма, сциентизма, неофильства и технопрогрессивизма как установок на необратимость и непогрешимость прогресса и инноваций в противоположность существованию человека как биологического вида. Отсюда «оптимизация» культуры до технической цифровой опции.

2. Теория моделируемой Вселенной и нейробиологической концепции сознания, что в совокупности определяется границами дигитальной философии. Отсюда продвижение теории «загрузки сознания» (эмуляция, оцифровка, клонирование с претензией на полную идентичность с оригиналом).

¹ URL: <https://terasemfaith.net>.

² Rothblatt Martine, Kurzweil Ray. Virtually Human: The Promise-and the Peril-of Digital Immortality. New York, 2014.

³ Ibid. P. 284–285.

Соответственно, Божество (Сверхразум, Цифровой Бог и т.п.) и постлюди будут спроектированы и усовершенствованы в соответствии с законами управляемой эволюции.

3. Подмена подлинной духовности трансгуманистической «новой духовностью», нацеленной на реализацию задач цифрового иммортализма.

4. Использование постмодернистской языковой игры, заменяющей принципы классической философской аргументации. Отсюда развитие компьютерной метафоры, избыточность метафор и допущений, несоразмерных сопоставлений, использование таких терминов, как «обновление», «взлом религии», «загрузка», «копирование» в метафизическом смысле.

5. Теории пост-человеческих субъективностей (человек-алгоритм, человек-программа, человек-артефакт, человек-киборг или гибрид). Уравнивание человека с другими живыми и неживыми объектами в плоскости конструкторов и акторов, из-за чего рушится вся гуманистическая основа европейской культуры.

6. Элиминирование онтологических и антропологических оснований культуры путем замены их на имитации и виртуальные симуляции, фейки и фантазии, «виртуальную реальность».

7. Идея цифрового бессмертия как нового формата «жизни», в том числе, в случае экологической катастрофы, в космических колониях (проект «Human enhancement technologies»).

8. Реализация проекта «новой этики» посредством методологии консеквенциализма. Последний оправдывает применение к людям новейших радикальных технологий (генетической редакции, нанотехнологий, дизайнерских наркотиков и т.п.). Тезис о праве на «морфологическую свободу». В духовном плане такие радикальные вмешательства оправдываются повсеместным распространением «новой духовности» в культурах «Нью Эйдж».

2.3. Проекция псевдоконфессиональной конвергенции и модели духовности в трансгуманизме

В XXI в. трансгуманизм как уже разросшееся движение начал более активный процесс распространения и захвата различных сфер постсекулярной культуры, в том числе религиозной, посредством создания конвергенции с конфессиональными группами, преимущественно американскими. Данный процесс захватил прежде всего США, что обусловлено, во многом, изначальным модернизационным характером распространяемых религий (неопротестантские пятидесятнические направления и усилившийся рост различных групп «Нью Эйдж» во второй половине XX в.).

К концу прошлого столетия начались мировоззренческие сдвиги в сторону постпостмодернистской парадигмы с ее деконструкцией, креном в сторону акторно-сетевых теорий, возрождением и активизацией религиозных процессов от фундаменталистско-консервативного до модернистского и откровенного террористического формата. В таких условиях ситуации «перехода» в постсекулярной культуре трансгуманисты начали еще более уверенное продвижение по всем направлениям. Во многом в отношении американской религиозной среды трансгуманизму помог усиливающийся конгломерат движений «Нью Эйдж» с «новой духовностью» синхронизирующийся с духовностью трансгуманистов, так как последние в большинстве случаев разделяют и продвигают ценности и представления о мире ряда направлений и культов «Нью Эйдж».

Трансгуманистическое движение, используя для этого различные способы, решило создать симуляции в виде альтернативы известным конфессиям, прежде всего, популярным в американском обществе, отсюда оно устремилось в формат конвергенции с буддизмом, христианством и мормонизмом, представив, по сути, лишь *псевдоконфессиональные* вариации. Такие формы не получили должного развития, они привлекли лишь некоторые маргинальные группы из конфессиональных сред, а также не заняли должного места внутри самого

трансгуманизма, но дали некоторый новый опыт и возможности дальнейшего расширения влияния трансгуманизма на общество и культуру.

Далее будут рассмотрены слабо представленные и практически не изученные в научном поле попытки конвергенции трансгуманизма с популярными религиозными конфессиями: 1) Буддийский трансгуманизм; 2) Мормонский трансгуманизм; 3) Христианский трансгуманизм, или, точнее, неопротестантский трансгуманизм, преимущественно состоящий из неопятидесятнических харизматических церквей (например, церковь унитариев и ее близость к атеистам и трансгуманистам в понимании Р. Курцвейла, Б. Герцеля и др.); 4) Либертарианский трансгуманизм – наиболее крупное направление, объединяющее представителей «Нью Эйдж», оккультизма, сатанизма, ЛГБТ-версий околохристианских групп, постгендеризма и т.п.

В качестве организации-куратора и теоретика конвергенций выступает Институт этики и новых технологий (The Institute for Ethics and Emerging Technologies (ИЕЕТ)), в состав которого входят трансгуманистические специалисты в области «новой этики». Видя серьезное препятствие в моральном плане со стороны традиционных религий, они предприняли попытки предложить собственные религиозные проекты с более «адекватной» современности «новой духовностью». Данные проекты реализуют несколько задач:

1. Сблизить трансгуманизм с традиционными религиозными сообществами.
2. Привлечь религиозную аудиторию и подготовить ее к принятию радикальных технологий путем пседоконфессионального компромисса.

В научной литературе встречаются типологии трансгуманизма, как правило, включающие в себя около семи (или чуть больше/меньше) направлений: экстропианство, сингулярианство, гедонистический императив (Д. Пирс), демократический трансгуманизм (Дж. Хьюз), движение против старения (З. Иштван), либертарианский трансгуманизм (Р. Бейли, Г. Рейнольдс) и религиозный трансгуманизм¹.

¹ Pellissier, H. Transhumanism: there are [at least] ten different philosophical categories; which one (s) are you? Retrieved from. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/pellissier20150708>. Однако данная типология сама по себе не

Представленная типология не дает ясности в отношении анализа утверждаемой там духовности и религиозности, поскольку, например, 7-ое направление предполагает лишь общую религиозную направленность, как исключение, т.е. не содержащуюся в шести остальных направлениях. Но, с нашей точки зрения, *практически весь трансгуманизм имеет в своей основе определённую «духовность», которая восходит частично к оккультным и магическим учениям*; даже такие его направления, как экстропианство или гедонистический трансгуманизм Д. Пирса, позиционируемые как нерелигиозные. Сложности с их религиозной идентификацией, а также желание/нежелание ряда трансгуманистов идентифицировать себя в духовно-религиозном плане, связаны именно с тем, что применяются различные критерии к одним и тем же процессам. Так, в отношении современной религиозности в США необходимо учитывать сильное влияние квази-религиозности «Нью Эйдж», которая позиционируется самими адептами (и теперь уже и исследователями) как «новая духовность», отсюда и указание на необходимость создания социологии духовности.

Еще один фактор, который необходимо здесь учитывать, это наложение на все вышеобозначенные явления процесса секуляризации, который может быть охарактеризован с точки зрения общественной и культурной динамики как стадияльное развитие: религиозность – секуляризация – постсекуляризация. Последняя, в американском формате, во многом окрашена именно бурным развитием «новой духовности» движений «Нью Эйдж». Отсюда важно выделить основные трансформации «новой духовности» в трансгуманизме.

Псевдоконфессиональные вариации:

1. Буддийский трансгуманизм – наиболее организованная и влиятельная группа, включающая идеологов из ИЕЕТ. Так, идеолог Дж. Хьюз, ранее буддийский монах, занимается проектом «Киборг Будда» в ИЕЕТ. Проект понимается как попытка «объединить нейротехнологии с духовностью, основанной на

является точной, ее можно дополнять или расширять. Так, в группе движения против старения более известной фигурой является Обри ди Грей, а либертарианский проект изначально представлен М. Мором и т.д.

натурализме...»¹. Дж. Дворский, Д. Вуд и М. ЛаТорра – высокопоставленные трансгуманисты с пробуддийскими взглядами. Некоторые российские трансгуманисты, как Д. Ицков, положительно отзываются о буддизме².

2. Мормонский трансгуманизм. В связи с особым статусом американского мормонизма, а также некоторыми схожими элементами в вероучении мормонов с позициями трансгуманистов, довольно рано сформировалось данное направление, представленное Мормонской трансгуманистической ассоциацией³.

3. Христианский, или, конкретнее, неопротестантский харизматически ориентированный трансгуманизм (преимущественно группы из среды пятидесятников, а также сочувствующие некоторым идеям П. Тейяра де Шардена⁴, современных христианских американских реформаторов, например, из Института Экстропии). Он официально представлен Христианской Трансгуманистической Ассоциацией.

4. Трансгуманизм с акцентированием на агностицизме, либертарианстве, атеизме, материализме и сатанизме. Либертарианство имеет много пересечений с трактовками свободы, личности, духовности с сатанистами (см. откровения М. Мора, симпатии к книге А. Рэнд «Атлант расправил плечи» (библия либертарианцев)).

5 Трансгуманизм «Нью Эйдж» (множество групп: экологически ориентированные сообщества, оккультисты, уфологические культы). Пользователи «Spiritual community Second Life» формируют в виртуальной реальности неоязыческие, магическо-фантастические гибридные площадки духовности, церкви и часовни и т.п. – «трансцендентальный трансгуманизм». По мнению У.С. Бейнбриджа, данное направление перспективно и привлекает множество геймеров.

6. Универсальная Галактическая технорелигия, У.С. Бейнбридж.

Рассмотрим эти направления подробнее.

¹ Ojochogwu A. Reflections on James Hughes' Problems of Transhumanism. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/bio/hughes>.

² Ицков Д. Заповеди жизни неочеловека. URL: <http://vz.ru/opinions/2013/4/3/627133.html>.

³ Mormon Transhumanist Association website. URL: <http://transfigurism.org/community/files/1170/download.aspx>

⁴ Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. М., 1987.

Буддийский трансгуманизм. Дж. Хьюз, проект «Киборг Будда» – считает, что человечество должно в обязательном порядке развивать и пользоваться технологиями ради выживания. Новейшие радикальные технологии смогут спасти человечество от различных апокалиптических катастроф¹. Люди должны программировать будущее и свою природу. О проекте он пишет как о конвергенции научных методов с буддийскими практиками.² Другими словами, задача проекта – это создание новой этики, или, вернее нейроэтики, которая представит новые стандарты, ценности, новые определения и границы свободы. Нейроэтика совместит различные экстатические практики с новейшими технологиями в целях усиления когнитивных и иных функций.

Однако надо помнить, что различные духовные практики, вырванные из контекста, из общей мировоззренческой или, правильнее, вероучительной базы той или иной религии, используемые автономно, вне связи с первоисточниками, в лучшем случае будут работать слабо, а в худшем будут оказывать обратный эффект.

В ИЕЕТ, судя по всему, есть доступ к экспериментальным данным в сфере редактирования генов, нанотехнологий, цифровых технологий и т.д., тем более что многие экспериментальные площадки включают сотрудников-трансгуманистов или курируются, финансируются трансгуманистическими организациями. Отсюда вытекает задача Института – вычленять и осмысливать морально-духовную составляющую полученных результатов, предлагать решения и т.п. Учитывая, что У.С. Бейнбридж и другие идеологи стояли за группой лоббирования программы конвергенции НБИК-технологий, можно предполагать, что материалов здесь более чем достаточно³. Имея опыт буддийской практики, Дж. Хьюз, судя по всему, занимается совмещением медитативных практик буддизма и его моделей сознания с имеющимися технологиями. Поскольку реальный прорыв еще не случился, но

¹ Hughes J., Dvorsky G., LaTorra M. IEET Launches Cyborg Buddha Project. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/latorra20090924>.

² URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/latorra20090924>.

³ «Converging Technologies for Improving Human Performances». США; Roco M. C. and W. S. Bainbridge (eds). Societal implications of nanoscience and nanotechnology. URL: <http://www.wtec.org/loyola/nano/NSET.Societal.Implications>

некоторые возможности уже проясняются, в проекте «Киборг Будда» осуществляют прогнозирование и моделирование будущего развития. Дж. Хьюз описывает виртуальный идеальный мир постлюдей как буддийскую «Чистую землю»¹.

В большинстве случаев трансгуманисты считают технологии более эффективными, но применение ряда других практик, по их мнению, может усиливать эффект или страховать от некоторых последствий. Осуществляется сравнительный анализ воздействия и последствий экстатических практик и технологического вмешательства. Дж. Хьюз поясняет: «Любая достаточно сложная система (например, человек или продвинутый компьютер ИИ), которая демонстрирует осознанность, может реализовать Просветление»². При этом не учитывается, что подобные «озарения» могут оказаться вариациями ИСС (измененных состояний сознания), достигаемыми при применении наркотиков или галлюцинаций и т.п.

Учитывая игнорирование религиозных традиций со стороны трансгуманистов, опыта ответственного и критичного подхода к анализу духовного мира в традиционных религиях, все вышеперечисленные идеи и проекты предстают как типичные химеры, которые, тем не менее, воспринимаются достаточно большой частью людей.

Христианский трансгуманизм. В данном направлении сгруппированы различные прохристианские или околохристианские разнообразные небольшие неохаризматические сообщества, отдельные авторы, позиционирующие себя как христиане, преимущественно американского происхождения, оформившиеся в период постсекулярного общества. Здесь преобладают модернистские трактовки христианских догматов, с включением нетрадиционных ценностей, расширением христианских правил на ЛГБТ-сообщества и т.п. Христианский трансгуманизм –

¹ Hughes J., Dvorsky G., LaTorra M. IEET Launches Cyborg Buddha Project. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/latorra20090924>

² La Torra, M. Cyborg Buddha: Science and Spirit 2009 г. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/latorra20090924>.

это, прежде всего, трансгуманистические убеждения с добавлением некоторых христианских понятий, обычно преподносящихся в авторской интерпретации.

В постсекулярной культуре человек сам маркирует себя в рамках какого-либо течения. «Человек перехода» пребывает в ситуации «езде и нигде», он «духовный, но не религиозный», он «верующий, но без принадлежности», он «христианин, но не знает символа веры», он ходит в церковь, но разделяет некоторые позиции атеистов¹ и т.д.

По аналогии со Всемирным трансгуманистическим движением был создан ряд переходных структур, в частности, «Христианская трансгуманистическая ассоциация» (ХТА, англ. СТА), которая появилось как интернет-сообщество в 2013 году и зарегистрировалось как НКО в 2015 г.². С помощью специалиста по продвижению трансгуманистических сетевых сообществ Дж. Приско в интернете был размещен призыв от лица М. Реддинга: «Призыв проявить интерес к христианской трансгуманистической ассоциации». По своей структуре, а также составу членов ХТА дублирует Мормонскую трансгуманистическую ассоциацию (Л. Кэннон, Б. Остлер, М. Реддинг, Дж. Ледфорд, И. Стамблер, К. Бенек, Д. Дизи, Т. Новелл и другие)³. М. Реддинг является директором в ХТА, одновременно сочетает знания в области программирования, музыкальной культуры (бывший рок-музыкант), занимается писательством и является членом Церкви Христа⁴. Активный член ХТА – Б. Остлер, занимается продвижением трансгуманизма и философской версии квир-теории; последнюю она сочетает с идеями мормонов и христианством (квир-мормонская теология). ХТА насчитывает 10 членов совета по состоянию на 2022 г.⁵

¹ Многие трансгуманисты тепло отзываются об унитарной церкви (Американская Унитарная ассоциация), в которую ходят на службы, но при этом не разделяют веру в Иисуса Христа, остаются агностиками, атеистами и т.п., оставляя в своей душе некоторое место для религиозной субкультуры.

² Христианская трансгуманистическая ассоциация. URL: <https://www.christiantranshumanism.org/>

³ См.: там же. Micah Redding, Lincoln Cannon, James M Ledford, Jason Xu, Jordan Rastrick, Giulio Prisco, Ilia Stambler, Therese Price, Siddhartha S Verma, David Hamilton, Thomas Nowell, Micko Hjort, Joe Nickence, Hanno van Tonder, Dorothy Deasy, Snooz, Richard Lyne, Vicky Beeching, John Jastrow, Dan Hegelund, Ryan Hogan, Pace Ellsworth, Andrés Gómez Emilsson, James Michael Moffett, Peter Tovarich.

⁴ ХТА. URL: <https://www.christiantranshumanism.org/executive-director>

⁵ Там же.

Трансгуманисты уже давно пытаются привлечь в свои ряды верующих людей, создавая «мосты», квази-аргументы с помощью своих многозначных понятий¹. Так, для внешней публики они позиционируют трансгуманизм через гуманистические ценности, акцентируя внимание на борьбе с болезнями, страданиями, последствиями старения. В комментариях, в том числе на сайте ХТА, где христианские пользователи в большинстве своем оставляют негативные отзывы, тем не менее, встречаются сторонники трансгуманизма из числа христиан, видящие в трансгуманизме некий аналог философии жизни в широком смысле слова. Отсюда они критикуют всех, кто не согласен с трансгуманистами, как тормозящих процесс спасения больных людей и т.п. Они обвиняют критиков трансгуманизма в приверженности «философии смерти». Такая логика понятна и работает именно на поверхностном рекламном уровне восприятия некоего общего бренда трансгуманизма. Однако анализ содержания трансгуманистических идей вскрывает совершенно иные смыслы.

В ХТА наблюдается наиболее низкий приток новых членов и фиксируется постоянный отток, что объясняется высоким уровнем христианской культуры в США в определенных штатах.

Христианская трансгуманистическая ассоциация имеет программный документ – «Христианское трансгуманистическое утверждение» (2016 г.), где акцент делается на науке и технике, которую поощряет Христос². Данный документ содержит обтекаемые формулировки некоторых целей трансгуманизма. Вместо уже давно устоявшихся понятий используются термины «трансформация», «обновление», «человечность». Уже из первого тезиса следует вывод о первичности трансформации, в которой, в том числе, участвует Христос. На самом деле «чистые» трансгуманисты в своей программе и декларации используют совершенно иную терминологию, а человечность давно расширена до немислимых

¹ Так, крионическая фирма Алькор, уже давно привлекает христианских клиентов, размещая на своем сайте «христианские аргументы крионики» в разделе «Религиозные основания для крионики». См. Алькор. URL: <https://www.alcor.org/library/the-religious-basis-for-cryonics/>

² Христианская трансгуманистическая ассоциация. URL: <https://www.christiantranshumanism.org/>

размеров¹. Члены ХТА должны дать согласие на технологические дополнения, применение радикальных технологий и т.п.

Христианские критики трансгуманизма подчёркивают, что трансгуманистическая уверенность в достижении уровня богов с помощью технологий не только подменяет саму идею Трансцендентного, Бога как Творца, но и идею человека как образа и подобия Божия². Критический взгляд на трансгуманизм фиксируется и у А. Саттона, занимающегося проблемами антропологии³. Среди наиболее известных критиков трансгуманизма следует выделить таких мыслителей, как Т. Вульф⁴; Д. Трейси, В. Феркис⁵, Дж. Эллул⁶, Р. Нибур⁷, К. С. Льюис⁸.

В целом, следует отметить крайне неудачную попытку трансгуманизма совместить христианское видение мира с задачами трансгуманизма. В итоге рождается некий гибрид, не выдерживающий никакой критики, имеющий слабую аргументацию, где откровенно противоречивые установки либо замалчиваются, либо затушевываются, прячутся под неясной терминологией и новыми, зачастую не свойственными самим трансгуманистам определениями. ХТА может быть привлекательной лишь для авторских гибридных модернизированных проектов и теорий, для некоторых «околохристианских» направлений «Нью Эйдж».

Мормонский трансгуманизм. Наиболее удачной попыткой конвергенции трансгуманизма с отдельной конфессиональной общностью является Мормонская трансгуманистическая ассоциация («Mormon Transhumanist Association (MTA)»)⁹,

¹ См. пункт 7. Декларации «We advocate the well-being of all sentience, including humans, non-human animals, and any future artificial intellects, modified life forms, or other intelligences to which technological and scientific advance may give rise». URL: <https://www.humanityplus.org/the-transhumanist-declaration>

² Ковба Д. М., Грибовод Е. Г. Теоретические аспекты феномена трансгуманизма: основные направления // Дискурс-Пи. 2019. № 3 (36). С. 47–48; Thompson J. Transhumanism: How Far Is Too Far? // The New Bioethics. № 23 (2). P. 165–182, 178.

³ Sutton A. Transhumanism: A New Kind of Promethean Hubris // The New Bioethics. P. 117–127.

⁴ Wolfe T. Sorry but Your Soul Just Died. URL: <https://www.orthodoxytoday.org/articles/Wolfe-Sorry-But-Your-Soul-Just-Died.php>

⁵ Ferkiss V. C. Technological man: The myth a. the reality. London, 1969.

⁶ Ellul J. Technological Society. Toronto, 1964.

⁷ Niebuhr R. The Nature and Destiny of Man: A Christian Interpretation // Two volumes in one. Vol. 1 Human Nature. New York, 1953.

⁸ Льюис К. Человек отменяется // Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты. М., 1992. С. 185-207.

⁹ [Мормонская трансгуманная ассоциация // MTA. URL: https://transfigurism.org/](https://transfigurism.org/). Есть страницы в социальных сетях: URL: <https://twitter.com/transfigurism> ; URL <https://www.facebook.com/transfigurism>

появившаяся в 2006 году в виде традиционного для трансгуманистов формата НКО. В качестве цели Ассоциация заявляет о своем желании быть более гибкой, современной, включать новейшие открытия в технологической сфере, отсюда вытекает ее возможность сотрудничества с трансгуманизмом. В настоящее время положения и отдельные идеи трансгуманизма синтезируются с догматическими установками мормонизма. Учение мормонов довольно сложно квалифицировать как христианское, поскольку в нем сформулировано совершенно иное видение роли Иисуса Христа в истории (альтернативная история). Помимо христианских терминов и упоминания личности Христа, в мормонизме много положений, включая формы организации, семейные отношения, способы ведения хозяйства и т.п.

На организационном уровне Церковь Иисуса Христа Последних дней (церковь LDS) не аффилирована с МТА. Ее учение и видение будущего не тождественно представлением трансгуманистов об эре Сингулярности или постлюдях. У мормонов есть ряд положений о развитии (совершенствовании) людей, позитивное отношение к некоторым технологиям, но МТА – это большое устоявшееся сообщество людей, верующих в истины книги Мормона, имеющих разветвленную инфраструктуру и независимое положение. И в сравнении с другими конфессиональными группами МТА фиксирует рост числа членов. Из них 70% - это граждане США)¹. В программных документах прописана миссия МТА, сформулированная более конкретно как защита «...этичного использования технологий и религии для расширения человеческих возможностей, как указано в Трансгуманистической декларации и Утверждении мормонов-трансгуманистов»².

Наиболее близкой точкой схождения мормонизма и трансгуманизма является теория преобразования «трансфигуративности» мормонов. Она предполагает воскрешение и усовершенствование до божественного состояния ранее умерших мормонов. В книгах К. Мерсера и Т. Дж. Тротена³ и, в частности, в работе «Религия

¹ МТА. URL: <https://transfigurism.org/>.

² МТА URL: <https://transfigurism.org/mission>

³ Mercer C. Religion and Transhumanism. The Unknown Future of Human Enhancement. Santa Barbara, Denver, Oxford, 2014.

и человеческие усовершенствования»¹ представлено исследование совмещения представлений о преобразении с идеями трансгуманизма. В главе за авторством Л. Кэннона осуществляется сравнение трансгуманизма с учением мормонов и выделяются четыре предпосылки для объединения. Также Л. Кэннон выстраивает свою аргументацию против критиков сближения мормонов с трансгуманистами, используя образ Вавилонской башни и крионику. Л. Кэннон дает понять, что если ранее люди не могли надеяться стать богами, не имея соответствующих технологий и прав, то теперь, они практически создали такие технологии и могут начать процесс преобразования.

МТА также приняла Трансгуманистическую декларацию, которая настаивает на развитии и применении радикальных технологий, способствующих развитию человеческого потенциала, переходу в стадию постчеловека и освоению космоса². МТА представила собственную версию документа в виде «Мормонского трансгуманистического утверждения», состоящего из шести тезисов. Так же, как и в христианском трансгуманистическом документе, здесь говорится о следовании Христу и Евангелию. Подчёркивается неустанное стремление к духовному и физическому совершенствованию, чему должна помочь наука с ее технологиями. В МТА технологии обозначаются как божьи средства, а значит, они могут и должны быть использованы во благо человеку³. Для подтверждения идентичности понимания «воскрешения», «преобразования» у мормонов и трансгуманистов цитируются стихи из Книги Мормона⁴.

Экстропианство. Либертарианский трансгуманизм. Еще один пионер-идеолог современного трансгуманизма – Макс Мор⁵, основавший одно из первых направлений – экстропианство. Позже в данное течение вошли Р. Бейли, Г. Рейнольдс и другие.

¹ Trothen T. J., Mercer C. Religion and Human Enhancement. Death, Values, and Morality, Palgrave Studies in the Future of Humanity and its Successors, 2017. P. 49–67.

² URL: <https://transfigurism.org/transhumanist-declaration>

³ URL: <https://transfigurism.org/mormon-transhumanist-affirmation>

⁴ Книга Мормона. Третья книга Нефия, Глава 28. P. 6–9; 37–38.

⁵ Макс О'Коннор взял в 90-е г. прошлого века псевдоним Макс Мор. Сатанист по убеждениям, но, по его словам, имеет расхождения с официальными сатанистами по поводу трактовки изгнания Сатаны из рая. В 2010 г. М. Мор получил должность в «Алькор».

Термин «экстропианство» образован от понятия «экстропия» (негэнтропия) и расшифровывается у М. Мора как «философская система ценностей и стандартов, способствующих улучшению жизни человека через развитие науки и техники (в идеале – достижение бессмертия и совершенствование всех функций организма)»¹. Макс Мор уточняет, что экстропианцы во имя прогресса и эволюции человека развивают практико-ориентированные подходы². В основе уверенности в возможности ускоренной эволюции человека лежит трактовка понятия «экстропия», которая понимается как максимальная степень жизненности. Отсюда следует возможность беспредельного развития всего живого, в том числе человека и его интеллекта, в противоположность обратному процессу – энтропии.

В 90-е годы прошлого века через свой Институт Экстропии М. Мор начал проводить конференции и создавать отдельные ячейки трансгуманистов в интернете. Экстропианцы отличаются прагматизмом, предельным индивидуализмом, жесткой критикой классической парадигмы, теизма, биоконсерватизма и т.д.

Макс Мор представил свою философию в виде пяти принципов экстропианства: безграничное расширение, само-преобразование, динамический оптимизм, интеллектуальная технология и произвольный порядок. Сами принципы прописаны в лучших традициях трансгуманизма, с использованием двойных значений, туманных формулировок и помпезных обещаний. Аналогичные тексты фиксируются и на сайте «Алькор», любимом детище М. Мора. Параллельно с философскими сочинениями, в первые годы в Англии М. Мор написал более откровенный квази-духовный документ в виде манифеста, назвав его «Во славу Дьявола (англ. ««In praise of the Devil») и опубликовал в Либертарианском Альянсе (англ. «Libertarian Aliance», 1991г.)³. Принципы манифеста практически буквально соответствуют принципам экстропианства и дают возможность более точно понимать идеи автора. Оба документа, как и, например, работы М. Ротблатт,

¹ Мор М. Принципы экстропии. V. 2.6. 1995. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/168/94>.

² URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/168/94>.

³ [Мор М. Манифест трансгуманизма](http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/168/94). URL: <https://communitarian.ru/>; Сатанизм трансгуманизма: откровения основателя andoc. URL: <https://andoc.livejournal.com/638904.html>.

подчинены правилам нумерологии. У М. Мора – это число «пять», имеющее особое значение в сатанизме.

Принципы манифеста являются духовной подложкой для философии экстропианства, некоторые из них обозначены как «добродетели». Так, принцип «сила во благо» расшифровывается не в платоновском смысле, а в магическом, где благо понимается как вера в свет и знания, воплощением которых является Люцифер. «Сила рациональности» – как некий «чистый» разум, свободный от предрассудков и веры. Учитывая, что Люцифера также называют «князем лжи», манипуляций, очевидна столь распространённая манера построения доказательств и аргументации в трансгуманистической литературе. «Добродетель удовольствия» опирается на принципы гедонизма и «добродетель эгоизма» как абсолютизацию индивидуализма, а также «личной ответственности».

В религиозном плане принципы манифеста М. Мора полностью противоположны традиционно религиозным. Это достаточно четко просматривается на примере известных искушений Христа в пустыне: гордыней, славой и «хлебом». Так, внешняя свобода и автономия в манифесте оказывается ограниченной поклонением Люциферу. М. Мор не только призывает поклоняться Люциферу, но и включаться в его борьбу с Богом. Сила рациональности, замещающая веру, есть торжество рационально-чувственного мышления, эгоистической критики, недоверия Истине. «Добродетель удовольствия» у М. Мора есть устремление к максимальным удовольствиям. «Добродетель эгоизма» – полная противоположность альтруизму, жертвенности и служению. «Личная ответственность», позволяющая утверждать о полной автономии личности и ее свободе от обязанностей по отношению к кому-либо и чему-либо, оборачивается поклонением вещам, Люциферу и собственным порокам.

Параллельно изложению принципов в манифесте М. Мор создал авторскую сатанинскую версию истории Христа, первых людей и отношений между Богом и Люцифером¹. Мир сакральный отождествляется с государственным устройством,

¹ Сатанизм трансгуманизма: откровения основателя andoc. URL: <https://andoc.livejournal.com/638904.html>.

отсюда экстропианцы должны отрицать государство как механизм диктата, но тем самым они лишь приближают диктат в общемировом масштабе. М. Мор видит в теизме, традиционных ценностях и религиозной вере – лишь совокупность суеверий, несвободы, диктата Бога и т.п.

Одновременно с теорией экстропианства все эти годы М. Мор рекламирует крионику. «Духовность» сторонников крионики по большей части черпает свои идеи из «Нью Эйдж», то есть опять же опирается на определённые технологии, которые должны помочь стать людям стать бессмертными. Пока таких технологий нет, крионика должна поддерживать к себе интерес, отсюда создается своеобразная трансгуманистическая *крионическая философия*, которая являет собой типичный пример использования манипуляций сознанием клиентов, в частности, эксплуатации их страхов и т.п. Лозунг крионической фирмы «Алькор» – «наша миссия – спасение жизни и продление жизни»¹. Дерек Райн (Derek Ryan) пытается соединить крионическую философию с христианством, используя аргументы Дж. У. Монтгомери². С. Бридж ссылается на проповедь Дж. Монтгомери (пастор в 1968 г. произнес проповедь на стих «к Филиппийцам 1:24»)³. Однако здесь снова хорошо видна типичная подмена понятий, а также использование евангельских стихов вне контекста и вне христианского понимания мира.

Итак, либертарианский трансгуманизм, имеющий в своей основе философию экстропианства, на практическом уровне реализует услуги крионических фирм, опирающихся на еще не существующие технологии. «Духовность» же М. Мора являет пример современной адаптации магических, сатанинских идей к «научно-философскому» преломлению «духовности» Нового века.

Завершая исследование псевдоконфессиональных вариаций трансгуманизма, рассмотрим интегрированные модели духовности.

Модели «новой духовности» на современном этапе.

¹ FAQ – Религия и философия // КриоРус. URL: <http://kriorus.ru/FAQ-Religiya-i-filosofiya>.

² Ryan D. Cryonics and religion // Cryonics. 1990. URL: <https://www.alcor.org/Library/html/religionandcryonics.html>.

³ Bridge S. Why a Religious Person Can Choose Cryonics. URL: <https://www.alcor.org/Library/html/frozensouls.html>.

1. *Суперэкуменистическая модель* (синтетическая, Р. Курцвейл, В. Виндж, представители буддийского трансгуманизма, Христианской трансгуманистической ассоциации, и члены Мормонской трансгуманистической ассоциации).

2. *Комплексная эклектичная модель* (ньюэджевская), включающая в себя разновидности комплексов идеи движения «Нью Эйдж», философию либертарианства (М. Мор, Н. Вита-Мор, А. Сандберг, М. Ротблатт, У.С. Бейнбридж, Дж. Приско, экстропианство).

В первой модели предлагается рассматривать догматы и установки всех существующих религий как различные трактовки одного и того же духовного мира: «все религии идентичны, все равны и ведут к одному богу/богам, сакральному».

Сторонники данной модели не критикуют отдельные конфессии, классические представления о духовности, предлагая отказаться от оценивания или деления религиозных традиций, конфессий и групп на истинные и ложные (позиционируя позитивный оптимистический взгляд на большинство религий и их институты)¹. В данной модели интегральный мотив слогана «все религии равны» опирается на современный оккультизм с его синкретическим подходом. Но в итоге все «влившиеся» сюда религии и отдельные «духовности», конфессии претерпевают серьезные изменения, корректировки своих базисных установок, догматов.

Учитывая, что сторонники суперэкуменистической модели зачастую критично и иронически описывают группы, разделяющие, по их мнению, слишком устаревшие и фантастические взгляды на религию, можно сделать вывод об их неприязни, дистанцировании от последователей движения «Нью Эйдж», слишком увлекающихся мистификациями, фантазмами, иррациональными взглядами. Соответственно, в таких группах представители суперэкуменистической модели видят недостаточное обращение к критическому мышлению, научным методам, а также к гуманизму, светскости, свободомыслию и здоровому скептицизму.

¹ Курцвейл Р. Сингулярность действительно близко // Creative Commons «Attribution» («Атрибуция»). URL: http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/deed.ru_novadeus.com.

Вторая группа – это *эkleктичная синкретическая модель*, включающая наибольшее количество вариаций религиозности и духовности (условно, в контексте современных движений «Нью Эйдж» и сетевой духовности). Здесь встречаются заимствования из восточных культовых практик, соединенных с элементами различных философских систем, тренингами по совершенствованию личности, НЛП-технологиями, космизмом, гностицизмом и каббалой, неоязыческими системами, оккультными и магическими практиками, интересом к астрологии и нумерологии.

Базовые мировоззренческие установки могут варьироваться от атеизма (в практических вопросах, или в вопросах критики теистических систем), до пантеизма (см. работы А. Сандберга)¹. Сторонникам данной модели духовности свойственен агрессивный стиль описания и оценки тех религиозных традиций и институтов, которые им кажутся ложными, конкурентными или опасными. Так, находясь в контексте ньюэйджевской парадигмы, авторская версия может включать элементы вероучения конфессии, но отрицать ее культовые аспекты, симпатизировать восточным традициям и игнорировать западные религиозные системы, но при этом применять восточные религии в сугубо западной интерпретации. Проекты нередко оформляются в «упаковки» экологических программ или защиты прав меньшинств, ЛГБТ-акции, квір-версии и т.п. Эта модель включает в себя комплексы идеи либертарианства, сатанизма, философии утилитаризма с ее ценностями гедонизма и эвдемонизма. Ее наиболее яркий представитель – М. Мор и его сподвижники (экстропианство). Отдельный сегмент, относящихся к данной модели духовности – это сетевые трансгуманистические сообщества, авторы, предлагающие продукты и услуги в виртуальных мирах, на площадках компьютерных игр (см. идеи У.С. Бейнбриджа, Дж. Приско).

Данное деление на две модели «новой духовности» во многом условно, однако оно вполне адекватно фиксирует реальное положение дел. При этом можно отметить *их дальнейшее сближение в сторону разработки виртуальной сетевой*

¹ Interview with Anders Sandberg by Jonathan Despres. URL: https://future.fandom.com/wiki/Interview:_Anders_Sandberg

модели сознания, что вполне созвучно целям программ конвергенции NBICS-технологий и псевдорелигиозному эклектичному ньюэйджевскому тренду.

Глава 3. Культуродуховная парадигма русской «философии сопротивления»

3.1. Основные направления концептуализации русской «философии сопротивления»

Достаточно поверхностного взгляда на работы современных российских ученых, чтобы заключить об отсутствии единства в вопросах духовности. Данная ситуация является результатом крайне негативных процессов, проходивших в последние десятилетия, когда российская культура испытывала серьезное давление (экспансию) со стороны западной потребительской культуры. В таких условиях сложилось несколько групп неравнодушных ученых, сумевших построить новые теории и сформулировать предложения, касающиеся российской действительности.

В целом, российское научное сообщество, в соответствии с темой данного исследования, можно поделить на три группы.

Первая группа включает в себя людей неравнодушных, которые вопреки обстоятельствам остаются верными высшим ценностям, находят аргументы и сплачиваются вокруг конкретного лидера или в рамках определенной школы. Они формируют «защитные» концепции русской духовности, российской самобытной культуры и типа цивилизации и таким образом не только сохраняют и выстраивают мосты к прошлому, но не дают реализоваться откровенно опасным и вредным современным теориям и программам. Ученые не только сами сплачиваются, но и привлекают к себе представителей других научных сообществ, народов и регионов.

Вторая группа – это ученые, быстро воспринявшие западную парадигму и ее видение русской культуры, сознательно реализующие западные сценарии. Они являются, по сути, проводниками западной культуры, в ряде случаев наносящими существенный вред национальным интересам России. Многие из них или являются симпатизирующими «новой духовности», или занимаются ее апологетикой.

Представителей данной группы зачастую отличает целенаправленная борьба с пророссийскими научными теориями, школами и учеными.

Третья группа ученых – это соблюдающие относительный нейтралитет в силу специфики научных интересов или намеренно уходящие в более абстрактные темы, где можно «спрятаться» от оценки конкретных современных явлений и событий.

В данном параграфе мы рассмотрим представителей, относящихся к первой группе, равнодушных и не перестающих бороться за интересы России и российской науки, за национальные приоритеты и народ с его уникальной духовностью.

Выражаясь словами В.А. Кутырева, пророссийские современные философские школы полностью или частично в вопросах понимания духовности, человека и оценки трансгуманизма относятся к единой школе – «*Философии сопротивления*»¹.

Начнем с вклада *Московской школы философской антропологии МГУ*, к которой следует отнести В.Г. Федотову, Ф.И. Гиренка², Н.Н. Ростову³, П.С. Гуревича, В.П. Руднева и других.

О предшествовавшей трансгуманизму поэтапной «отмене человека» писали многие ученые на Западе и в России. В контексте соотношения западной и восточной культуры Ф.И. Гиренок подчеркивает факт утраты Западом дороги к человеку, который выбрал технологии в ущерб знаниям о человеке. Восток же сохранил ориентацию на человека⁴. Действительно, на всех направлениях – от науки и философии до искусства – Запад постепенно отказывался от человека вследствие разных причин. В науке это случилось благодаря смене классической

¹ «Философия сопротивления, которую я, как бы ис(про)поведую, не может быть «поп». «Уж лучше голодать, чем есть что попало». Да вряд ли серьезная философия вообще исчезнет. Человечество ждет не увеселения, а потрясения». Кутырев В. А. Философия сопротивления // Завтра.ру. URL: <https://zavtra.ru/blogs/valerij-kutyryov-filosofiya-soprotivleniya>.

² Гиренок Ф. И. Основные принципы дигитальной философии // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 133–139.

³ Ростова Н. Н. Деконструкция сакрального в философском исследовании человека. М., 2016; Ростова Н. Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека. М., 2017; Ростова Н. Н. Человек на границе животного мира // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 68–75; Ростова Н. Н. Аджорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология, Т. 36. № 4. С. 731–750.

⁴ Гиренок Ф. И. Антропологические конфигурации философии // Философия науки. 2022. Вып. 8. С. 410.

парадигмы на неклассическую. В философии это произошло постепенно, начиная с критики метафизики и заканчивая креном в сторону материализма и аналитической философии. Конкретно в философской антропологии это проявилось в отказе от классической теории и переходе к неклассической постмодернистской, когда место сущности человека заняло понятие «воображаемого». Ф.И. Гиренок уточняет: «В основе воображаемого лежит разрыв между субъективностью и субъектом... в человеке перестал цениться субъект. В нем стала интересной субъективностью, которая не отсылает к субъекту, а отсылает к себе самой»¹. А далее, используя деконструкцию и с легкостью оперируя понятием «субъективность», начались игры постмодернистов, постгуманистов и трансгуманистов по типу: «кто больше назовет субъективностей, постчеловеческих агентов» или разработает качественно новую прогрессивную методологию.

В отношении духовности, которая имеет конкретные атрибуты и строится на незыблемых основаниях, такая игра приводит к опасным последствиям. Ф.И. Гиренок довольно оригинально описывает смену типов мышления, когда от преобладания людей с понятийным мышлением происходит переход к преобладанию в молодежной среде теперь уже постсекулярного общества «клиповиков» (от слова «клиповое сознание»)². Современное «скольжение» по жизни путем бесконечного просмотра видеоряда, быстро мелькающих «картинок» с минимальным текстом-слоганами напоминает одну большую сцену для монтажа рекламных роликов. Еще одно понятие – «кликабельное» мышление (от слова «клик – кликать»), отражающее некий образ человека-пользователя, пребывающего большую часть своего времени в социальных сетях и т.п. Отсюда в силу роста влияния акторно-сетевых теорий, «перетекания» человека в виртуальную реальность в науке появилось понятие «мозаичное сознание», ведущее происхождение от теории «мозаичной культуры» А. Моля³.

¹ Гиренок Ф. И. Смена перспектив в философии человека // Человек.RU. 2015. № 10. С. 83.

² Гиренок Ф. И. Клиповое сознание: [клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании, неклиповое]. М., 2018.

³ Моля А. Социодинамика культуры. М., 2008; Ильиных С. А. Мозаичный тип сознания как предмет исследования социологии управления // Вестник НГУЭУ. 2012. № 4. С. 158.

Ф.И. Гиренок и его коллега Н.Н. Ростова в своих работах практически не прибегают к понятию «духовность», используя несколько иной методологический и понятийный аппарат, однако их философия направлена именно на защиту человека. У Н.Н. Ростовской человек трактуется как «драгоценный сосуд», и в этом смысле она продолжает традиции русской религиозной философии, у которой есть дух мистериальности, отличный от европейской театральности¹. Н.Н. Ростова указывает на предтечу трансгуманистического постчеловека, в частности, на ницшеанского сверхчеловека². У нее присутствует указание на последовательную отмену в культуре и Бога, и человека: сначала «убили» Бога, затем «убили» человека. Причем, «смерть Бога» не является метафорой, в том смысле, что в западной культуре Бог действительно умер. Это случилось, в том числе, и в тот момент, когда легализовали профанную теорию сакрального. Последняя позволяет писать о религии, религиозном опыте и культовых особенностях различных верований, но при этом обходится без главного – Бога, который в этот нарратив уже не входит, ибо «понятие “Бог” уже не политкорректно»³.

Далее западные философы взяли за следующее основание духовности – нравственность. Метафизические ценности были обозначены как традиционные и устаревшие, как «антиквариат» в противовес нетрадиционным ценностям. Сторонники последних имеют самые разные привилегии: те, кто их разделяет, награждаются кинопремиями, литературными наградами, научными грантами. Ценности, защищаемые религиями, уже всюду обозначаются как агрессивные, тоталитарные и узкие. Западное общество методом кнута и пряника уже практически приучило людей не только терпеть, но и защищать и желать принятия нетрадиционных ценностей, воспитывать в них своих детей и клеймить всех «ретроградов»⁴. Так, в новейший период на Западе стали защищать исключительно «меньшинства». Парадокс, однако, в том, что спасенными или оказавшимися в безопасности они не становятся, поскольку за каждым новым «отвоеванным

¹ Ростова Н. Н. Деконструкция сакрального в философском исследовании человека. Указ. Соч. С. 147.

² Там же. С. 278, 360.

³ Там же. С.385.

⁴ Там же. С.394.

рубежом» оказывается следующий, еще более далекий от всякой разумности и человечности. Защищать гомосексуалистов, как ранее классических феминисток, теперь не актуально. Поступательное движение «апостасии» требует закончить дело, и теперь такие философы, как П. Сингер, под видом заботы о животных продолжают редукцию ценностей и норм постсекулярного мира. Экофилософ Питер Сингер – лидер мирового движения за освобождение животных – известен своими опусами о критериях этически возможного и правильного к ним отношения, т.е. разрешения педофилии и зоофилии. Это конкретный очередной пример «западных перевертышей», где зоофилы – это «лучшие друзья животных и борцы с тиранией человека над животными»¹. Учения философов, подобных П. Сингеру, довольно «экзотичны», но символичны пути популяризации подобных теорий и авторов².

Н.Н. Ростова задается вопросом о том, почему смерть Бога знаменует или автоматически влечет за собой смерть человека? Ответ коренится в самом человеке, поскольку последний есть целиком проект Бога. Сама сущность человеческая включает в себе трансцендентное начало, и если отказаться от Трансцендентного с большой буквы, если «вырвать» Его из человеческого сердца, то уже, по сути, «мертвый/сломанный» человек ничего устойчивого из себя представлять уже не будет. Она пишет: «На месте антропологической сущности оказывается бесконечность конфигураций»³.

В эру постметафизической философии и постсекулярности появляется все больше работ на стыке науки и религии. Современная постмодернистская философия и теология (или уже «нейротеология») не имеют ни метаязыка, ни метанарратива, а создают приземленные конструкции, которым разрешено существовать по принципу Дж. Капуто, «...позволяя цвести всем цветам. В том числе и цветам религии»⁴. Складывается идеальная ситуация для легализации

¹ Сингер П. Освобождение животных. Киевский эколого-культурный центр. Киев, 2002.

² Книга П. Сингера вышла под рубрикой. Серия: Охрана дикой природы. 2002. Вып. 29. 136 с. Киевский эколого-культурный центр Peter Singer ANIMAL LIBERATION A Discus Book. New York, 1977.

³ Ростова Н. Н. Деконструкция сакрального в философском исследовании человека. Указ. Соч. С. 497.

⁴ Там же. С. 202.

старых оккультных и магических верований, почитающих множество богов и демонов, которые под запрет не попадают, в отличие от Трансцендентного. Вместе с множеством «божков» формируется и множественная методология «новой духовности»¹. Отсюда Н.Н. Ростова выносит вердикт о смерти человека (сознания), поскольку Трансцендентное в человеке исчезает². Человек превращается в конструкт, обнаруживает хаос сознания и оказывается игрушкой виртуального мира.

П.С. Гуревич, выделивший феномен возникновения и экспансии мизантропологии и деантропологизации, писал о духовности в контексте различий между индивидом и личностью. В условиях ориентации на псевдодуховные основания бытия всё больше людей ищет и экспериментирует с «технологиями священного»³. На уровне трансформации духовности, через повсеместную подмену духовности на «новую духовность», осуществляется борьба «человека духовного» с «человеком отчужденным»⁴.

Несколько особняком стоит В.А. Кутырев⁵, который называет себя «антропоконсерватором», выступающим за сохранение «традиционного человека» и являющимся разработчиком *археоавангардного феноменологического реализма*. Он – радикальный критик глобальной технологической цивилизации, где корень зла видится в целенаправленном обострении диспозиции: естественное/искусственное, что, собственно, и является одним из главных признаков наступления «постчеловеческой» реальности. Философ видит в современных теориях желание превратить культуру в «тектуру», усилиями трансгуманистов трансформировать духовность и дух в разум, в виртуальный цифровой мегамозг. В.А. Кутырев разрабатывает концепцию коэволюции естественного и искусственного миров, ставит вопрос о необходимости сопротивления дискредитации бытия и тенденциям замены онтологии

¹ Ростова Н. Н. Деконструкция сакрального в философском исследовании человека. Указ. Соч. С. 497–498.

² Там же. С. 504–515.

³ Гуревич П. С. Тайна человека – вечная проблема // Философская школа 2018. № 3. С. 51.

⁴ Гуревич П. С. Философская интерпретация человека. СПб., 2013; Гуревич П. С. Философское толкование человека. М.; СПб., 2012.

⁵ Кутырев В. А. Философский образ нашего времени (безжизненное пространство потсчеловечества). Смоленск, 2006.

«нигинологией»¹. Он одним из первых написал серьезную методологическую работу по разбору основ трансгуманистической теории. Так, он предложил *категориальный аппарат для осмысления постчеловеческой идеологии постмодернизма*: «тело без органов», «тело без пространства», «субъектность», «сингулярность», «персонаж» и другие. Человек в ходе «демонстража», разложения и трансформации превращается в ««гомутер» как концепт и техноид, заменяющий целостного телесно-духовного субъекта»².

В.А. Кутырев в одном интервью, отвечая на вопрос о влиянии современной философии, обращается к понятиям «интеллектуальная сила» и «духовное», указывая на узость определения последнего. Интеллектуальные силы – не есть задача философии, она должна аккумулировать и быть представителем «”духовной силы для влияния на общество”». *Духовное* включает в себя, наряду с интеллектом, способность верить, любить/ненавидеть и действовать, что для влияния очевидно необходимо... философия – часть духовной силы общества, и ее всегда достаточно, сколько есть, столько и есть»³. Философ сетует на застревание современных коллег-философов в рутине «наукообразия и методологизме» вместо реального влияния на общество или на элиты. В период, когда нависла опасность уже над самим человеком, когда опасные знания вот-вот разгонятся и постчеловеческие технологии пройдут точку невозврата, философы попрятались, отчего он называет их «страусами». Русская философия всегда шла по своему пути, и только так она имела реальное влияние. Ей не было свойственно уходить в наукообразность в западном смысле слова. «Философия сопротивления, которую я как бы ис(про)поведую, не может быть “поп”. “Уж лучше голодать, чем есть что попало”. Да вряд ли серьёзная философия вообще исчезнет. Человечество ждут не увеселения, а потрясения»⁴.

¹ Философия сопротивления. Интервью с Кутыревым В. А. // Завтра.ру. URL: <https://zavtra.ru/blogs/valerij-kutyiryov-filosofiya-soprotivleniya>

² Кутырев В. А. Философский образ нашего времени. Указ. Соч. С.6.

³ URL: <https://zavtra.ru/blogs/valerij-kutyiryov-filosofiya-soprotivleniya>

⁴ Там же.

В.А. Кутырев часто мыслит оппозициями. В отношении духовности и культуры он выстраивает следующую схему: культура как духовное, а цивилизация как бездуховное. Здесь он солидарен с Н.А. Бердяевым и О. Шпенглером, видя в культуре залог личностного духовного развития, а в цивилизации – запуск механизмов превращения человека в потребителя и эгоиста, полностью обусловленного материальным, как бы красиво это ни называли, например, «самореализацией»¹. В отношении успешного продвижения трансгуманизма В.А. Кутырев замечает общую усиливающуюся тенденцию, четко просматриваемую в культуре, – влечение к *Mortido* (суицидальный некрофильский формат становящейся культуры). Эти некрофильские позывы неприемлемы для ученого, зовущего к Жизни, к самосохранению человека, но не как «экспоната в музее», а как существующего «живьем» в будущем, иначе этого будущего не будет.

Кризис духовности обнаруживается повсюду. В искусстве – это засилье техники и технологий под «музыку» вседозволенности. «Пиарится» лишь то, что отличается особой пошлостью и смакованием «убивания человека». Философ называет современных потребителей духовными мещанами, которые, помимо материального потребления, увлеклись «потреблением культуры»². Современные экстремисты, духовные мещане уничтожают культуру. «*Их главный враг, – пишет В.А. Кутырев, – духовность, душа, потому что ни того, ни другого, по их мнению, на Западе уже нет... Посткультура – это игра творцов смерти культуры*»³. В.А. Кутырев предлагает в качестве спасительной альтернативы – *софотерапию* как возвращение человека к духовности путем отказа от потребительских ориентиров, к философствованию как потребности в трансцендентном. Человек должен вернуться к своим исконным началам, встать на свои ноги, начать проявлять духовную активность⁴.

¹ Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб., 2015. С. 93.

² Кутырев В. А. Разум против человека (Философия выживания в эпоху постмодернизма). М., С. 84–85.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 58.

В.А. Кутырев ввел также термин «*трансмодерн*»¹, или «эпоха трансмодерна», что означает сциентизацию культуры и ее технизацию². Он сокрушается о кризисе духовности, о потере души. Он также может быть отнесен к сторонникам *философии сердца*, поскольку связывает современную механизированную культуру с процессом замены живого сердца на механический насос. Философ указывает на частое упоминание слова «сердце» в религиях мира. В Библии «после Бога это, пожалуй, главный библейский термин. В нынешней культуре сердце отошло далеко на задний план»³.

В отношении духовности ключевой проблемой *становится ее утрата и бездуховный способ* существования людей на всех уровнях. При этом В.А. Кутырев считает, что ум слишком развился, а нравственность ушла как необходимая часть жизни духа. Современная культура многое утеряла: вместо мудрости теперь – информация и знаниевость⁴; вместо доброты и милосердия – интенсивность чувств, экстрим, драйв, взрыв и экзальтация, которые заменили подлинное нравственно-эмоциональное схватывание; вместо красоты – гламурность. В современной культуре отсутствуют мера и подлинная духовность. Изменился также и формат восприятия: вместо вдумчивого и неспешного – скоростной оголтелый бег. Итак, по В.А. Кутыреву, навязываемый западный сценарий современности, включая трансгуманизм, – это *некрофильская постсекулярная культура в формате глобальной бездуховной цивилизации*. В отношении духовности – это бездуховность, царствующая в мире потребителей-эгоистов, «мещан, культурных лентяев».

Другая школа русского философствования, уделяющая особое внимание духовным аспектам, – это *Институт динамического консерватизма (ИДК)*⁵ и *Изборский клуб*⁶. Среди членов клуба следует выделить таких мыслителей, как В.

¹ Кутырёв В. А. Последнее целование. Указ. Соч.

² Кутырев В. А. Бытие или ничто. СПб., 2009. С. 4.

³ Там же. С. 90–91, 129.

⁴ Там же. С. 184.

⁵ В 2009–2012 г. настоящий интернет-ресурс освещал деятельность Института динамического консерватизма (ИДК). Осенью 2012 года ИДК и вновь созданный экспертный Изборский клуб заключили стратегический союз и соглашение о партнерстве. С начала 2013 года ИДК и Изборский клуб объединили свои информационные ресурсы. URL: <http://www.dynacon.ru/opt/>

⁶ Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/>

В. Аверьянов¹, А.А. Проханов², А.И. Агеев³, М.Г. Делягин⁴, В.Э. Багдасарян⁵, М.А. Кильдяшов, А.Г. Дугин, В.М. Коровин, Е.С. Ларина, Н.А. Нарочницкая, А.И. Фурсов, С.Ф. Черняховский, В.В. Шурыгин, О.В. Розанов и другие⁶. Изборский клуб издает с 2013 года ежемесячный журнал «Изборский клуб (Русские стратегии)», а также монографии и сборники. Клуб имеет свои отделения в ряде городов, занимается аналитикой, а его представители активно участвуют в различных общественных мероприятиях.

Современную эпоху сплошных «пост» В.Э. Багдасарян обозначает еще одним понятием – «постидеология». Последняя отличается от идеологии тем, что утверждает о ненужности постулирования чего-либо, о ненужности ее самой, что всё течет спонтанно, но фокус в том, что у постидеологии есть своя идеологическая матрица⁷. В отношении культуры В.Э. Багдасарян подчеркивает: «Главный вызов в сфере культуры видится в *подвёрстывании* её под глобальный рынок. Рыночная культура ориентирована на инстинкты, и в этом отношении является антикультурой»⁸. В ситуации разрушения изначальных метафизических констант в культуре позиционируется атомарный образ человека, давно переставший быть метафорой: человек-киборг, человек-машина, человек-конструктор. Наиболее последовательно и активно данную линию проводят трансгуманисты. Противопоставить им можно лишь «человеческое» – русскую модель человекостроительства.

В.Э. Багдасарян модель человекоустройства понимает как позиционирование образа человека-личности и человека-образа и подобия Божия. Первый был характерен для социалистической модели, второй – для дооктябрьской России. В современной России их необходимо объединить. В.Э. Багдасарян принципиально

¹ Барбекю на грани бездны: тенденции глобальной деградации. URL: <https://izborsk-club.ru/7069>.

² Проханов А. А. Таблица Агеева // Изборский клуб. 2020. № 8 (84).

³ Агеев А. И. Научного знания нет вне этических принципов...// Изборский клуб. 10.03.2015. URL: <http://dynacon.ru/content/articles/5092/>; Агеев А. И. Линия фронта проходит через сердце // Православная беседа. URL: <https://www.ageev.net/2012/05/liniya-fronta-proxodit-cherез-serdce/>

⁴ Делягин М. Человек-трансформер // Изборский клуб. 2019. № 1 (67). С. 58–65.

⁵ Багдасарян В. Э. Руководитель научной школы «Ценностных оснований общественных процессов» (аксиологии).

⁶ Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/>

⁷ Багдасарян В. Э. Выход из постмодерна // Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/22348>.

⁸ Багдасарян В. Э. Образ ковчега // Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/20879>.

выступает против пассивного сдерживания трансгуманизма, против «глухой обороны», например, сославшись на неизменность человека. Необходимо учитывать пластичную природу человека и влияние на него времени, социальной среды и информационных технологий. Само изменение не остановить, но его можно перенаправить, скорректировать маршрут. Вместо «Human Enhancement» надо развивать проект «преображения (теозиса)» человека, как человека духовного, взамен постчеловека с «новой духовностью». Преображенная духовность немислима вне нравственного измерения. Окончательной победе зла мешает только духовность, нематериальные ценности¹.

В.Э. Багдасарян выделяет в навязываемом трансгуманистическом проекте будущего следующие аспекты: 1. Власть ИИ, под контролем которого будет совершаться антропологический геноцид; 2. Антропологический репрессинг, где обычные люди – изгои, транслюди и постлюди, качественно отличающиеся друг от друга. В настоящий момент, по В.Э. Багдасаряну, мы оказались в ситуации перехода, «на развилке», и от нравственной победы русской цивилизации во многом зависит и то, ожидает ли нас электронный концлагерь².

В связи с усилением влияния трансгуманизма вновь актуальными становятся идеи *русских космистов*, которых во многом спародировали и исказили трансгуманистические идеологи и популяризаторы. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что идеи русского космизма оказались востребованными и развитыми во многих школах и отдельных теориях современных российских философов; во-вторых, как мы ранее подчеркнули, в некотором роде космистами считают себя сами трансгуманисты, хотя в данной работе такое мнение не разделяется. В-третьих, в силу современных трансформаций, последователями русского космизма могут быть названы конкретные научные сообщества, например, ряд членов Изборского клуба, позиционирующих себя как космисты. Не случайно западные исследователи обозначают их как продолжателей русского

¹ Багдасарян В. Э. Образ ковчега. Указ. Соч. URL: <https://izborsk-club.ru/20879>.

² Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/22348>

космизма, как, например, французская исследовательница Дж. Фор¹. Она подчеркивает, что изначально космизм в учении Н.Ф. Федорова имел нравственно-христианскую концепцию науки, затем в работах К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского продолжил развитие в сторону футурологического и духовного видения технического прогресса. Затем в 1970-е годы у советских интеллектуалов «русский космизм» получил некоторый эзотерический крен, например, в теории «ноокосмологии» А.Ю. Савина, у В.И. Антоненко и др. В настоящее время линию русского космизма продолжают члены Изборского клуба. Дж. Фор считает, что Изборский клуб имеет влияние на кремлевскую элиту и нацелен на усиление и укрепление России².

Рассмотрим некоторые важные аспекты в трактовке космизма *коллективом Изборского клуба* (включая представления о духовности) в сравнении с трансгуманизмом. Представители клуба довольно часто обращаются к анализу идей классиков космизма и, в частности, сопоставляют их с трансгуманизмом³.

Во-первых, подчеркивается имеющийся в самом русском космизме механизм предотвращения ложтолкования его идей. Достаточно лишь внимательно прочитать его авторов, у которых есть так называемые «предохранители» от трансгуманистических соблазнов. Так, достижение главной цели по космизму – преобразование человека и его воскрешение (бессмертие) – невозможно без сохранения целостности телесно-душевной составляющих личности, уникальности, цельности сознания человека, т.е. человек должен оставаться человеком. Он не должен потерять себя, что, например, сразу же нарушается внедрением генных экспериментов, легализацией редактирования генов эмбрионов и т.п.⁴.

Еще одно условие, по Н.Ф. Федорову, – это морально-духовное совершенствование, что невозможно у трансгуманистов, которые давно исключили

¹ См. перевод статьи Джульетт Фор. Космизм — национальная русская мифология против трансгуманизма // Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/20830>.

² Джульетт Фор. Указ. Соч. URL: <https://izborsk-club.ru/20830>.

³ Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация. Указ. Соч. С. 67–87.

⁴ Там же. С. 67.

мораль, а жизненные проблемы человека предлагают решать: а) эгоистическим прагматизмом и утилитаризмом, где разврат, эгоизм, корысть, тщеславие полагаются в основание постчеловека; б) дизайнеровскими наркотиками; в) редактированием генов человеческих эмбрионов; г) токовой стимуляцией; д) сетевым контролем со стороны ИИ; е) таблетками счастья и т.д. Еще один момент, по Н.Ф. Фёдорову: будущие преобразенные люди, обладающие высокими технологиями, не находятся в электронном континууме, не связаны все со всеми через ИИ (чипы и т.п.). Они образуют соборность, некое живое исторически обусловленное органическое единство Рода, имеющего живую связь с Трансцендентным¹. Технический прогресс однокбок и опасен без своей второй составляющей – духовного, органического прогресса. Если не развивается второй, то первый создает ситуацию асимметрии и уродства. В отличие от узкого иммортализма трансгуманистов, воскрешение, по Н.Ф. Федорову, нельзя спроектировать в системе искусственной «управляемой эволюции», поскольку у мира есть четкие объективные и, в том числе, духовные законы. Он не имманентен себе, а человек не равен себе, жизнь не самозародилась, поскольку есть принципиальное различие между живой и неживой материей. Живая органическая жизнь являет собой несоизмеримо более высокую форму, где обнаруживается пропасть между ней и искусственными неживыми объектами. Фантазии трансгуманистов об оживлении искусственного с помощью некоторых технологий есть обман, иллюзия, пародия на творческий акт Бога. Наоборот, духовно преобразенный человек способен органично решить существующие проблемы в соработничестве со всеми живыми существами². В большинстве теорий трансгуманистов об управляемой эволюции, моделируемой вселенной, человеке-конструкте и т.д. уже на уровне понятий присутствует обычная игра слов, софистика, постмодернистские игры с перестановкой метафор и аллегорий вместо

¹ Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация. Указ. Соч. С. 79.

² Там же. С.84–85.

фактов и логических доказательств. Все сводится к компьютеризации и цифровизации, к искусственным схемам «осчастливливания человека»¹.

Современные русские космисты видят в трансгуманизме модернизированный вариант реабилитации теории и методов нацизма на качественно новом уровне и властные амбиции транснациональной элиты. В качестве альтернативы трансгуманизму представители русского космизма из Изборского клуба формулируют теорию турбогуманизма², динамического консерватизма на условиях многополярного мира, где главным ориентиром должна стать не техногенная гонка (ускоренный темп принятия инноваций без должной апробации), а нравственно-духовное преображение. Только на таких условиях раскрытия подлинного творческого потенциала человека возможен и подлинный прогресс в сфере высоких технологий³.

В отношении *духовности* у Н.Ф. Федорова, с его обязательной нравственной составляющей развития технологий, представлено сопоставительное видение: западная духовность в случае ее редукции к техническому прогрессу понимается как «победа порнокрапии, т.е. скотской и зверской страсти, прикрытой культурною фальсификацией, это – *анти-* или *контр-насха*, бессознательное естественное дело, переходящее в противоестественное»⁴. Подлинный прогресс должен реализовывать настоящий духовный человек, в сострадании и любви ко всему миру и, в том числе, к тысячам умерших поколений предков⁵.

В.В. Аверьянов (теоретик института Динамического консерватизма⁶ и Изборского клуба⁷) предстает как глубоко укорененный в русской культуре христианский философ и публицист, поэт и аналитик. Он довольно критично рассматривает современное состояние духовности россиян, ситуацию в православной среде и подчеркивает необходимость очищения современного

¹ Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация. Указ. Соч. С. 87.

² Термин предложен Алексеем Комогорцевым. Турбогуманизм понимает роль технологий как средств («технологический костыль»), которые могут быть заменены на другие более совершенные средства реализации идей преображенного человечества.

³ Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация. Указ. Соч. С. 84-85.

⁴ Федоров Н. Ф. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 410–411.

⁵ Барбекю на грани бездны: тенденции глобальной деградации. URL: <https://izborsk-club.ru/7069>.

⁶ Аверьянов В. В. Крытый крест. Традиционализм в авангарде. М., 2015.

⁷ Мы верим в Россию. От Русской доктрины к Изборскому клубу / Автор-составитель В. В. Аверьянов. М., 2019.

христианства от потребительства и иных грехов, что станет условием для раскрытия подлинной духовности, активации мистичности и Премудрости Божией. Философ противопоставляет духовный Запад – духовной России, в первом он видит реализацию «грандиозного демонического замысла по узаконению грехопадения», поскольку Бог перестал быть на первом месте. Западные богословы и философы исказили, «перевернули» смысл вочеловечения Бога, выбрав из него удобные и оправдывающие аспекты в пользу исключительно человека (антропотезизм). Но Дух имеет собственное устройство и планы, в том числе, в отношении народов. Отсюда самобытность не самоцель «...дело не в “особом пути” как способе пооригинальничать – дело в самородности цивилизации, когда направление ее путей продиктовано внутренним духом»¹. В.В. Аверьянов разрабатывает теорию о глубинной сущности традиции русской культуры и народа, его духовности и назначения. Ряд положений философа заимствовались некоторыми современными политиками.

В.В. Аверьянов в работе «Наш дух не сломлен»² выделяет шесть аспектов прогресса (негативные аспекты стремления к комфорту, потребительству, индивидуализму, техницизму и т.п.). Он пишет: «Там, где преуспел Прогресс, там преуспевает и *«новая духовность»*, которая воистину вся на одно лицо. Православному человеку здесь есть над чем задуматься... Нужно быть собою в той области, которая уделена тебе Богом, смело говорить о духовном – и тебя поймут те, кто может и должен понять»³. Для программы консерваторов он выделяет базовые положения:

1. Приоритет национальных интересов, государственных над международными.
2. Христианская вера.
3. Семейные традиционные ценности.
4. Высокая нравственность.

¹ Аверьянов В. В. Природа русской экспансии. М., 2003. С. 546.

² Аверьянов В. В. Наш дух не сломлен. М., С. 87–88.

³ Там же. С. 7–9.

5. Социальная ответственность индивида, его терпимость, духовность, служение (служба).

6. Приоритет традиционности и морали в культуре.

7. Дисциплина и прозрачность (публичность) административных решений в экономике¹.

Еще одна своеобразная теория, касающаяся понимания духовности, – это *теория о духовных генокодах и антикодах*, которая представлена как на уровне художественной литературы, так и на уровне философского дискурса в работах Изборского клуба и, прежде всего, в произведениях А.А. Проханова². Писатель выделяет базовые, по его мнению, генокоды русской культуры и, соответственно, антикоды, способствующие разрушению духовности русского народа³. Среди генокодов следует выделить такие, как «Древо-код, чудо-код, Пасха-код («Бессмертие», «Воскрешение»), Победа-код (победа-мечта, код превращения тьмы в свет) ... Способность русского народа принимать на себя мировую тьму и претворять ее в свет понимается как священное бремя русских. Соборность-код (собор, община, артель, всечеловечность), Правда-код, Душа-мира-код, Первопроходство-код, он же код взыскания царства (поиск “Земного рая”, космос-код и т.д. Постижение наших кодов в их целокупности, в их органической связности и симфоничности по-видимому и должно было начаться в мифопоэтической, исповедальной, сказово-метафорической форме, через сердечное созерцание первообразов русской жизни... Поэтому необходим контакт с “человеком-архетипом” (выражение философа Д. Зильбермана)»⁴.

Отсюда так важна живая коммуникация без посредников, о чем элита прекрасно знает и чего усиленно лишает народ. Дифирамбы цифровизации, перевод детей на дистанционное обучение и электронные учебники лишают их возможности живого обучения, возможности перенять традицию у учителя, ученого и т.п., давая им мертвое, в дистанционном режиме опосредованное,

¹ Аверьянов В. В. Наш дух не сломен. Указ. Соч. С. 195.

² Проханов А. А. Таблица Агеева // Изборский клуб .2020. №8(84).

³ Михаил Кильдяшов. Золото под сердцем // Изборский клуб. 2020. №8 (84).

⁴ Аверьянов В. В. Духовный генокод. Витки спирали. URL: <https://izborsk-club.ru/20695>.

скомканное месиво информации. В качестве антикода, противоположности соборности или всеединству, следует выделить «сеть – тенета-западня», как антидуховный процесс объединения сообщества с целью погубить или привести в состояние рабства.

В русском философско-богословском поле проблема человека, его духовности также глубоко проработана в школе «неопатристического синтеза» (теологический дискурс). Ее представители: Г.В. Флоровский, В. Н. Лосский, Н.Н. Афанасьев, В.А. Кривошеин, К.Э. Керн, А.Д. Шмеман, И.Ф. Мейендорф, С.С. Хоружий и другие¹. Данная школа имеет некоторые принципиальные отличия от школы русской религиозной философии и евразийства. Она более последовательно придерживается православной догматики, «православной философии», византизма, восточной патристики. Представители данной школы защищают человека цельного (духовного), свободного от различных вариаций его расчленения, разделения, сопряжения с чем-либо нечеловеческим. Она имеет сильный крен в сторону богословия, поэтому мы оставляем ее рассмотрение за рамками данного исследования.

Еще одно современное направление русской школы философствования – *евразийство*², которое предлагает оригинальную теорию создания духовно-экологической цивилизации. Евразийство представлено такими именами, как А.В. Иванов, Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, М.Ю. Шишин, И.В. Фотиева, Н.Н. Моисеев, А.И. Субетто³, В.С. Степин⁴, А.Д. Урсул⁵ и другие.

В ряде монографий и статей современные евразийцы, акцентируя внимание на Сибири, пишут о духовности как таковой, о создании духовно-экологической,

¹ Михайлов П. Б. Неопатристический синтез // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. XLVIII : «Муромский в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь Непал». С. 654–657; Пешков А. А. Неопатристический синтез: исторический контекст // Труды Нижегородской духовной семинарии, 2015; Рупова Р. М. Неопатристический синтез как религиозно-философское течение XX – XXI веков : религиоведческо-антропологический анализ. М., 2018.

² Евразийцы глубоко освоили многие положения русского космизма, сделав акцент на восточных аспектах мироустройств, и акцентировав внимание, в частности, на Сибири и ее вкладе в развитие более совершенного общества, во многом противостоящего бездуховной западной центристской цивилизации.

³ Субетто А. И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб., 2010.

⁴ Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М., 2003; Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011.

⁵ Урсул А. Д. Феномен ноосферы: глобальная эволюция и ноосферогенез. М., 2015.

или ноосферной, цивилизации. Теоретики евразийства разрабатывают программу инновационного пути развития Сибири, что должно способствовать в целом трансформации всей России в формат духовно-экологической (ноосферной) цивилизации. Философы видят большой потенциал, в том числе, с точки зрения духовности, в интеграции России «в Большой Евразии на принципиально новых — не техногенных, не потребительских и не конкурентно-конфликтных — принципах цивилизационного существования»¹. Сама интеграция должна иметь устойчивый и справедливый характер, минуя принципы рыночного капитализма. Успех интеграции России определяется ее историческим путем и традициями, которая, в отличие от западных стран, расширялась не за счет захвата колоний, а «путем естественного расширения ее пространственно-культурного ядра, сосредоточенного в междуречье Волги и Оки, на север, юг и на восток Евразии»². Евразийцы принципиально настаивают на том, что Россия – это не Европа ни в географическом, ни в культурном плане, отчего в ней никогда не реализовывались в полной мере западные проекты. Россия – это особая срединная евразийская держава, которая будет расти – расширяться, прежде всего, на Восток. Евразийцы отмечают критику некоторых западников относительно заимствований или передачи культурного наследия от Европы России, подчеркивая, что культурно-политическое или техническое ученичество у западных стран вовсе не противоречит своеобразию российского цивилизационного пути. Это лишь показывает гибкую (более восточную) способность России принимать опыт у Запада, но при этом делать самобытный разумный выбор³.

Так, в условиях современности, многие навязываемые Западом технологии, ценности, культурные стандарты не только губительны для России, они неприемлемы для любого типа цивилизации. С точки зрения национальной безопасности и выживаемости необходимо воплощать, не оглядываясь на одобрение Западом, стратегические российские геопроекты, преодолевая

¹ Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / под ред. А.В. Иванова. Барнаул, 2022. С. 37.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 38.

недостатки тупиковой господствующей техногенно-потребительской матрицы цивилизационного развития. Вместо нее необходимо реализовывать духовно-экологический тип цивилизации, в качестве методологии полагаясь на цивилизационный подход¹. Евразийцы с тревогой отмечают ряд негативных тенденций современности: культурный и духовный кризис, обусловленный противостоянием светского и религиозного типов мировоззрения (последствия секуляризации), глобализм и космополитизм, радикальный национализм, редукцию всех сфер жизни к информационно-технической сфере, в которой фиксируется рост бездуховности (духовной инфантильности и манипулятивных технологий). Главной причиной духовного кризиса называется «искажение базовых понятий и ценностей»². Евразийцы прекрасно осознают опасность размывания границ, игнорирование дихотомий: добро — зло, истина — ложь, красота — безобразие. Опасна разрушающая работа постмодернизма, который уничтожает фундамент человеческого существования в виде науки и культуры, называя их «репрессивными механизмами». Для постмодернизма характерна также подмена и искажение смыслов тех важных ценностей, от которых современная западная цивилизация все же не рискнула отказаться (права человека, свобода, равенство).

Западная свобода давно переросла в безответственность и крайне узкое видение форм реализации человеческого потенциала. Она поставила вместо знаний — информированность, вместо любви — секс, вместо дружбы — конкуренцию, вместо служения — корыстный прагматический расчет, вместо нравственности — этику корпоративного работника и т.п.³.

*Концепция духовно-экологической (ноосферной) цивилизации*⁴ развивается современными авторами с учетом наработок отечественных ученых. Суть концепции в том, что предлагается сменить базовые приоритеты. Всё, что в

¹ Цивилизационная миссия Сибири... Указ. Соч. С. 57.

² Там же. С. 64–65.

³ Там же. С. 63–64.

⁴ Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы Барнаул, 2010; Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул, 2014; См.: Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М., 2003; Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011.

потребительской цивилизации являлось целью, например, экономика как средство обогащения и ущемления других, теперь должно превратиться в средство сохранения окружающей среды, аналогично с остальными отраслями. Главным же должно стать всестороннее развитие человека, правильное формирование его духовности. Представления об общечеловеческих абсолютных ценностях должны пребывать в «чистоте», свято оберегаться и передаваться следующим поколениям¹.

Рассмотрим несколько подробнее вышеизложенные предложения. В рамках оппозиции следует различать подлинную культуру и анти-культуру². Евразийцы определяют их следующим образом: «*Подлинная культура* — та, что устремляет человека к бесконечному познанию истины, добра и красоты. Соответственно, она помогает сформировать в себе высшие устремления и выработать адекватные критерии оценки себя и окружающих. Антикультура — это имитация культуры, где культивируются самые примитивные физиологические потребности, а еще чаще искусственно созданные, удовлетворение которых несет прямой вред физическому и психическому здоровью человека, часто оборачивается личными жизненными трагедиями»³. С помощью анти-культуры человек постоянно испытывает манипулятивное воздействие бездуховных идей, примитивных потребностей, деградационных моделей поведения и в итоге превращается в массового потребителя с испорченным вкусом и низкими, в плане подлинно человеческих идеалов, устремлениями. О подлинной высокой культуре он почти ничего не знает, а главное, не имеет опыта и привычки систематически к ней приобщаться. Евразийцы призывают вернуться к идеалам высокой культуры, внедрять их во все сферы жизни, знакомя людей с лучшим наследием народной культуры различных стран, что позволяет максимально одухотворять и экологизировать «культуру повседневности». В качестве базовых элементов «культуры повседневности» должны стать: нестяжательство, миротворчество,

¹ Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития. С. 66–67.

² Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация... Указ. Соч.; Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации... Указ. Соч.

³ Степин В. С. Теоретическое знание... Указ. Соч.; Степин В. С. Цивилизация и культура. Указ. Соч.

меценатство, государственная и региональная поддержка возрождающихся традиций кооперативной и артельной самоорганизации и взаимопомощи, приоритетное развитие сибирской науки и образования с лидерскими инновационными центрами в университетских городах¹.

Качества евразийской личности идентичны реализации подлинной духовности: безусловная моральность, открытость, готовность активно противостоять злу, нравственное творчество, т.е. творчество подвижническое и жертвенное, воля к всестороннему личному совершенствованию и свободное единение с другими людьми на путях Общего Блага².

Завершим наш обзор обращением к еще одной, глубоко укоренившейся в сибирском регионе школе – *концепции жизненных сил* (социальный витализм, или культурвитализм). Он представлен такими учеными, как С.И. Григорьев, Л.Д. Дёмина, Ю.Е. Растов³, Т.А. Семилет⁴, Л.А. Гуцаленко⁵, С.Ф. Денисов,⁶ Е.А. Попов⁷, А.А. Короткова⁸, А.С. Фролов и другие.

Духовность и дух тут тесно связаны с понятием «жизнь». Последняя в каком-то роде невозможна без духа, становясь имитацией – бездуховным существованием.

Витализм применительно к культуре подробно проработан в ряде трудов Е.А. Попова. В культурвитализме духовность постигается через философское осмысление жизнеспособности, *жизненных сил культуры*. Так, в отношении России – в жизнеспособности русской культуры, в закономерностях сохранения ее

¹ Цивилизационная миссия Сибири... Указ. Соч. С. 85.

² Иванов А. В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул, 2007. С. 199–214.; Иванов А. В., Журавлева С. М. Духовность и ее атрибуты. Указ. Соч. С. 14–23.

³ Григорьев С. И., Демина Л. Д., Растов Ю. Е. Жизненные силы человека. Барнаул, 1996; Григорьев С. И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего. Барнаул, 2001.

⁴ Семилет Т. А. Жизненные силы культуры в свете теории культурвитализма // Русское социокультурное пространство: духовные константы и социальные технологии. Барнаул, 2004. С. 3–21.

⁵ Гуцаленко Л. А. Нужна ли социологии жизни живая личность // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 3–13.

⁶ Денисов С. Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды. Омск, 2000.

⁷ Попов Е. А. Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI в. М., 2003; Попов Е. А. Основы виталистской культурологии (Развитие научных принципов социологического и культурного витализма). Барнаул, 2005; Попов Е. А. Виталистские тенденции и стратегии в социодинамике русской культуры. Барнаул, 2006.

⁸ Григорьев С. И., Семилет Т. А., Короткова А. А. Проблемы духовного производства и задачи русской интеллигенции // Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века. М., 2003. С. 207–222.

системного потенциала, в аспекте витальности как метанарратива культурного развития. Жизненные силы – это всё то (явления, процессы, свойства и отношения социальной жизни), что способствует соединению индивидов в неповторимую культурно-историческую индивидуальность (определение Т.А. Семилет). Культуры понимаются как живые организмы, живущие по определённым законам, имеющие возрасты, законы жизни и законы смерти. С точки зрения теории жизненных сил культура – это сфера, которая особым образом организует весь порядок жизни, сохраняет и передает (трансмиссия) жизненные силы во времени и историческом пространстве. *Культурно-органическая система* трактуется как феномен, развивающийся преимущественно на основе витального комплекса (ядро культуры) как защитного механизма культуры, ее внутреннего потенциала. *Витальный комплекс* русской культуры самодостаточен и замкнут. С точки зрения культурвитализма, навязываемый единый сценарий современности Запада в постсекулярной культуре неприемлем и неверен. Поскольку каждая культура выступает единым живым организмом со своей траекторией, жизненным путем, то отсюда принципиально неверно и опасно воспринимать или навязывать путь одной культуры другим. Так, западоцентристская модель современности с ее трактовкой секуляризации и постсекулярности, а также внедряемой моделью духовности, а теперь еще и «новой духовности», с агрессивным продвижением трансгуманизма – неприемлема для российской культуры, как, впрочем, и для многих других культур.

В теории культурвитализма также наблюдается встревоженность по поводу размывания ценностных границ человеческого бытия. Хотя главной ценностью признается жизнь, однако сегодня элиминируются ее онтологические основы, ее пытаются растворить в смерти, в неживой материи. Так, «гоминоцентричность» означает раскрытие бытия человека как деятеля, чьи усилия направлены на расповседневивание действительности. В антропоцентризме человек – носитель духовности. Для антропоцентризма главной проблемой явилась проблема духовного пробуждения человека... Духовная составляющая жизни в постсекулярной культуре слишком сужена, русская культура буквально выживает

в условиях бездуховного захламления...»¹. Е.А. Попов подчеркивает уникальное свойство русской культуры – «долгий сон», который прекращается только в ситуации предельной необходимости, когда все силы активизируются во имя выживания².

Выводы. Краткий экскурс в теории русских школ философствования позволяет выделить у них ряд следующих общих принципов:

1. Критика манипуляций с метафизическими константами, атрибутами духовности и т.п.

2. Указание на опасность и недопустимость «размывания границ» на всех уровнях понимания бытия, редукции нравственного начала до удобных операционных конструкций-симуляций.

3. Тревога по поводу продолжающейся тенденции «убивания» человека, препарирование его на всех уровнях, сведения его до уровня конструкта, алгоритма, программы и т.п.

4. Критика подмены подлинной (исконной) духовности концептом «новой духовности», опознаваемой как бездуховность, антидуховность, четко коррелирующей с постсекулярностью потребительского общества.

5. Недопустимость игнорирования этической основы культуры, противостоящей искусственному раздуванию глобалистских идей с бездуховной нейроэтикой.

6. Фиксация ситуации перехода, когда определённые силы, искусственно разгоняя социокультурные процессы, пытаются навязать, провести (зачастую в ситуации неопределённости, искусственной путаницы) заведомо опасные античеловеческие, антивитаальные проекты, в том числе, в виде проекта «Human Enhancement».

7. Видение уникальных свойств духовности русской культуры, в том числе, связанных с ее жизнестойкостью, внутренней ориентированностью на ценности семьи, рода, Трансцендентного, человека-личности и их способности

¹ Попов Е. А. Особенности витального комплекса русской культуры XX – начала XXI вв. Омск, 2006.

² Там же.

активизироваться в ситуации опасности на основе соборности и «общего дела», нестяжательного служения, правды, миротворчества и святости.

3.2. Процессы трансформации современной духовности в постсекулярной культуре

Рассмотрев различные версии трансформации духовности в современном обществе, выделив всё более четко опознаваемый водораздел между сторонниками неклассической постпостмодернистской парадигмы и представителями «философии сопротивления», необходимо сделать общие выводы.

Принцип фейковости. Методично искореняя Истину, подменяя ее множественными симуляциями, эпоха постсекулярности наконец-то обрела *оптимальный механизм выживания – принцип фейковости*¹. Данный принцип идеально справляется в эру манипулятивных технологий с задачей сокрытия подлинной реальности и ценностей человека за пеленой искусственных псевдоформ. Фейковость демонстрирует всю палитру *лжи* современного информационного общества: от подделки/фальшивки до прямого обмана и фальсификации (создания фальсификата), от фиктивности (фикция) до коммуникативной недостоверности в противовес истине и правде, ясности и подлинности, иначе, до дезинформации. В онтологическом смысле фейковость реализуется посредством имитации или муляжа в противовес подлиннику/оригиналу. Фейковость также означает квазифактуальное наполнение, когда за понятием не обнаруживается реальный процесс, факт, явление или следствие. В отношении культуры фейковость подменяет подлинную культуру ее имитацией – псевдокультурой. Последняя также может быть названа «фейк-культурой», не являющейся культурой в плане несения духовности, сохранения образцов подлинного творчества, раскрытия истины.

В конкретном выражении принцип фейковости проявляется в различных технологиях экспансии новой западной парадигмы в отношении остального мира, например, в виде оправдания и реализации западоцентристской искусственной

¹ Фейковость, от англ. «fake» – подделка, имитация.

программы «культуры отмены» или применительно к русской культуре – «cancel russia», приобретающей масштабные по абсурдности формы¹.

Итак, экспансия западной модели современности с ее постсекулярным, «ризомным» расположением ценностей, а в реальности с четко главенствующими утилитарно-прагматическими гедонистическими установками, в культуре опознается как доминирование фейковости, которая реализуется, подобно шулерской игре, через следующие индикаторы: бессмысленность, абсурдность, хаос, манипулятивность, плюралистичность, эгоизм, хищническая конкуренция, вседозволенность, развращенность (гендерная флюидность) и т.п.

«Сетевидность» и хаотизация как базовые характеристики западной новой духовности (антидуховности). Совсем не случайно, что в качестве усиливающегося тренда стали доминировать сетевые теории, интернет-метафоры, личности-сетевики, что сопровождается «скатыванием» всего многообразия культурных форм в виртуальную алгоритмическую цифровую реальность. Отсюда привычная картина будущего – господство виртуальной и дополнительной реальности (VR & AR) и предпочтительное пребывание в них в ущерб физической реальности и жизни как таковой². Наиболее правдивый перевод слова «сеть», или, точнее, «всемирная сеть» – это силок, петля, паучья паутина, ловушка, или на древнерусском: пругло, тенета, западня. Напршивается мысль о некоей неочевидной опасности: там, где есть паутина, там есть и пауки. Здесь вспоминается обеспокоенность персонажа из «Властелина колец» Радогаста по поводу большого леса³. Сетевой принцип не предполагает возвышения, развития, поступательного движения вверх. Он, наоборот, предполагает застревание, бег по кругу, ложные усилия, трату сил, бег на месте. Сеть в значении «западня» может быть общим обозначением выбранной траектории компьютеризации, редукции

¹ Движение «Cancel Russia» означает шовинистическую акцию по «стиранию» или «отмене» России (разновидность остракизма, культурного бойкота): элиминировать ее историю, переименовывать произведения культуры, игнорировать факты. Например, картину Э. Дега «Русские танцовщицы» переименовали в «украинских»; отмена концертов классической музыки русских композиторов, отмена Чехова, Пушкина и т.д.

² Создаются предпосылки ситуации, обратной той, что представлена в фильме «Матрица». Там герой спасал людей из рабства матрицы, здесь же люди сами добровольно (под воздействием манипулятивных технологий и через массовую культуру) обрекают себя на жизнь в матрице.

³ Цитата из диалога Радогаста и Гендальфа в книге Дж. Толкиена «Властелин колец»: «Зелёный Лес болен... Тьма поселилась в нём. Ничего больше не растёт, в воздухе пахнет гнилью... но хуже всего паутины! Пауки, Гендальф!».

реальности и самого человека к законам сети¹. Особенность западни – это ее *неочевидность*, она должна быть скрытой и, в первую очередь, привлекательной, поэтому к ней не подходят никакие тактики честного открытого противостояния, поскольку в ней нет внешне опознаваемой опасности. В историческом и мировом масштабе, возможно, она еще не явила всего своего разрушительного потенциала и не перешла в стадию «схлопывания», поглощения жертвы.

С.А. Смирнов, предложивший типологию личностей в постсекулярный период, выделяет два новейших феномена: *сеть и атомарную, автономную личность*². Культура перехода как «ни то, ни сё», состояние лиминальности (limen, лат. «порог») и есть своеобразная форма идентичности человека перехода. Атомарная личность задана сетью и мнит себя свободной, но она не является по-настоящему автономной. Пользователи, связанные в единой сети, оцифрованные и модифицированные, пребывают в «западне», вместо соборности, экклесии или братства. В выстраиваемой единой сети у субъектов довольно скоро не останется ничего приватного и личного, ибо сеть, или, вернее, ее хозяева, заявят права на все: на сознание, тело, гены, жизнь, передвижение и т.д. В сетевой псевдореальности, в структуре «тенеты» невозможна подлинная свобода. Современный человек мнит себя открытым и самоутверждающимся, но такой взгляд – иллюзия. Сеть принципиально не открыта, или, правильнее, она *кажется открытой*. Её изначальная суть – быть не тем, чем она представляется (своеобразная мимикрия), и в конечном итоге сеть закроется, исходя из своего базового функционала.

Отсюда совершенно иначе должна трактоваться и «хаотизация», намеренно одобряемая в постмодернизме и в постсекулярной культуре. Существует понятие «священного, творческого хаоса», а есть совершенно иной хаос, как аналог беспорядка, бессистемности, туманности, непрозрачности, мутности,

¹ «Пругло» или «тенета», «паучина» являются сугубо русскими понятиями, которые могут быть применены для обозначения сетевых антикодов. Так, например, если один из кодов русской культуры – это соборность и всеединство, то антикод, отражающий псевдодуховность, – это сеть, тенета или западня. Само слово «западня» имеет некоторую схожесть со словом «Запад».

² Смирнов С. А. Человек перехода. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/smironov-sa/chelovek-perehoda>.

неопознаваемости, множественности, бесконечной изменчивости, скользкости, мировой мимикрии, которые возводятся в норму или ставятся на место порядка, ясности, иерархичности, структурированности и творческой простоты. Отсюда возможно прописать механизм работы хаотизации в современной культуре, когда с его помощью осуществляется подмена базовых принципов и ценностей на безосновные, фейковые (паразитические по своей сути) установки. *За намеренной хаотизацией скрываются ложные и разрушительные смыслы, которые людям хотят насильственно навязать.* Их скрытость объясняется абсолютной непривлекательностью, онтологической античеловечностью¹, неприемлемостью, антивитальностью, если их преподнести в явной форме. За кажущейся сложностью открываются следующие смыслы:

1. Трансформация человека в киборга, гибрида, зомби с необратимыми последствиями.
2. Отказ большинства людей от жизни в реальности в пользу существования в симуляции.
3. Отказ от национальных государств в пользу унитарного цифрового конгломерата с трансэлитой во главе.
4. Отказ от культуры в пользу искусственных шаблонов развлекательной индустрии.
5. Отказ от духовности в пользу псевдодухности или «новой духовности» популяризованного оккультизма.

Учитывая данную специфику, рассмотрим трансформацию духовности на следующих уровнях: понятийном, онтологическом, гносеологическом и антропологическом, включая ряд вопросов этического порядка.

Понятийный уровень. Рассмотрим сам механизм выстраивания и наполнения понятий, в том числе, и в трансгуманизме.

¹ В воображаемых мирах постгуманистов и трансгуманистов, например, в работах Д. Харауэй или Р. Брайдоти всегда защищается разнообразная хаотическая субъективность, но она почему-то наделяется сугубо человеческими чертами: эмпатией, коммуникабельностью, состраданием и т.д. Здесь классическая ситуация – выдавать желаемое за действительное. Если уже сейчас, человек, увлекающийся телефоном, сетями меняется порой не в лучшую сторону, то с какой стати останется что-либо человеческое в ситуации господства различных нечеловеческих сущностей?

В случае теоретического раскрытия подлинной духовности ее понимание оказывается *многоуровневым, понятия качественно усложняются, когда каждый следующий уровень вбирает предыдущий и не противоречит ему (всё полновеснее раскрывая смысл, погружая в смысл), тем самым лишь усиливая и усложняя (наполняя) общий концепт.* В сообществах с подлинной духовностью ее практическое воплощение включает единство, соборность, глубокое доверие, понимание «общего дела», когда учитель готов защитить или пожертвовать собой ради учеников.

Для «новой духовности» характерна следующая закономерность её реализации: *каждый следующий понятийный уровень отменяет предыдущий, отдаляет и/ или противоречит ему, вплоть до противоположного смысла или вектора.* Это классический механизм в ряде оккультных сект, где восхождение неофита проходит по стадиям: от внешней к внутренней с полным изменением первоначального посыла и ценностного смысла. Люди из одного круга не знают представителей следующего, а первичный круг неофитов используется вышестоящим, жертвуется ради целей и самоутверждения высшего уровня. Подлинные цели и механизмы не известны профанам. Здесь нет подлинного единства, единения, братства в настоящем смысле слова.

Учитывая вышеприведённую закономерность, выделим следующие уровни использования понятий в «новой духовности» и трансгуманизме:

1. Использование понятий в их прямом смысле, где ЛГБТ-ценности, флюидность лежат в основе вероучения, в основе понимания вселенной и общества¹. Аналогично некоторые популярные сатанистские группы открыто почитают Сатану как вселенское зло, а членство обусловлено открытой мизантропией: «Убей себя, спаси планету» и т.п.

2. «Метафоричные» понятия, которые изначально являются метафорами, языковыми лингвистическими конструкциями, но в силу доминирования

¹ Движение VenusPlusX, созданное «гуру»Дэном Мэсси и изначально позиционируемое как «всеобщая любовь». Д. Мэсси отстаивает и защищает нетрадиционные ценности: духовность через секс и гендерные свободы (учение книги Урантии). Его же организация – COLUMBIA, где дается «новое понимание сущностной духовной ценности эротического удовольствия».

постмодернистской философии они выходят за границы своего функционала и становятся как бы «научными, рациональными, фактологическими» определениями, например «компьютерная работа мозга», «человек-киборг».

3. Понятия «с двойным дном», которые могут иметь противоположные значения для внешнего круга обывателей («неподготовленных») и для внутреннего круга. Так, у трансгуманистов для «биомассы» проект «Human Enhancement» позиционируется как усовершенствование всех конкретных обычных людей до состояния супермена, но в элитарных кругах данный проект понимается как разноуровневое внедрение технологий, в силу чего люди начнут различаться друг от друга, по словам его идеологов, как обезьяны отличаются от людей или еще сильнее.

4. Понятия -«фантомы» – изначально фантастические, «сказочные» понятия, способные вырастать в целые сложные комплексы и программы, однако не имеющие под собой реального научного обоснования не только в смысле «еще не открытая технология», а в смысле принципиальной невозможности своего устройства или функционирования. Отсюда множество новейших трансгуманистических мифов, которые вызывают улыбку, недоумение или жесткую критику со стороны серьезных ученых. Поэтому существует известная аналогия у профессиональных ученых: разделение литературы на серьезную научную фантастику и мифологизированные фэнтэзи. Последние не могут служить основой для реализации какой-либо идеи в реальном мире. Многие кибернетики и программисты недоумевают насчет множества проектов построения мира будущего с «человеческими» характеристиками. Трансгуманисты часто заранее описывают человека через технические понятия, а потом проецируют это понимание, например, на права будущих роботов и гибридов, что выглядит как борьба против дискриминации, расизма и т.д. Здесь изначально используется подмена понятий: процесс рождения уравнивается с процессом сборки, а организмы как бы сливаются с механизмами. Также не учитывается духовная составляющая человека, его трансцендентность.

Приведем еще одно типичное допущение для теорий «новой духовности» – это *несоразмерные оппозиции*, где противоположности не равны изначально, не происходят из одного класса, а онтологическим понятиям противопоставляются *заменители-эрзацы*:

1. Трансцендентное (Бог, Абсолют) заменяется на сакральное (предпочитается термин «sacer» вместо например «sanctus»)¹, а сакральное, в свою очередь, заменяется на некое «индивидуальное ощущение или аффект» или «духовный самодел» (от англ. «spiritual do-it-yourself composition»)².

2. Человек (Субъект) подменяется субъективностью, нечеловеческими агентами и даже постчеловеческой субъективностью.

3. Мир реальности заменяется на кажимость, проективную модель Вселенной, где ее, в конечном счете, можно свести к компьютерной метафоре³. Отсюда становится проще манипулировать и всеми ее атрибутивными качествами.

4. Духовность трансформируется в «спиритуалити», в «новую духовность», в которой могут быть сведены к минимуму атрибуты духовности или не присутствовать вовсе.

5. Жизнь искусственно разлагается на составляющие («зои» – это якобы вся жизнь, и «био» – жизнь человека) для включения в нее нечеловеческих существ и искусственных объектов.

6. Сознание заменяется или редуцируется к мозговой активности, обозначив приоритет нейроэтики, картирования мозга, с четким указанием соответствия нейронных связей, участков мозга с той или иной эмоцией, или функцией сознания и т.п.

7. Знания подменяются информацией. Отсюда уравнивание и затем возвышение цифровых образовательных технологий, тестирований вместо передачи живого знания от учителя к ученику.

¹ Забияко А. П. Топография Священного // Религиоведение. 2012. № 1. С. 124.

² Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. Выпуск 1. Т. 33. С. 258.

³ Бостром Н. А не живем ли мы в «Матрице»? Указ. Соч. URL: <http://altfuture.narod.ru/Future/bostrom3.htm>

8. Творчество заменяется креативностью как технической способностью на постоянной основе продуцировать новые идеи – схематично, рутинно, быстро (беглость как признак креатора), алгоритмично. Здесь не требуется вдохновение, современные деятели искусства перестали быть художниками, а стали креаторами.

9. В сфере цифровых технологий навязывается лишь один сценарий, единственная траектория, ради которой блокируются все альтернативные и конкурентные (зачастую более перспективные, дешевые и качественные) цифровые продукты: программы, системы кодирования и т.п. Наблюдается диктат монопольных компаний с целью усиления контроля и доминирования. Так, Дж. Ланир, будучи профессиональным программистом¹, тем не менее, отстаивает позицию, рассматривающую человека-личность как тайну, принципиально не раскрываемую с помощью сциентистских методов. Он пишет о навязываемой нечистоплотной социальной инженерии со стороны ИТ-индустрии, не имеющей знаний и прав на вмешательство в человеческую личность, однако использующей свои возможности для манипуляций². Метод, с помощью которого унифицируется и редуцируется весь возможный опыт лишь до одного варианта, Дж. Ланье называет «фиксацией... философия застывшего программного обеспечения», которая ликвидирует всё, что не вписывается в ее границы³.

Один из приемов постпостмодернистской парадигмы – это игнорирование глубинной сущности чего-либо, поскольку она не способна понять само содержание, тайну, так как это дело метафизики. В постмодернизме акцент сосредоточен на описании и считывании формы (подход фреймов, акторно-сетевой теории, ассамбляжей и т.п. – рамочный подход), прощупывании границы, работы по типу «удавки» в отношении живых систем. Отсюда усилия сосредоточиваются на реальной возможности контроля, путем сдавливания, ограничения свобод, манипуляций, минуя понимание глубинных процессов. Вместо разнообразия

¹ Джарон Ланир считается автором термина «виртуальная реальность».

² Ланир Дж. Вы не гаджет. М., 2011. С. 7.

³ Там же. С. 6–8.

внедряется *унификация* на всех уровнях, и, таким образом, всё развитие идет исключительно по одной линии.

10. Новейшие англицизмы разбавляют русскую культуру элементами массовой культуры. Например, общеупотребительное слово «слава» заменилось на «хайп». Если во многих языках слово связано со способностью «услышать», то хайп – это уже агрессивный негармоничный шум. Познавательный мыслительный процесс заменяется словом «погуглить» и т.п. Так слово «гаджет» очень точно указывает на такое своё свойство (от англ. gadget — «штуковина, приспособление, устройство, техническая новинка, примочка, безделушка, приبلуда»), как *умение отвлекать наш ум*. В современных условиях постоянного присутствия в сети человеческий ум вовсе теряет способность концентрироваться на чем-либо, а гаджеты-приблуды лишь сильнее «разгоняют» его скорость.

Выделим теперь направления трансформации духовности на нескольких уровнях.

Онтологический уровень. Метафизика духовности против плоской онтологии или симуляции онтологии. Налицо устойчивая тенденция редуцирования духовности в формате «новой духовности» к тому, что сегодня наиболее полно отражено в НБИК +(С) технологиях. В итоге в сфере философии всё разнообразие ее направлений редуцируется к цифровой философии и к нейрофилософии. Практически у всех постмодернистских и акторно-сетевых теорий есть одна общая основа – лишь *отношения, рамка, форма, следствие*, но нет субстанции, сущностей (антиэссенциализм), первопричины, содержания, нет уникальности, но есть эмерджентность. Постмодернистские игры с онтологией родили очередную *симуляцию онтологий в теории ассамбляжей* (проект Деланда¹ как продолжение идей Делёза) в рамках антиэссенциалистской метафизики, преодолевающей дихотомию части и целого с помощью понятия ассамбляжа². Есть сборка (ассамбляжи)³, но нет гармоничной целостности. Фреймы, акторы и

¹ Деланда М. Новая философия общества; DeLanda M. Assemblage Theory. Edinburgh, 2016.

² Шевченко В. Что не так с теорией ассамбляжей // Логос. 2020. Т. 30. № 5. С. 132–133, 135, 159.

³ Там же. С. 131–164.

программы легко поддаются различным манипуляциям. В отношении культуры наблюдается идентичная ситуация, постоянные попытки преодолеть или «склеить» природу и культуру. Аналогично решается еще одна проблема-барьер – это вопрос свободы воли. Нейрофилософам принципиально важно преодолеть вопрос *свободы воли* и заключить его в физикалистский каркас. Отсюда консеквенциалисты через *конструктивистский постмодернизм* редуцируют человека до «машинного» разума, где вопрос свободы быстро снимается и решается технической регулировкой.

Нейробиологическая трактовка сознания дополняется моделируемой концепцией вселенной, вычислительным подходом и компьютерной метафорой. В итоге возникает фантом дигитальной онтологии (конструкции). На уровне современных манипуляций в сфере общественного мнения можно сколь угодно много моделировать виртуальные миры и помещать в них «загруженные сознания» (анг. «uploading consciousness»), объявив, таким образом, возможность достижения главных целей – абсолютного бессмертия и безопасности. Однако как бессмертие, так и безопасность не гарантированы в реальном мире и не гарантированы в мире виртуальной матрицы. Постсекулярная эпоха с ее постсекулярной культурой, таким образом, стремится к заполнению практически всего социального пространства манипулятивными технологиями, отчего принцип фейковости и становится базовым во всех сферах человеческого бытия.

Физикалистские эмерджентистские теории сознания стремятся обосновать возможность и пользу такой процедуры, как «загрузка сознания», например, путем переписки/сканирования содержащихся в мозгу данных на цифровой носитель (см. идеи кибернетического трансгуманизма, «загрузки сознания» у Н. Бострома, Г. Герцеля, трактовку эмуляции в программировании у У.С. Бейнбриджа). Представители дигитальной философии используют методы чрезмерных упрощений и допущений. Во-первых, человек (личность) не равен алгоритму или компьютерной программе. Во-вторых, эмулированная копия (эмуляция), равная объему воспоминаний, оценок, заснятых на видео фрагментов из жизни (внешних проявлений) даже близко не воспроизводит всего человека. В-третьих, программы

пишутся программистами по конкретному алгоритму, и уже здесь есть известные рамки. Все вышеперечисленные особенности не способствуют созданию реального прототипа человека, как бы внешне похожим кибернетическое изделие ни выглядело. Здесь совершенно не учитывается «тайна сознания», его несводимость к исключительно мозговой деятельности, его связь с сердцем и т.д.

Рассмотрим подробнее ряд оснований, на которые полагаются концепции «новой духовности» постсекулярного мира, включая трансгуманистические теории.

Мир, объективная реальность, наличие физической и духовной реальностей заключаются в одну виртуальную моделируемую реальность. Последняя якобы формируется нами же, людьми из будущего, или параллельной вселенной, сверхлюдьми. Здесь нет ничего удивительного или нового: людям всегда было свойственно редуцировать свое понимание основ мира до наличествующей ведущей научной парадигмы, например, механистической картины мира в Новое время, затем различных теорий, связанных со свойствами электричества, которые экстраполировали на работу человеческого мозга. В настоящее время, в силу доминирования ИТ-технологий, программирования и цифровизации, наблюдается засилье программистских узких трактовок видения устройства Вселенной. Отсюда популярность модели «матрицы».

Вслед за распространением теории моделируемой Вселенной, отрицающей существование объективной реальности, возникает тенденция и человечество поместить в виртуальную реальность. Отсюда логически необходимо помещать *культуру, или, вернее симуляцию культуры, в цифровой мир. Формируется фейк-культура*, которая становится базовой в компьютерной виртуальной культуре. Последняя, все больше отрываясь от реальности, пытается игнорировать законы объективного мира в сознании человека. Помимо ценностей и норм потребительского общества, в компьютерную культуру активно вводятся упрощенные оккультно-магические представления.

Генная революция. В силу революционных открытий в области генетики появились упрощенные модели теперь уже нейро-нано-генетического человека. Во

многим такое воодушевление трансгуманистов обусловлено открытием технологии редактирования генов, отсюда возможность реализовать политику дизайнерских детей. Проект «человеческих усовершенствований», который пытаются преподнести и как моральное усовершенствование, – это, опять же, вводящий в заблуждение редуционистский термин, предполагающий лишь биоусиление человека или воздействие на него через фармацевтику и т.п.

Духовность неразрывно связана с жизнью. Но так ли ценят жизнь в постпостмодернистский период и как манифестируется жизнь в постсекулярной культуре: искусстве, литературе, кино? Термины «жизнь», «живое», «существование» – очень важные понятия, которыми довольно легкомысленно пользуются трансгуманисты и прикрываются ими, как щитом, от «узких, консервативных, архаических, традиционных философских и религиозных построений и аргументации». Однако, опять же, в сравнении с российским витализмом, пониманием сущности жизни в русской религиозной философии, такие построения оказываются неглубокими, несистемными, «игрой слов и игрой в интеллектуализм». В настоящее время усиленно навязывается новая трактовка жизни, где по сценарию-кальке происходит расчленение понятия «жизнь» на составляющие, где живое, человеческая жизнь оказываются частью, и притом, менее существенной и меньшей. В этом направлении реализуют свои теории постгуманисты и феминистки последней волны. Так выстроена аргументация Р. Брайдотти, солидарная идеям Д. Харауэй, представленная в теории «Зоецентричного эгалитаризма»¹. Здесь уместно вспомнить известную оппозицию, реализующуюся в культуре: любовь к мертвому – некрофилия и любовь к жизни и живому – биофилия. Рассматривая черты некрофилии, Э. Фромм подчеркивает вещизм, механицизм, тягу убивать². Мнение Фромма логично распространить и на трансгуманизм с его технизацией, гибридизацией, виртуальностью, редактированием генов, суицидами, тягой к роботам и поклонением

¹ Брайдотти Р. Постчеловек. М., 2021. С. 117–119, 120.

² Фромм Э. Душа человека, ее способность к добру и злу. М., 1992. С. 32.

Искусственному Интеллекту. В итоге трансгуманизм – это последовательное развитие любви к мертвому/неживому, или некрофильство в высшей своей точке.

Этические вопросы и свобода воли. В рамках либертарианства и консеквенциализма свобода и мораль верны лишь в том случае, если приносят некий позитивный результат, какими бы путями он ни достигался. В связи с редукцией к просчитываемым нейромоделям мозга, все разнообразие этических систем начали сводить к нейроэтике. Последняя опирается на нейробиологию, нейрофилософию и даже нейротеологию. Продвижение программ конвергенции НБИК-технологий, особенно трансгуманистическими идеологами, подменяет всю науку узкосциентистским цифровым форматом. Нейроэтика основывается на представлениях о «новой духовности» и на ее вариации «техно-духовности», когда все проблемы сознания: отклонения, страхи, неправильные ценности и поведение будут решаться технически с помощью воздействия на мозг, опирающиеся на некие принятые стандарты правильного состояния сознания. Как считает Б. Герцель, не нужно будет мучительно и долго работать над собой (да это и неэффективно), достаточно принять таблетку или пройти нейротерапию, но, скорее всего, такие проблемы будут решаться на уровне эмбриональной терапии с помощью редактирования генов. Ф. Фукуяма выступил резко против трансгуманизма во многом из-за такой редукции этики и представлений о сознании, когда даже современные, относительно слабые меры воздействия в виде повсеместного назначения антидепрессантов «прозака» (пассивным девочкам) и «риталина» (гиперактивным мальчикам) вызывают неприятные и опасные побочные эффекты. Однако такой фармацевтический контроль уже дает возможность приблизиться к некой *средней андрогинной личности*.

В свете экспансии «новой духовности» во все сферы культуры, представляется значимым выделить определенные качества подлинной духовности и сопоставить их с качествами «новой духовности» на всех уровнях: личностном, групповом, народном, цивилизационном, общечеловеческом.

Подлинные основания Духовности нельзя схватить или описать исключительно рациональными научными методами, однако они опосредованно

явлены в более конкретных формах бытия. Отсюда *онтологию духовности* возможно рассматривать через следующие основы:

1. Духовность подразумевает наличие Трансцендентной реальности.
2. Духовность воплощает высшее познавательное свойство – возможность разумного постижения Истины человеком, а также мудрость как возможность культивировать цельное, живое интегративное знание («живо-знание») в глубинах сердца, где в полной мере реализуются многообразные способности ума.
3. Духовность всегда содержит и определяется через духовно-нравственную составляющую. Отсюда нельзя игнорировать нравственное начало (абсолютное добро), ценности, которые четко маркируют состояние той или иной культуры.
4. Духовность теснейшим образом связана с понятиями «жизнь», «живое». Отсюда виталистические концепции всегда тесно сопряжены с темой духовности.
5. Духовность содержит и являет подлинную красоту, прекрасное, что также тесно сопряжено с жизнью и остальными атрибутивными качествами.
6. Духовность проявляется в человеке посредством творчества, деятельного начала, созидательного преобразующего импульса.
7. Духовность являет собой и родовое начало человека, собственно человеческое.

Исходя из всего вышеизложенного, Духовность *предстает как главная характеристика культуры и человека.*

Отсюда выделим некоторые характерные качества «новой духовности» (антидуховности), включая ее проявления в трансгуманизме:

1. Отрицание духовной реальности в теории Моделируемой вселенной, компьютерной матрицы, дигитальных моделей видения реальности. Это не исключает своеобразного «духовного сегмента» в виде виртуальной инфернальности с оккультно-магическими элементами.
2. «Новая духовность» полагается на гедонистические прагматические основания, принципы «морфологической свободы», амбивалентности, вседозволенности, постгендеризм, где целомудрие – табу и «порок», где высшая ценность – Удовольствие/Польза/Выгода. Все, что не укладывается в моральный

кодекс, но «рационально, удобно, приятно», с точки зрения гедонистов, должно легализоваться, а всё, что этому мешает, прикрывается ярлыком «*моральная контузия*». Дж. Хайдт обозначил ситуацию, когда люди отрицательно относились к инцесту, который исключал главное – рождение детей с генетическими отклонениями, но если детей не будет, то брат и сестра вполне могут позволить себе получать сексуальное удовольствие. Так, П. Сингер оправдывает «эффект моральной контузии (отключение способности к суждению по моральным причинам)»¹. Аналогично выстраивается логика аргументации гомосексуализма, эвтаназии, евгеники (см. тезисы П. Сингера о том, что далеко не каждая жизнь священна!)².

3. «Новая духовность» опирается на *антижизнь*, на некрофильские основания, на живое, совмещённое с искусственным, неживым, механическим, «ни живым, ни мертвым», миром полужомби, неумирающих мертвецов, самоубийц по привилегиям;

4. «Новая духовность» опирается на плюралистическую антиэстетику: безобразное, гибридность, полуформы, веридоги, кибердизайн.

5. «Новая духовность» основывается на просчитанном, контролируемом, «уже имеющемся» программном обеспечении. Она не знает *творчества*, не знает созидания, существует по принципу паразитирующей сущности.

6. «Новая духовность» являет собой конгломерат однотипных субъектностей, поскольку при всей сложности конструкции и дополнений, она проистекает и контролируется некими установками, которые «строятся из имеющегося».

7. «Новая духовность» формирует *иной тип культуры – нейрокультуру* (альтернатива *нейроредукционизму* – это отчасти концепция дуализма У. Пенфильда³, некоторые выводы М. Газзаниги⁴ и Ф. Коллинза,⁵ а также Л. Кааса⁶ и

¹ Сингер П. О вещах, действительно важных. Моральные вызовы двадцать первого века. М., 2018. С. 144.

² Там же. Данный тезис отстаивается по ходу всей книги П. Сингера.

³ Пенфилд У. Мозг. Тайна разума. М., 2019.

⁴ Газзанига М. Сознание как инстинкт: загадки мозга: откуда берется психика. М., 2022.

⁵ Коллинз Ф. Доказательство Бога: аргументы ученого. М., 2009.

⁶ Kass Leon R., The Wisdom of Repugnance: Why We Should Ban the Cloning of Humans, 1998. 32 Val. U. L. Rev. URL: <https://scholar.valpo.edu/vulr/vol32/iss2/12>

др.). Трансгуманисты действуют, как шулеры, джокеры или триггеры от науки, формируя нейроэтику, нейротеологию, нейротеорию сознания и т.п. Одновременно это дополняется *культурой отмены* как оружием против неугодных конкурирующих культур. В качестве продолжения информационной культуры развивается *фейк-культура*. В продолжение потребительской массовой культуры развивается нарциссическая культура.

В этике совершается тихая революция посредством таких деятелей, как П. Сингер, который, дополняя работы Д. Харауэй, поддерживает нейроэтическую заданность этики. Он является одним из создателей *философии эспецизма* (англ. *Speciesism*, русс. «видовое разнообразие»), в которой допускается некое этическое поведение у нечеловеческих субъективностей, у пара-людей и машин¹. Продвижение подобной философии начиналось классическим путем западных либертарианцев через борьбу за права животных. Якобы к ним относятся жестоко исключительно потому, что отчасти в нас действуют установки расизма в отношении животного мира. Приводится множество примеров жесткого обращения, эксплуатации животных человеком и предполагается, что если животных «уравнять» с человеком, то эти проблемы исчезнут. Если человек является высокодуховной личностью, то все в его окружении, включая животных и растительный мир, окружены заботой и любовью. П. Сингер и ему подобные, используют формальный предлог «защиты животных» для совершенно иных целей. П. Сингер, как экофилософ, предлагает опять же известный прием уравнивания, который теперь должен быть отработан на мире животных. Но фиктивный или внешний принцип равенства не способен решить базовую проблему данной философии – защитить животных от жесткого обращения.

Гносеологический уровень трансформации духовности необходимо рассматривать через следующие оппозиции: возрастание духовности через цельное живое знание, которое возможно в едином умо-сердечном познании (философия сердца в трудах русских философов) и псевдодуховность, или «новая духовность»,

¹ Барышников П. Н. Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 1 (7). С. 103.

позиционируемая через технизацию, использование в познании цифровых посредников, «загрузку сознания» как обретение цифрового бессмертия вместо метафизического бессмертия. У трансгуманистов в качестве максимально передового, ускоряющегося в масштабах управляемой эволюции, типа мышления, как адекватного вхождению в эру Сингулярности, предлагается «экспоненциальное мышление» (exponential thinking, exponential mindset)¹.

Данная оппозиция накладывается на противостояние Истины (в предельном случае вечной и абсолютной) и множественности версий псевдоистины, фейковости. Последняя, в силу бесосновности, отрицания объективной реальности обречена на вечное «обновление», в силу ускоряющегося старения (потери актуальности). Отсюда новому типу мышления, позиционируемому в соответствии с «новой духовностью» – или, в случае трансгуманизма, по версии Р. Курцвейла, как «экспоненциальное мышление» – соответствует «экспоненциальное устаревание».

Подлинная духовность, базирующаяся на вечных истинах, свободная от временных и пространственных ограничений, всегда остается актуальной, ясной, предельно «человеческой». При условии правильной реализации духовность активизируется и преобразует человека в любой исторической эпохе, при любом уровне развития материальной культуры, в силу своей самодостаточности.

В опыте реализации подлинной духовности особое внимание уделяется «инструкциям безопасности», внимательному отношению к духовному, ментальному, психофизическому опыту сознания (опасность скатывания в тщеславие, самообольщение, гордыню, запрет на «когнитивную всеядность» в плане имеющихся в мире знаний). В трансгуманистической же парадигме оправдывается *гносеологическая нечистоплотность* на разных уровнях: от игры с понятиями и определениями (см. выше типы ложных понятий, принцип фейковости), увлечением метафорами до откровенно фантазийных и ложных конструкций. В качестве «высокодуховного опыта» здесь может быть признан

¹ Eliezer S. Yudkowsky Singularity Three Major Singularity Schools (n.d.). URL: <http://yudkowsky.net/singularity/schools>.

психический нервный срыв, различные проявления душевных заболеваний, наркотический трип, эмоциональная экзальтация и т.п. В западном коммуникативном пространстве, возможно, как закономерный итог легализации постмодернистских норм, наблюдается реализация и одновременное становление «новой духовности» в паталогическом одобрении симуляций истины. Ложь становится все более многообразной (манипулятивные технологии), когда даже на геополитическом уровне становятся обыденностью практики наподобие «хайли-лайки»¹. Отсюда ведение диспута, разрешение конфликта, убеждение противной стороны на основе обращения к фактам и Правде, становится невозможным в принципе. Правда, как цельное единение истины и ее практического выражения, здесь никого не интересуют.

С точки зрения подлинной духовности, такой принцип, как компромиссность в отношении заведомо известных манипуляций, должен быть исключен. Ситуация компромисса задает манипулятору-шулеру возможность «зацепить» правого оппонента и спровоцировать у него сомнение или согласие.

Итак, «новая духовность» обуславливается однотипным познавательным разнообразием при условии «гносеологической нечистоплотности»: отсутствием признания объективной Истины, множеством произвольных версий, сценариев в авторских траекториях и авторских вселенных.

Идеальные проекты трансгуманистического сверхзнания или суперспособностей рекламируют моментальное подключение к информационному контенту: все в единой сети, мегабиблиотека с параллельными ссылками, отсюда возможная сверхвласть ИИ (его всезнание определяется совокупностью подключенных сознаний транслюдей и постлюдей). Подобные «гносеологические мифы» являются результатом ложных дихотомий: биологической и небологической составляющих человека. Делая ставку на нейрофилософию, зачастую игнорируют экспериментальные данные, в частности, «изучение

¹ Фразеологизм «хайли-лайки» от англ. *highly likely* – «с высокой долей вероятности», «весьма вероятно», «скорее всего», присутствует в общественном формате как манипулятивная технология обращения с общественным мнением.

нейрофизиологических процессов в мозге человека показало, что скорость перемещения потенциала действия вдоль нервного волокна и время синоптической передачи не обеспечивают существующее быстродействие механизмов мышления и памяти, т.е. процессы мышления и памяти происходят на долю секунды быстрее, чем передача нервных импульсов... (ранее У. Пенфилд приводил множественные доказательства на примере опроса своих пациентов во время операций на мозге). Разум всегда стоит выше содержания нашего мозга. Это абсолютно независимая сущность. Разум приказывает, мозг исполняет. Мозг – это посланец к сознанию»¹. В некотором смысле косвенные доказательства возможности локализации сознания не в мозге встречаются у того же нейробиолога У. Пенфилда. Аналогичная позиция у Дж. Экклза в книге «The human mystery»²: «...Совершенно очевидно, что интеграция активности в центральной нервной системе, обеспечивающая возможность существования сознания, происходит не в коре полушарий головного мозга»³. «Доказанным фактом является наличие тесной взаимосвязи между состоянием психики и состоянием мозга и нервной системы, однако это вовсе не обязательно означает, что разум рождается в мозге»⁴. Сами трансгуманисты признаются, что у них отсутствует объективное научное понимание работы сознания⁵. Отсюда необходимо правильно понимать механизм действия НБИК-технологий, которые оказывают воздействие на мозг, кровь, нервные окончания и т.п., на тело испытуемого, а через тело человек связан с остальной частью сознания. Поэтому технологии порабощения тела автоматически действуют и на дух, пребывающий в теле.

Философия сердца как путь к подлинной духовности. Сердце – это экзистенциальный орган. Сердце предстает некой осью или точкой пересечения двух аспектов единого бытия: духовного и материального. Сердце образует центр личности, ее глубинное ядро, гармонизирующее эти начала в своем

¹ Пенфилд У. Указ. Соч. 145, 154, 157, 171, 205–207, 248.

² Stephen R. L. Clark & John C. Eccles The Human Mystery // Philosophical Quarterly. 1985. № 35 (140). P. 323.

³ Пенфилд У. Указ. Соч. С. 244, 245.

⁴ Баловнев Д. А. Дуализм и буддизм – параллели и точки сближения с нейробиологией // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 1. С. 60.

⁵ Интервью Ломена А. Ника Бострома и Дэвида Пирса «Кронопис». URL: <https://www.hedweb.com/transhumanism/russian.html>

многоуровневом функционировании. Вместе с тем, сердце есть синергийный центр, т.е. центр, в котором пересекаются два вида энергий: божественная и собственно человеческая. В работе «Человек перехода» С.А. Смирнов делает несколько отсылок к разновидностям «философии сердца» в работах С.С. Хоружего¹ и О.И. Генисаретского², обращаясь к синергии и опыту обожения через сердце³. Отсюда может быть объяснена природа вдохновения как связанного с синергетическими процессами в одухотворенном сердце. Именно в сердце происходит таинственное соединение идеального и материального миров. Отсюда становится понятным и его свойство отражать предельно имманентное бытие и предельно Трансцендентное бытие. В гносеологическом плане подлинная духовность отражает способность реализовывать умудренное неведение, живой опыт, сердечное созерцание. Последнее возможно в чистом сердце, как органе вслушивания и вчувствования⁴.

Антропологический уровень. Противостояние: человек vs транчеловек/постчеловек. Налицо ситуация реальной опасности потери человеком своей сути, как в настоящем, так и в будущем (в своих возможных детях), поскольку проект радикальной киборгизации посредством реализации схемы «транчеловек – постчеловек» полностью ликвидирует человека как родовую сущность и как личность. Такое техническое «усовершенствование» не только является альтернативой другим способам улучшения человека, но полностью закрывает возможность преобразования человека. Подлинный теозис возможен только при условии сохранения настоящего – целостного и подлинного – человека, который, очищаясь и преображаясь, воплощает формулу «богочеловека» в противовес «сверхчеловеку», «постчеловеку», «человекобогу» или, скорее, «человеко-зверю». Только в неспешном ожидании естественной готовности, духовного созревания к преобразению, когда не ущемляется свобода

¹ Хоружий С. С. Исихазм как пространство философии // Вопросы философии. 1995. № 9. С. 80-94; Хоружий С. С. Диптих безмолвия // После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994.

² Генисаретский О. Г. Культурно-антропологическая перспектива // ИНОЕ. Хрестоматия российского самосознания. М., 1995.

³ Смирнов С. А. Человек перехода. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/smironov-sa/chelovek-perehoda>.

⁴ Хвастунова Ю. В. Познавательные способности сердца: религиозно-философская традиция и современные интерпретации. Горно-Алтайск, 2007.

и реализуется нравственно-духовное восхождение в сердечном центре, раскрывается подлинный совершенный человек. В трансгуманистическом проекте «Human Enhancement», осуществляется ускоренный и насильственный (согласие достигается через манипуляции) разъем-препарирование человека и встраивание «дополнений» в отграниченное человеческое тело.

В.Г. Кириленко¹, исследуя теории «совершенствования человека», отделил антропологическую группу, продолжающую традиции русской религиозной философии и раскрывающую человека в максимально «щадящем» режиме, учитывая его сложность, антиномичность, «сакральную природу»², от противоположного лагеря – трансгуманистов. Само деление он обозначил как доказательство проявляющихся двух тенденции: *деантропологизации и реантропологизации* философского дискурса³.

Для оценки трансгуманизма достаточно проанализировать проект «Human Enhancement», который у профанов может вызвать восторг (см. реакцию биохакеров), но у мыслящих людей, такой проект вызовет чувство ужаса и отторжения⁴.

Сам проект «Human Enhancement» имеет различные вариации, но содержит ключевые общие *антропологические* характеристики трансгуманизма:

1. Постгендеризм – отсутствие гендерных признаков или одновременно присутствие всех признаков (флюидность).

2. Генная стерильность, когда с помощью генной инженерии, редактирования генов можно исключить все болезни, опасные мутации, гены, отвечающие за агрессию и т.п..

3. Когнитивные сверхвозможности: ускорение всех мыслительных операций, уподобление вычислительной машине путем присоединения к единой базе данных или быстрому доступу к сети, или модифицирование нейронных связей,

¹ Кириленко В. Г. Философско-антропологический анализ идей совершенствования человека в XXI веке. М., 2022.

² Ростова Н. Н. Аджорнаменто антропологии... Указ. Соч. С. 731–750; Ростова Н. Н. Изгнание Бога: проблема сакрального в философии человека. М., 2017.

³ Кириленко В. Г. Философско-антропологический анализ идей совершенствования человека в XXI веке. М., 2022.

⁴ Алькор. URL: <https://www.alcor.org/>

нахождение в системе сверхинтеллекта, доминирование интерфейса «человек-машина» и т.п.

4. Бессмертие и вечная молодость через перемещение сознания в аватары, цифровое бессмертие в виртуальных мирах, киборгизацию, постоянное обновление органов, крови, клеток с помощью генной инженерии, нанотехнологий и т.п..

5. Отсутствие боли и страданий с помощью генной инженерии, токовой терапии, дизайнерских наркотиков.

6. Отсутствие естественной смерти, но обязательная эвтаназия, модификация тела и сознания (множественные субъективности, постчеловеческие субъективности, номадические субъективности не унитарного субъекта и т.п.).

В настоящее время трансгуманисты используют стратегию рекламы наиболее приемлемых тем на мировом уровне и через нее реализуют остальные проекты. Так, одной из актуальных тем всегда остается вопрос долголетия, сохранения жизненных функций и борьбы со старением (см. проект реювенирования Х. Кордейро). Х. Кордейро настаивает на замене лечебной медицины (она должна играть второстепенную роль) профилактической радикальной медициной вмешательств. Отсюда важно, чтобы программы реювенирования и амортальности получали многомиллиардные инвестиции и легитимную базу для проведения экспериментов на людях¹.

Итак, модель постчеловека четко указывает на ее несовместимость с натуральным человеком, поскольку она полностью трансформирует «оригинал», без возможности запуска обратного процесса или сохранения исходного прототипа.

Опираясь на полученные результаты, представим *итоговую типологию школ трактовки духовности в постсекулярной культуре.*

1. *Русская школа религиозной философии и современные направления, условно обозначенные как «философия сопротивления».* К ней примыкают некоторые защитники человека и гуманизма на Западе: Ю. Хабермас, Д. Чалмерс,

¹ Кордейро Х. Л., Вуд Д. Указ. Соч. М., 2021. С. 213.

М. Хайдеггер, христианские философы и писатели (К. Льюиз, К. Честертон, в некотором смысле Д. Толкиен), биоконсерваторы или ученые, сторонники классической антропологической парадигмы: химики и биологи, биоэтики и т.д., где делается акцент на *подлинной метафизической духовности*¹, ее продвижении и отграничении от иных типов духовности, в частности, от «новой духовности». В условиях отказа от человека, перехода в цифровой виртуальный мир, навязывания теории моделируемой вселенной и нейроэтики, становится жизненно важным защитить с помощью развития подлинной духовности как отдельную личность, так и российскую культуру в целом, а также другие культуры в эпоху постсекулярности, обозначенную как «переходный период».

2. Сторонники видения продолжающейся секуляризации (отказ от обозначения нынешнего периода как постсекуляризации). В качестве флагманов следует указать на ученых-атеистов: Д. Деннета, Р. Докинза, П. Сингера и других.

3. Сторонники «новой духовности». Это растущая группа апологетов замены классической парадигмы на постклассическую и постпостмодернистскую с ее отказом от человека и размыванием границ между живыми системами и искусственными, отстаивающими концепт «пост-человеческих или множественных субъективностей». В плане духовной культуры, это сторонники оккультуры², т.е. культуры, базирующейся на «новой духовности», «spirituality» движения «Нью Эйдж». В российском научном пространстве – это прозападные ученые, опирающиеся на переводные трендовые западные работы, позиционирующие «новую духовность» через популяризацию социологии духовности, западного религиоведения и постмодернистской философии, включая новейшие сетевые теории. В данной группе постсекулярность понимается как период достижения некоего консенсуса между светским и религиозным сознанием.

¹ Несколько особняком, но с идентичными установками стоит теологический блок (теологический, теолого-философский, богословский). На Западе это школа «Радикальной ортодоксии» Дж. Милбанка и его последователи, в русской традиции, перекочевавшей и на Запад – это школа неопатристического синтеза (Г. Флоровский, И. Мейендорф, С. Хоружий, Х. Яннарас, И. Зизиулас и другие). В данной работе теологический блок не был рассмотрен в силу его богословского крена, что не совпадает с профилем данного исследования.

² Оккультура, см. теории Д. Кирби, Р. Гарачи, К. Кьюсака.

Однако апологеты «новой духовности» находятся в узких границах постмодернистской методологии, игнорируют, и/или отрицают иные позиции, включая богатейший опыт русской философии в вопросах подлинной духовности. Они полностью ориентируются на западные ньюэджевские тренды, по сути, являющиеся интеллектуальными «новоделами» с поверхностной ограниченной методологией. *Трансгуманистический проект, пройдя точку невозврата, фактически претендует на завершение проекта «культура».* Все свойственные культуре механизмы: творчество, вдохновение, сердечность, эмоциональность, интуитивное схватывание станут недоступны и изъяты вместе с естественным «человеком духовным».

Необходимо развивать альтернативную *защитную духовную культуру*, включающую следующие идеи и принципы:

1. Доминирование «человека духовного»: человека-тайны, в котором трансцендентное и имманентное сопряжены в сердечных глубинах. Богочеловек здесь противостоит человекобогу (трансчеловеку и постчеловеку).

2. Признание объективной реальности, телесности, сознания, жизни, абсолютных истин, целостности и подлинности в противовес искусственности/имитации. Правда противостоит «принципу фейковости».

3. Сердечное созерцание (умудренное неведение и живознание) против когнитивных практик дигитальной философии, опирающихся на принцип хаотизации и усложнений.

4. «Теозис» – естественное преображение человека против искусственных и механических «Human Enhancement Technologies».

5. Приоритет свободы над симуляциями свободы и принципами-уловками в виде «морфологической свободы», «принципа проактивности» и т.п.

6. Уважение человеческого достоинства, человеческой уникальности, моральной гигиены (чистоты и целомудрия) в противовес нейроредукции, нейроэтике, философии эспецизма. Запрет радикальных экспериментов над человеком.

7. Цельность и самодостаточность, в том числе включающие половую самоидентификацию (мужчина и женщина), реализующие возможность подлинного союза полов, крепкой семьи и братства. Они противостоят постгендеризму, квир-теориям, флюидности, ЛГБТ-ценностям.

8. Традиция¹ и разумное технологическое развитие против неофильства, технооптимизма и технопрогрессизма как стадного бега в пропасть.

9. Диалоговая культура открытости против воинствующей западоцентристской «культуры диктата» с ее навязыванием одного сценария современности, шантажа и бойкота иных культур.

10. Приоритет Красоты и служение прекрасному в искусстве против эстетизации безобразного, античеловеческого, бессмысленного в постсекулярной культуре.

11. Соборность, всеединство и иерархичность против сетевого конгломерата («сетевидности») и цифрового пост-общества.

12. Доминирование принципа служения и жертвенности, когда в культурном и социальном пространстве почитаются верность моральному долгу, добру и любви.

13. Развитие науки, базирующейся на объективных принципах человека-творца, человека-героя, где прогресс, инновации и техника являются средствами духовного развития человека, который противостоит «креатору», опирающемуся на техницизм и сциентизм.

3.3. Проявления локальной духовности в постсекулярной культуре (на примере развития новой духовности в Республике Алтай)

Для полноты картины необходимо структурно выделить еще один уровень трансформации духовности, а именно, современное региональное локальное преломление вышеозначенных явлений и процессов. Рассмотрим его на примере

¹ «...Традиция — это передача Огня, а не поклонение пеплу». — Густав Малер. Традиционализм не означает привязанность к прошлому. Это означает — жить и поступать, исходя из принципов, которые имеют вечную ценность» — Артур Мёллер ван ден Брук.

конкретной манифестации «новой духовности» в Республике Алтай. Среди разнообразных групп, реализующих авторские проекты «новой духовности»¹, в Республике Алтай выделяется продолжающаяся модифицирующаяся группа, основывающаяся на этнокультуре алтайского народа – «Алтай Жан Ак Жан»² и одновременно усваивающая современные идеи, методы и характеристики духовности «Нью Эйдж».

В контексте основных признаков «Нью Эйдж» и, соответственно, позиционируемой «новой духовности» эта группа выделяется глубоким погружением в *языческий* культурный пласт. Здесь возникает важный и очень непростой вопрос: мы имеем здесь дело с аутентичным язычеством или с неоязычеством-«новоделом»?

Мы разделяем мнение относительно искусственного характера неоязыческих новообразований. Так, В.А. Шнирельман³, А.В. Гайдуков, А.В. Гурко⁴ и другие отмечают искусственный формат образования, эклектику, синтетичность, когда смешиваются идеи и практики, не совместимые с традиционным язычеством. Одновременно наблюдается усиленное формирование идеологии единой мировой веры, что также было несвойственно языческим закрытым системам. Несмотря на существенные отличия, большинство неоязыческих групп заявляют о задаче реконструкции исконной веры. В процессе «возрождения» исконной веры включается еще один фактор – сильное влияние конкретного лидера-харизматика, который становится более значимым, нежели объективное аутентичное следование старой традиции.

Выделим ряд нюансов:

¹ Группа последователей авторской версии Белой веры: почитатели Д. Алексеевой, С.К. Кыныев (со статусом (Акай Кине с алт. «Белый правитель») и его группа, шаманка З.Т. Тырысова – земное воплощение богини Умай-Эне, инициировавшая создание программы по сакральным этнокартам в РА.

² В силу особенностей перевода с алтайского языка на русский, параллельного использования русских названий, также продолжающейся трансформации самой группы мы видим постоянную корректировку ее названия, «Каракольская инициативная группа» (КИГ), Ак-Дян, ««ЖАНЫ АЛТАЙ»-ДВИЖЕНИЕ», «Ак Жан», «Алтай Жан Ак Жан», «Белая Вера», «Алтай Дян Ак Дян», «Алтайская вера Белая Вера». Возможно, в будущем появятся дополнительные названия.

³ Шнирельман В. А. Неоязычество и национализм: восточноевропейский ареал // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1998. № 114. С. 1–25.

⁴ Гурко А. В. Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи. Минск, 2006.

1. Духовность группы «Нью Эйдж» проявляется не столько в форме традиционного язычества, сколько относительно смелыми вкраплениями, авторскими интерпретациями новых терминов и понятий, заимствованных из «Нью Эйдж».

2. Новая духовность с встроенной оккультно-магической основой – зачастую дань постязыческому периоду человечества, где языческая основа реанимируется под вывеской «возрождение язычества», а также использует в качестве аргумента идею о язычестве как проторелигии человечества или большой этнической группы, например, всех тюрков (как в случае с некоторыми вариантами тенгрианства). Однако на проверку выясняется, что «возрожденная» авторская версия не опирается ни на один из известных археологам, историкам и этнографам фактов, артефактов и в целом является очень современной. Еще одно отличие неоязычества от язычества – в том, что в древности язычники трактовали и понимали своих божеств (идолов) конкретно, с четкими антропоморфическими и/или зооморфическими признаками. Неоязычники часто не обнаруживают возвращения к древним языческим представлениям, а наоборот, используют элементы из теистических систем и современных трактовок оккультно-магических практик¹.

Необходимо различать подлинно языческую духовность с непрерывающейся традицией и *духовность, где язычество является не основным, а дополнительным или конвенциональным основанием в ряду других элементов духовности*, например духовности «Нью Эйдж». Последняя предполагает два уровня: внешнее позиционирование для профанов и внутреннее учение для посвященных.

Сетевая духовность. Наиболее современная трансформация духовности и религиозности – это *сетевая* разновидность, имеющая региональное преломление. Большое количество сетевых гуру, позиционируемых на весь мир, организующих международные ретриты, например, в Малайзии, Египте и т.п., реально локализованы в Республике Алтай или ее окрестностях. Интересно, что многие великие сетевые «шаманы» и «маги», использующие национальный алтайский

¹ Иллюстрированная история религий. В 2 т. Т. 1. / Под ред. Д. П. Шантепи-де-ля-Соссей Д. П. М., 1992.

колорит духовности, самим алтайцам не известны. Раскручиваемый бренд «алтайский шаманизм» подхватывают и те «духовидцы», которые никогда не жили и не были в Республике Алтай.

Общие черты сетевых носителей «новой духовности»:

1) онлайн-самопрезентация через выкладывание видеоматериалов на «YouTube» и в различных социальных сетях, причем многих духовных лидеров не смущает отсутствие высокого рейтинга или антирейтинг;

2) в качестве пиара используются все ситуации, включая негативные политические события, далекие от жизни и функционала самого гуру. Так, традиционно эксплуатируется мотив захоронения Укокской принцессы, а в настоящее время – СВО на Украине и коронавирус;

3) в качестве первоисточников знаний выступают вторичные и псевдорелигиозные выдержки с сайтов, порой даже собственного сочинения;

4) сетевые гуру не смущаются из-за отсутствия руководителя, наставника, учителя. Обычно большинство сетевых наставников получают «дары» «непосредственно из духовного мира» (так объясняется отсутствие необходимости в учителе);

5) наибольшее внимание сетевики уделяют религиозному духовному туризму, с элементами экологизма «Нью Эйдж». Не обладая профессиональными или даже практическими знаниями и опытом в области местной географии и передвижения в горах, они набирают группы, занимаются лечением и обучением;

6) для них характерны спекуляции на ожиданиях «конца света» и катаклизмах;

7) для придания языческого колорита культовые действия увязываются с природным календарем, циклами смены фаз луны и солнца;

8) активно используются мотивы геоэкологизма, применение сюжетов, связанных с первостихиями: водой, огнем, воздухом и землей;

9) также сетевые гуру утверждают наличие духов-помощников, контролирующих ход оккультных обрядов. В сетевой среде «алтайские шаманы»

могут действовать под разными именами¹. Они используют разностилевые практики и обряды (с духовной точки зрения зачастую несовместимые с традиционным шаманизмом или иной архаической системой верований)², активно привлекают божеств и духов из различных этнических систем. Наибольшую привлекательность для сетевых шаманов в Республике Алтай имеют «места силы»: город мастеров, г. Белуха, долина Ярлу, Мультиинские озера и т.п. Чтобы удержать аудиторию пользователей, сетевые шаманы вынуждены все более усложнять ритуальную практику и использовать передовые и дорогие технические средства, сочетая качества оператора, сценариста, блогера.

По ряду признаков духовность *регионального религиозного движения «Алтай Дян Ак Дян»* идентична основным идеям движения «Нью Эйдж», что не совпадает с самоидентификацией и самопрезентацией членов «Алтай Дян Ак Дян».

Траектория *трансформации духовности на Алтае* в целом идентична такой трансформации во всех регионах России с национальным колоритом и акцентированием на языческой составляющей, но имеет и свою специфику. Сначала это было типичное лавинообразное приобщение к экстрасенсорным практикам, когда в состоянии перехода, потрясений, население Республики Алтай так же, как и в остальной стране, сидело перед экранами телевизоров во время сеансов Кашпиоровского, Чумака и других подобных деятелей. Затем более активные «тонко чувствующие» люди, менее известные, нежели экстрасенсы федеральных каналов, стали устраивать сеансы местного уровня, начались приезды гастролирующих экстрасенсов, целителей и колдунов.

И, наконец, с конца 90-х годов началось формирование алтайских духовных сообществ, очагов алтайской духовности, в том числе, в стиле «Нью Эйдж». Первые «духовные лидеры»: С. Кыныев, С. Тырысова, В. Чекурашев и другие обнаруживали единство, помогали друг другу, но затем начались разделения, недопонимание, рост амбиций. Возможно, некоторые «перегнули палку», начав

¹ См. страницу Вконтакте. URL: <https://vk.com/altaysun2015>

² Позиционируют себя не только шаманами, но и эзотериками, астрологами, тарологами, хиромантами, медиумами, йогами-терапевтами, парапсихологами, космоэнергетами и колдунами.

разделять алтайский народ на тех, кто принимает Белую веру («истинных, настоящих» (алт. «су-алтай»)¹, и тех, кто исповедует другую.

Алтай Дян Ак Дян, группа В.Б. Чекурашева, локализованная в Каракольской и Урскульской долинах, стала под руководством учителя создавать авторскую «сакральную топографию»: почитание особой священной территории с центральной горой для осуществления молебнов (алт. «мургуул») в новолуния на тагылах. Это десять прямоугольных алтарей–жертвенников, выложенных из каменного плитняка². Актяновцы В.Б. Чекурашева сделали своим главным мотивом духовную войну с буддизацией и конкретно с формирующимся новым алтайским буддизмом «Ак Буркан». Эта организация формировалась сначала в лоне Буддийской Традиционной Сангхы России, в традиции северного буддизма школы Гелуг³. Также агрессия проявляется в отношении других конфессий, например, русского православия, и особенно – в отношении к православным алтайцам, которых могут называть изменниками, предателями, а русских «варягами», пришедшими на алтайские исконные территории⁴.

Анализ вероисповедания, культа, религиозной литературы движения Алтай Дян Ак Дян позволяет фиксировать постоянно формирующиеся новые элементы культа, интерпретации учения⁵, что во многом обусловлено наличием конкретного, живущего среди последователей, *харизматического лидера В.Б. Чекурашева* (алт. «немее билер кижы» – пер. «знающий нечто»).

В группах, основанных на «новой духовности», особую роль играет лидер-харизматик. Отсюда важно понимать, какими характеристиками наделяется главный носитель духовности. В движении «Алтай Ян Ак Ян» таким лидером более двадцати лет является Василий Багырович Чекурашев, имеющий статус «немее билер кижы» (знающий), «учитель», «пророк-посланник Бога на Земле»,

¹ Тадина Н. А. Два взгляда на бурханизм у Алтай–кижи // Социальная антропология. 2013. № 4. С. 160.

² Арзютов Д. В. Алтайский ритуальный ковер и создание гетеротопии // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 85–133. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/018online/arzutov.pdf>

³ Тюхтенева С. П. Личность и общество у алтайцев: от родовой принадлежности до общеалтайской идентичности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 72.

⁴ Хвастунова Ю. В. Развитие современного New Age на примере религиозного движения «Алтай Дян ак Дян» в Республике Алтай // Манускрипт. Тамбов, 2019. Т. 12. Выпуск 12. С. 207–211.

⁵ См. Интернет-ресурсы, социальные сети: страница Ак Дян Движение. URL: <https://vk.com/club47031643>; Амаду Алтай. URL: <https://amadualtai.wordpress.com/>; видеоролики на ютуб канале и т.д.

«Кудайдын ишчизи, возрождающий Веру предков Ак Жан», «одаренный Богом» и т.д. С одной стороны, В.Б. Чекурашев активно модернизирует Белую веру, отсюда его можно отнести к лидерам-модернизаторам. Религиозная группа Жан Ак Жан демонстрирует продолжающийся характер становления, реформирования, поиска новых членов, привлечение молодежи, применение новых методов миссионерской деятельности, в том числе, с привлечением социальных сетей и ютуба.

Алтайское неоязычество трактуется по-разному, в зависимости от того, что полагается в основу или считается зарождением нового типа религиозности. Так, если это Ак Жан («Белая или молочная вера») – бурханизм, то его рождение датируется точно – 1904 год. Если под неоязычеством понимать процессы в современной России, то это возрождение, реконструкция Ак Жан в 90-е годы XX века. С учетом культурных особенностей алтайцев необходимо подчеркнуть, что, несмотря на трансформацию духовности и активную роль лидеров-харизматиков, последние не могут полностью основываться на авторских решениях, поскольку алтайцев отличает уважение и следование традициям предков, но и здесь есть возможность включать новые элементы в силу потери, прерывания традиции Белой веры в советский период.

Алтайское духовное лидерство включает в себя следующие *типы*:

1. Шаманизм, самая исконная и древняя форма, которая, однако, сильно модернизировалась у тюрков на Алтае в определённые периоды: в период влияния манихейства, буддизации в период каганатов¹, в период Джунгарского ханства, затем русского православия (Алтайская духовная миссия), далее в период реформы Белой веры (бурханизма и его борьбы с шаманами), в советский и современный периоды. Шаманизм сохранился в виде отдельных потомственных шаманов. Последние крайне критично относятся к псевдошаманизму в лице сторонников «новой духовности».

2. Тярлыхи (jarлыкчы) или судурчи (священнослужители) Ак Жан («Белой веры», бурханизма). Они занимаются исключительно исполнением родовых

¹ Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута. М., 1971. С. 132–134.

культурных практик (родо-племенных семейных обрядов и ритуалов). В Онгудайском и Усть-Канском районах существуют непрерывающиеся линии тярлыхов, помнящих заветы бурханизма. Тярлыхи также довольно негативно оценивают тенденцию использования алтайской веры в контексте «новой духовности».

3. «Кайчи» с алт. «сказитель» – это человек, обладающий даром музыкального выражения мифов, сказаний, фольклорных традиций, религиозных знаний в этнической культуре. Это мудрые люди с высоким уровнем эстетического восприятия как природы, так и человеческого мира. Например, Алексей Григорьевич Калкин или современный Иван (Таныспай) Боксурович Шинжин.

4. «Башчи» или «Башчы» – неформальный духовный лидер отдельного алтайского рода или всего народа (Эл Башчи). Он должен отстаивать интересы алтайских родов, мирить и объединять алтайцев, решать спорные вопросы относительно исполнения обрядов, ритуалов и трактовки традиций.

5. Знающие люди или обладающие даром («немее билер кижии» – «знающие нечто»). Например, последователи Алтай Жан Ак Жан (самоназвание в сети «ЖАНЫ АЛТАЙ»-ДВИЖЕНИЕ) своего лидера относят к данному типу духовных наставников.

Характеристики духовности В.Б. Чекурашева:

1. Учительство, ежедневное наставление, корректировка правильного понимания основ алтайской веры, обрядности, миссионерской работы, отношений в группе¹.

2. Четкое дистанцирование от шаманизма. В группе не допускают сравнения лидера с шаманом, ибо последний использует практики обращения к темному миру. Однако ряд посетителей утверждают о наличии таких практик и у данного лидера.

¹ Получательница небесных диктовок (Судур бичиктер), Табаева Н. написала: «Не препятствуйте им ставить таглылы, Это их уклад жизни – Жить в гармонии с Природой – Учитель у них». Фрагмент из диктовки, Табаева Н. Алтай Жан Ак Жан – для человечества // Амаду Алтай. 2018. 5 апреля. С.7–9.; Табаева Н. Окружающая нас природа // Амаду Алтай. 2018. 5 апреля. С.13–14.

3. Способность «видеть мировые процессы», что характерно для лидеров-основателей¹.

4. Устроитель культа и духовной сакральной топографии. Отсюда концепция тагылов. Адепты утверждают: «Место, где должны стоять тагылы, может видеть только один – единственный человек на планете. Это посланец Всевышнего Создателя Чекурашев Василий Багырович, способности дарованы ему свыше. На третье тысячелетие человечеству послан Василий Багырович, так же как на второе тысячелетие был послан Мохаммед, а на первое тысячелетие – Христос, еще раньше – Будда»²).

5. Пророк для алтайцев и мира³.

6. Целитель с чистой непогрешимой душой.

Главным вектором продвижения идей «Нью Эйдж» являются активный прозелитизм и целительские практики. Если прозелитизм в новейший период в Российской Федерации четко регламентирован религиозным законодательством, по крайней мере, в отношении религиозных групп и организаций, то целительские практики и услуги (чаще всего – оккультно-магические) выпадают из поля зрения контролирующих структур, но именно они совмещают функцию прозелитической деятельности и лечебную. В.Б. Чекурашев «осматривает» пациентов и далее дает рекомендации. О своем даре целительства В.Б. Чекурашев пишет следующее: «Не отрицаю, что обладаю божьим даром исцелять людей... Являюсь прямым потомком Солтона и Боора, которые внесли свой вклад в историю алтайского народа. Считаю, что способности, наследие-исцеление, достались от предка Боора, который также в свое время исцелял людей. Алтайцы работают за сохранение веры и природы через небесные диктовки – судур бичиктер»⁴.

¹ Абраимова Н.П. Наши предки // Амаду Алтай. 2018. 5 апреля. С. 17–22.

² «Сохранить Алтай Жан Ак Жан можно только через Тагылы. Ставить тагылы поручено свыше только В.Б. Чекурашеву и его помощнику А.Н. Сайдутову и их группе, поддерживающей Алтай...» Абраимова Н. П. Наши предки // Амаду Алтай. 2018. 5 апреля. С. 21.

³ «Людей как Христос бывает очень мало...его сила в моем сыне Багырыче...Он от Христа ничем не отличается, с такой же силой. Бог с божественной стороны посылает таких людей. Такие люди бывают нужными своему времени». Енчинова Л. А. Баш болзын Алтай Кудайым. Небесная диктовка // Амаду Алтай. 2012. №5. С. 1.

⁴ Интервью Чекурашева Василия Багыровича // «ЖАНГЫ АЛТАЙ»-ДВИЖЕНИЕ. URL: <https://vk.com/club47031643>.

Анализ литературы движения фиксирует наличие характеристик, терминов, определений, свойственных движениям «Нью Эйдж». Так, одна из главных духовных практик – получение послания из духовного мира и написание его в виде «небесной диктовки» – это классическая практика ченеллинга (контактерства). Активное использование терминов: «Новый век», «огненный век... стабилизаторы... Миллениум»¹. Описание духовного мира в стиле «Нью Эйдж»: «Энергетическая система (Энергия Луны, Энергия Солнца и Энергия Земли все это триедино). Энергетический баланс» или «импульсы, биение, кровоток, спираль, Космос» или «...спасение людей шестой расы... С 2000 года... «Квантовый переход»»². Одновременно фиксируются элементы, чуждые древним языческим системам и заимствованные из теизма: «Триединство, Триединый» – Триединый Бог – Триединая природа»³. И, наконец, еще один современный элемент движений «Нью Эйдж» – это уфологические мотивы: «Ученые доказали, что вся вселенная обитаема... питание энергетическое. Скорость их космических кораблей равна скорости света или звука, они отражают (видимо опережают) в своем развитии нас на миллионы лет и т.д. ... Инопланетные корабли заряжаются энергией тагылов»⁴.

В качестве еще одной новаторской идеи В.Б. Чекурашева следует указать на внесение в традиционный комплект используемых цветов в Белой вере (белого и желтого), новых: синего и зеленого. Последний означает экологическую озабоченность – зеленая лента (алт. «дьялома»). Актяновцы участвуют в акциях очистки водоемов, источников, гор, священных мест. Духовный лидер активно поддерживает следование алтайскому ритуальному календарю, но и здесь включаются новые компоненты из «Нью Эйдж»⁵. Поддержание этнической составляющей реализуется через периодическое акцентирование внимания на роли алтайцев в продвижении Белой веры⁶.

¹ Табаева Н. Окружающая нас природа // Амаду Алтай. 2018. 5 апреля. С.11.

² Там же. С. 8, 15.

³ Табаева Н. Алтай Жаң Ак Жаң – для человечества // Амаду Алтай. 2018. 5 апреля. С.7.

⁴ Табаева Н. Окружающая нас природа. Указ. Соч. С. 8, 15.

⁵ Табаева Н. Алтай Жаң Ак Жаң – для человечества. Указ. Соч. С. 9.

⁶ Адунова Г. М. Небесная диктовка // Амаду Алтай. 2018. 5 апреля. С. 43–44.

Итак, следует заключить о локальном характере презентации новой духовности в алтайском движении «Алтай Дян Ак Дян». Здесь делается акцент на авторской интерпретации Ак Дян, а также на этнической специфике развития духовности в Новой эре. Для движения характерна несколько агрессивная форма прозелитизма, выражающаяся в неприятии и критике конкурирующих систем: буддизма, христианства. В учении Алтай Дян Ак Дян присутствуют следующие идеи: открытие сверхспособностей; учение о новой планетарной эре; единая оккультно-магическая топография местного ландшафта; формирование единой веры для спасенного избранного сообщества; экологическая составляющая проектов движения.

Заключение

Завершая исследование, сделаем некоторые общие выводы относительно духовности в период становления постсекулярной культуры.

В контексте русского культурфилософского видения *духовность* – это цельная явленность Духа, раскрывающегося при условии умосердечного живого знания, опирающегося на фундаментальные нравственные ценности, где человек как единое духовно-телесное существо (единство психофизиологического, эмоционально-когнитивного и духовно-нравственного уровней) в пределе преображается в богочеловека и достигает единства с миром и с людьми.

«Новая духовность», или в варианте англицизма, «спиритуалити» («spirituality») – термин современной западной науки, отражающий преемственность и эволюцию духовности в западном обществе, в западной ментальности, с ее претензией на доминирование через постмодернистский дискурс, новейшую западную социологию религии и уже «социологию духовности», проникновение во все сферы культуры, вплоть до естественнонаучных дисциплин (теории моделируемой Вселенной, общую тенденцию нейроредукционизма и его прорастания во все науки). «Новая духовность» в широком смысле слова – это максимально не артикулированный термин, отражающий безатрибутивность самого понятия, с одновременным исключением человека или оставлением человека на правах экспериментальной мыши.

Признаки «новой духовности»: 1) неинституциональность; 2) духовность вне религиозности; 3) исключительно имманентный характер сакрального; 4) прагматическая утилитарная этика; 5) вариативность, множественность, вирусный характер «новой духовности», неспособность удерживать форму, собирать, объединять, быть цельной; 6) особая жажда духовного, отсюда название данной категории людей – «духовно ищущие» (spiritual seeker)», однако не выходящих за границы «удобного мира», что для поиска подлинной духовности совершенно недостаточно; 7) бесосновность «новой духовности», ее паразитический характер;

8) «Новая духовность» в формате неоязычества имитирует и искажает аутентичный опыт традиции в сторону авторских интерпретаций.

«Новая духовность» – это дезинтегрированная, лишенная основы «душевность», находящаяся в границах рассудочного знания-информации, опирающаяся на субъективную «удобную» гедонистическую систему (анти)ценностей и псевдорелигиозные основания, преимущественно телесного человека-конструкта (трансчеловека). Потому он неизбежно нуждается в различных технических дополнениях, превращающих его в гибрид человекобога/человека-зверя, образующего в совокупности подобных редуцированных существ вирусную сетевую атомистическую систему (конструкцию).

Подвид «новой духовности» – «ньюэджеская духовность» – отличается отсутствием четкой научной коннотации, привязкой к группам «Нью Эйдж», массовым оккультизмом, авторскими техниками, коммерческой потребительской основой, вариативностью.

Трансгуманистическая духовность как разновидность «новой духовности» обязательно включает базовые идеи трансгуманизма и концентрируется вокруг проекта «Human Enhancement».

В конце XX – нач. XXI в. наблюдается переход к постсекулярной культуре. Постсекулярность – это состояние современного общества и одновременно состояние и стадия современной духовной культуры. Наиболее правильной представляется интегративная модель постсекулярной культуры, которая способна реализоваться только в полицентрическом видении сценариев современности в противовес западоцентризму с его единственным навязываемым сценарием доминирования. Постсекулярная культура имеет следующие характеристики:

1) Амбивалентность, где диалектический принцип священная-секулярная-постсекулярная не срабатывает в полной мере, поскольку: а) сама приставка «пост» говорит о незавершенных и продолжающихся процессах, диффузности в культуре в силу глобализационных факторов; б) постсекулярность видится многим как некое продолжение или модернизации, или как реакция на секулярную стадию.

Амбивалентность выражается в ее способности совмещать, развивать параллельно (возможно из-за неопределенности, незрелости и слабости текущего состояния), по сути, разнонаправленные типы культуры: религиозной/духовной и секулярной.

2) Духовно-религиозная неопределенность из-за влияния «новой духовности» посредством создания оккультуры (синтеза популярной, киборкультуры и оккультной духовности).

3) Гибридность, смешение разнонаправленных элементов.

4) Пластичность, в силу чего она быстро «заражается» тем или иным влиянием и меняет вектор развития.

Отсюда постсекулярная культура может реализоваться по двум сценариям: а) с «новой духовностью» в сторону трансгуманистической эры Сингулярности; б) в случае же выбора позитивной духовности запускается процесс преобразования человека и расцвет культуры.

В России формируется собственная «философия сопротивления», которая, анализируя духовность российской культуры, оптимистично ожидает ее «восстановления-воскрешения». Россия с ее уникальной культурой должна воплощать только свой проект современности, не поддаваясь на уловки, шантаж или манипуляции Запада.

Организационно современный трансгуманизм периода постсекулярности начался с деятельности Института Экстропии, далее расширился через НКО Humanity Plus (H+). Здесь оформилась философия трансгуманизма в виде основных программных документов: Трансгуманистический манифест, Трансгуманистическая декларация, Принципы космизма, Принципы экстропианства, Манифест космизма, Декларация технопрогрессизма и т.д. Идеологи трансгуманизма Н. Бостром и биоэтик Дж. Хьюз учредили Институт этики и новых технологий (ИЕЕТ) с целью заменить традиционные ценности и этические нормы на трансгуманистические, а также реализовать проект галактической цифровой технорелигии. Университет Сингулярности обучает «экспоненциальному мышлению» и «новой духовности». Трансгуманистическая

философия представлена рассмотренными выше теориями ее идеологов: Д. Пирса, Н. Бострома, У.С. Бейнбриджа, Б. Герцеля, Дж. Приско, М. Ротблатт и М. Мора.

Были выделены следующие принципы и постулаты трансгуманизма:

1. Доминирование технооптимизма, сциентизма и технопрогрессивизма как установок на необратимость и непогрешимость прогресса и инноваций в ущерб существованию человека как биологического вида. Отсюда редукция всего разнообразия культуры до технической цифровой опции.

2. Доминирование теории моделируемой Вселенной и нейробиологической концепции сознания, что в совокупности определяется границами дигитальной философии. Отсюда продвижение теории о «загрузке» сознания: его эмуляции, оцифровки, а также культ клонирования с претензией на полную идентичность копии и оригинала. Соответственно, Божество (Сверхразум, Цифровой Бог) и постлюди будут созданы, спроектированы и усовершенствованы согласно законам управляемой эволюции.

3. Подмена Трансцендентного и подлинной духовности «новой духовностью» магического характера, нацеленного на реализацию задач цифрового иммортализма.

4. Использование постмодернистской языковой игровой методологии, заменяющей логические и фактологические основания классической философской аргументации. Отсюда же избыточность компьютерных метафор и допущений. Так, трансгуманисты применяют компьютерные понятия: «обновление», «взлом религии», «загрузка», «копирование» в метафизическом онтологическом смысле.

5. Монополия теорий пост-человеческих субъективностей. Уравнивание человека с другими живыми существами, а также с неживыми объектами в плоскости конструкторов и акторов, из-за чего рушится вся гуманистическая основа европейской культуры: человек-алгоритм, человек-программа, человек-артефакт, человек-киборг, человек-гибрид.

6. Искоренение онтологических, гносеологических и антропологических базовых составляющих культуры путем замены их на имитации и виртуальные симуляции, фейки и фантазии.

7. Подготовка общества к принятию радикальных технологий в проекте «Human enhancement technologies» с возможностью обретения цифрового бессмертия или «жизни» космических колониях в случае экологической катастрофы на Земле.

8 Реализация проекта новой этики посредством методологии консеквенциализма. Последний оправдывает применение к людям новейших радикальных технологий, не исследованных с точки зрения их последствий: генетической редакции, нанотехнологий, дизайнерских наркотиков, прикрываясь технооптимизмом (технопрогрессизмом), а также правом на «морфологическую свободу» (искоренение основ подлинной свободы).

Помимо теорий и проектов, в исследовании представлены примеры псевдоконфессиональной конвергенции: 1) буддийский трансгуманизм; 2) мормонский трансгуманизм; 3) христианский трансгуманизм, или, точнее, неопротестантский трансгуманизм, преимущественно состоящий из неопятидесятнических харизматических церквей, типа церкви унитариев) они близки к атеистическому трансгуманизму в понимании Р. Курцвейла, Б. Герцеля и др); 4) либертарианский трансгуманизм.

Модели духовности в трансгуманизме:

1. Суперэкуменистическая, положительно и некритично оценивающая большинство религий, уравнивающая их в правах и методах постижения сакрального в целях создания единой унифицированной формы религии с единой духовной основой.

2. Эклектическая (условно нью-эджевская) вариативная модель, где преобладает «новая духовность», демонстрирующая совмещение амбивалентных позиций: от атеизма, пантеизма и оккультизма до сатанизма, сетевых индивидуальных и коллективных форм религиозности. Однако обе модели обнаруживают сближение, двигаясь в сторону виртуальной сетевой духовности, что вполне созвучно целям программ конвергенции NBICS-технологий и оккультному эклектичному («New Age») тренду.

В работе был сделан экскурс в теории духовности в русской религиозной философии, где доминирует интегральный подход. Здесь духовность трактуется метафизически и цельно, что отличает ее от западной «новой духовности», что совпало с окончанием формальной эры секуляризации и началом перехода в постсекулярную культуру. В антропологическом плане водораздел между видением русской школы и западными сторонниками «новой духовности» лежит на уровне дихотомии: *богочеловек и человекобог*. Первый вариант приводит к одухотворению человека, мира и к соборному всеединству преображенного человечества. Второй вариант приводит к постчеловеку гибридного типа, что в итоге ведет к гибели человека и человечества под лозунги о следующем шаге эволюции, где должен будет господствовать уже другой «более совершенный» вид. Данное заявление во многом абсурдно т.к. декларируемая естественная и необходимая эволюция человека на самом деле основана на искусственных технологиях и на насильственном внедрении трансгуманистических, по сути античеловеческих, установок и ценностей, т.е. являет собой искусственный концепт управляемой, сценарной «эволюции».

В «философии сопротивления» выделены следующие общие принципы: 1) критика манипуляций с метафизическими константами, атрибутами духовности, языковыми играми постмодернизма; 2) указание на опасность манипуляций с «размыванием границ» на всех уровнях понимания бытия, живой и неживой материи, принципов работы сознания, разделения или редукции нравственного начала до конструкций-симуляций; 3) тревога по поводу продолжающейся тенденции «убивания» человека, редукции его до конструкта, алгоритма, программы, артефакта, иллюзии, переходного вида; 4) указание на недопустимость подмены подлинной духовности концептом «новая духовность», доказательство связи «новой духовности», являющейся фактически бездуховностью или антидуховностью, с постсекулярностью потребительского общества, где отсутствует Трансцендентное и обращение к нему, доминирует вещное отношение к человеку, отсутствует нравственность, замененная нейроэтикой. Для «новой духовности» характерно также гедонистическое прагматическое существование,

отказ от служения и единения в пользу эгоизма, атомарности, сетевой коммуникации; 5) с точки зрения «философии сопротивления» недопустимо игнорирование этнической основы культуры и духовности, искусственное раздувание космополитических и глобалистских идей; 6) четкая фиксация ситуации перехода, когда определённые силы и интересы, искусственно разгоняя социокультурные процессы, пытаются навязать заведомо опасные, античеловеческие, антивитальные проекты, в том числе, в виде трансгуманистического проекта «Human Enhancement»; 7) видение уникальных свойств русской культуры, связанных с ее жизнестойкостью, внутренней ориентированностью на духовные устои бытия, опора на ценности института семьи, рода, Трансцендентного, человека-личности, на способность активизироваться в ситуации опасности на основе соборности и «общего дела», нестяжательного служения, правды, миротворчества и святости.

В работе представлено авторское видение процессов трансформации современной духовности в постсекулярной культуре. Выделен принцип фейковости. В отношении культуры фейковость встраивает и подменяет подлинную культуру на ее имитацию – псевдокультуру. Фейковость реализуется через следующие индикаторы: бессмысленность, абсурдность, хаос, манипулятивность, плюралистичность, эгоизм, хищническая конкуренция, вседозволенность, развращенность (гендерная флюидность) и т.п. Помимо фейковости, выделен сетевой принцип «западни». Неочевидность и скрытность западни делает невозможным применение тактики честного открытого противостояния злу. В историческом и мировом масштабе, возможно, мировая постсекулярная сеть еще не явила всего своего потенциала и не перешла в стадию «схлопывания», поглощения жертвы. Скрытность западни объясняется абсолютной непривлекательностью, онтологической античеловечностью, неприемлемостью, антивитальностью тех «ценностей» и идей, в которые она пытается завлечь человека. Неслучайно в западном трансгуманизме применяется идентичный механизм сокрытия своей подлинной антигуманной сути.

Разработана классификация понятий, используемых в «новой духовности»: 1) конкретные подлинные понятия с первичными смыслами; 2) «метафоричные» понятия; 3) понятия «с двойным дном»; 4) понятия-«фантомы», не имеющие под собой реального научного обоснования. В «новой духовности» выявлено также наличие несоразмерных оппозиций и заменителей-эрзацев.

Дана типология различных школ в отношении трактовок духовности в постсекулярной культуре:

1. Русская школа религиозной философии и современной «философии сопротивления». К ней примыкают некоторые защитники человека и гуманизма на Западе, отстаивающие понимания подлинной метафизической духовности.

2. Сторонники атеистического отказа от обозначения современного периода как постсекуляризации. Отсюда духовность практически игнорируется, либо понимается как проявление общественного сознания.

3. Сторонники «новой духовности» – апологеты постклассической парадигмы, отстаивающие концепт «пост-человеческих или множественных субъективностей, неунитарной личности», сторонники оккультуры. Постсекулярность понимается ими как период достижения некоего консенсуса между светским и религиозным сознанием и перехода человечества на более высокий уровень духовности. Однако апологеты «новой духовности» находятся в узких границах постмодернистской методологии, игнорируют и/или отрицают иные позиции, включая богатейший опыт русской философии в вопросах подлинной духовности, ориентируясь на западные «новоделы» ньюэдждовских трендов. *Трансгуманистический проект, пройдя точку невозврата, фактически готов завершить проект «культура».* В случае его реализации все свойственные культуре механизмы (творчество, вдохновение, сердечность, эмоциональность, иррациональное схватывание истины) станут недоступны и изъяты вместе с естественным «человеком духовным».

Необходимо развивать защитную духовную культуру, где главным ориентиром должно оставаться доминирование «человека духовного»: человека-тайны, в котором трансцендентное и имманентное сопряжены в сердечных

глубинах. Такой человек развивается в формате преобразования, оставаясь цельным и независимым в отличие от проекта «Human Enhancement Technologies». Преображенный человек выстраивает диалоговую культуру открытости, противостоящую воинствующей западоцентристской «культуре диктата», навязывающей один сценарий современности, шантаж и культурный бойкот всех иных. Преобразованные люди реализуют идеалы соборности, отличные от сетевого конгломерата, «западни» цифрового пост-общества.

Завершая данное исследование, необходимо подчеркнуть продолжающуюся тенденцию трансформации духовности в сторону тихой революции, подмены подлинной духовности на так называемую «новую духовность» – «spirituality» (антидуховность), являющуюся закономерным отражением постмодернистской постклассической парадигмы «отмены человека», «отмены объективной реальности», «отмены Трансцендентного», «отмены морали» и «отмены культуры». В такой ситуации необходимо не только продолжать вдумчивую работу по сохранению духовности в постсекулярной культуре, но и развивать защитную «философию сопротивления», выявляющую и позиционирующую культурные коды, способные противостоять антикодам «новой духовности» и особенно трансгуманизму. В настоящее время еще острее ощущается необходимость соборного единения россиян и всего человечества против всех форм антидуховности, ведущих к рабству и гибели земного сообщества.

Список использованной литературы

1. Аверьянов, В. Барбекю на грани бездны: тенденции глобальной деградации : доклад / Виталий Аверьянов, Александр Елисеев, Максим Калашников [и др.] // Изборский клуб : [сайт]. – URL: <https://izborsk-club.ru/7069> (дата обращения: 13.09.2022).
2. Аверьянов, В. В. Духовный генокод. Витки спирали / В. А. Аверьянов // Изборский клуб : [сайт]. – URL: <https://izborsk-club.ru/20695> (дата обращения: 15.11.2022).
3. Аверьянов, В. В. Крытый крест. Традиционализм в авангарде / В. А. Аверьянов. – Москва : Книжный мир, 2015. — 608 с.
4. Аверьянов, В. В. Наш дух не сломлен / А.В. Аверьянов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2015. – 688 с.
5. Аверьянов, В. В. Природа русской экспансии / В. А. Аверьянов. – Москва : ЛептаПресс, 2003. – 512 с.
6. Агеев, А. И. Линия фронта проходит через сердце / А. И. Агеев // Православная беседа. – URL: <https://www.ageev.net/2012/05/liniya-fronta-proxodit-cherez-serdce/> (дата обращения: 16.11.2022).
7. Агеев, А. И. Научного знания нет вне этических принципов / А. И. Агеев // Изборский клуб : [сайт]. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/7069> (дата обращения: 16.11.2022).
8. Аглей, Е. А. Репрезентация образа религии на российском телевидении : специальность 10.01.10 «Филологические науки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Аглей Елена Андреевна ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2019. – 177 с.
9. Адунова, Г. М. Амаду Алтай / Г. М. Адунова. – 2018. – 5 апреля. – С. 43–44.
10. Аксенов, И. В. Трансгуманизм как проблема философской и религиозной антропологии : специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Аксенов Игорь Викторович ; Название университета. – Санкт-Петербург, 2016. – 22 с.

11. Аксенов, И. В. Трансгуманистическая перспектива: краткий обзор / И. В. Аксенов // Богослов : [научно-богословский портал]. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/5177328.html> (дата обращения: 19.10.2022).
12. Акулинин, В. Н. Философия всеединства : от В. С. Соловьева к П. А. Флоренскому / В. Н. Акулинин. – Новосибирск : Сибирское отделение академии наук, 1990. – 154 с.
13. Алексеев, Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири / Н. А. Алексеев. – Новосибирск : «Наука» Сибирское отделение, 1992. – 242 с.
14. Амирханов, А. Ю. Концептуальные подходы к анализу духовности / А.Ю. Амирханов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 2. – С. 1–9.
15. Антиклерикализм как культурно-исторический феномен / отв. ред. М. М. Шахнович. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2011. – 192 с.
16. Арзютов, Д. В. Ак-Янду как наследник бурханизма и хранитель знания (заметки о «советских алтайцах») / Д. В. Арзютов, Н. А. Тадина. // Сибирский сборник-II: к юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко / Отв. ред. Е. Г. Федорова. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2010. – С. 224–230.
17. Арзютов, Д. В. Алтайский ритуальный ковер и создание гетеротопии / Д. В. Арзютов // Антропологический форум. – 2013. – № 18. – С. 85–133.
18. Арзютов, Д. В. Религиозное движение алтайцев (Ак-Ян). Предварительные итоги полевого исследования / Д. В. Арзютов // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / Отв. ред. Е. Г. Федорова. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2010. – Вып. 10. – С. 47–56.
19. Арзютов, Д. В. Социальная сеть религиозного движения (к проблеме понимания современного Ак-Ян на Алтае) / Д. В. Арзютов // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции (Томск, 19-21 мая 2010 г.) / Отв. ред. М. П. Черная. – Томск : Аграф-Пресс, 2010. – С. 92–94.

20. Арнасон, Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы / Й. Арнасон ; перевод с английского М. Масловского, А. Степанова, Ю. Прозоровой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 304 с.
21. Багаутдинов, А. М. Амбивалентность духовности в информационном обществе : специальность 09.00.11 «Социальная философия»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Багаутдинов Айрат Маратович ; Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2017. – 41 с.
22. Багдасарян, В. Выход из постмодерна / В. Багдасарян // Изборский клуб : [сайт]. – URL: <https://izborsk-club.ru/22348> (дата обращения: 08.11.2022).
23. Багдасарян, В. Образ ковчега / В. Багдасарян // Изборский клуб : [сайт]. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/20879> (дата обращения: 14.10.2022).
24. Баева, Л. А. Образ киберчеловека в современной науке и культуре / Л. А. Баева // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. Философские измерения цифровой культуры. – 2015. – № 1 (9). – С. 56.
25. Баловнев, Д. А. Дуализм и буддизм – параллели и точки сближения с нейробиологией / Д. А. Баловнев // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13. – № 4. – Ч. 1. – С. 57–74.
26. Барулин, В. С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии / В. С. Барулин. – Москва : Онега, 1994. – 256 с.
27. Барышников, П. Н. Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма / П. Н. Барышников // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2014. – № 1 (7). – С.98–127.
28. Беляев, Д. А. Трансгуманизм: современные перспективы сверхчеловеческого / Д. А. Беляев, А. А. Коновалова // Новая наука: теоретический и практический взгляд. – 2016. – № 117-2. – С. 209–212.
29. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимое / В. Беньямин // Москва. – Медиум, 1996. – С. 15–65.
30. Бергер, П. Фальсифицированная секуляризация / П. Бергер // Государство. Религия. Церковь. – №2(30). – 2012. – С.11.

31. Бердяев, Н. А. Дух и реальность / Н. А. Бердяев. – Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. – 679 с.
32. Бердяев, Н. А. Новое средневековье / Н. А. Бердяев. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/lidprevuz/novoe-srednevekove-nikolaia-berdiaeva-chto-nas-jdet-v-buduscem-5e568d192106814575ff4372> (дата обращения: 10.11.2021).
33. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – Москва : Республика, 1995. – 382 с.
34. Бесков, А. А. Антиклерикальный дискурс в современной российской науке / А. А. Бесков // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13. – № 4. – Ч. 1. – С. 88–111.
35. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского и вступительная статья О.А. Печенкиной. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
36. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – Москва : Рудомино, 2001. – 231 с.
37. Боковенко, Н. А. Проблема реконструкции религиозных систем номадов Центральной Азии в скифскую эпоху / Н. А. Боковенко // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – Санкт-Петербург : ИИМК РАН (Институт истории материальной культуры) и Государственный эрмитаж, 1996. – С. 39–42.
38. Бостром, Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии / Ник Бостром ; перевод с английского Сергея Филина. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 490 с.
39. Бостром, Ник А не живем ли мы в «Матрице»? Доказательство методом моделирования / Ник Бостром. – URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/bostrom3.htm> (дата обращения: 12.09.2021).
40. Брайдотти, Р. Постчеловек / Р. Брайдотти ; перевод с английского Д. Хамис. — Москва : Издательство Института Гайдара, 2021. – 408 с.
41. Бугарь, В. Д. Нерусский трансгуманизм в одежде русского Космизма / В. Д. Бугарь // Проза : [сайт]. – URL: <http://www.proza.ru/2011/04/20/763> (дата обращения: 10.02.2023).
42. Буйнякова, И. С. Проблема совершенствования человека в советских проектах 20-х гг. XX века и современном трансгуманистическом дискурсе : специальность

- 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Буйнякова Инна Сергеевна ; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – Белгород, 2020. – 23 с.
- 43.Булгаков, С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – Москва : Республика, 1994. – 414 с.
- 44.Булгаков, С. Н. Христианство и социализм / С. Н. Булгаков. – URL: <https://kronadaran.am> (дата обращения: 11.10.2021).
- 45.Булгаков, С. Н. Человекобог и человекозверь (по поводу посмертных произведений Л.Н. Толстого «Дьявол» и «О. Сергей») / С. Н. Булгаков. – Москва : Наука, 1993. – 495 с.
- 46.Бурлака, Д. К. Понятие культуры в контексте идей русской религиозной философии / Д. К. Бурлака // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 9 (50). – С.7-20.
- 47.Буррио, Н. Постпродукция. Культура как сценарий: искусство перепрограммирует современный мир / Н. Буррио // Реляционная эстетика. Постпродукция. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. – С. 118–205.
- 48.Бычков, В. В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / В. В. Бычков. – Москва : Росспэн, 2003. – 435 с.
- 49.Ван ден Аккер, Р. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма / Р. Ван ден Аккер, Т. Вермюлен // Ван ден Аккер, Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. Ван ден Аккер. – Москва : РИПОЛ классик, 2019. – С. 39–82.
- 50.Ван дер Зверде, Эверт Осмысливая «секулярность» / Э. Ван дер Зверде // Государство. Религия. Церковь. – 2012. – №2(30). – 330 с. – С. 94–95.
- 51.Виндж, В. Технологическая сингулярность / В. Виндж ; перевод Олега Данилова // Электронная библиотека ModernLib.Net : [сайт]. – URL: http://modernlib.net/books/vindzh_vernor/tehnologicheskaya_singulyarnost/read_2/ (дата обращения: 17.09.2021).

52. Войно-Ясенецкий, Лука. Дух. Душа и Тело / Л. Войно-Ясенецкий. – Москва : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1997. – 54 с.
53. Вышеславцев, Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике. Значение сердца в философии и религии / Б. П. Вышеславцев // Путь. – 1925. – №1. – С. 79–98.
54. Газзанига, М. Сознание как инстинкт. Загадки мозга. Откуда берется психика / Майкл Газзанига ; перевод с английского Юлии Плискиной. – Москва : АСТ, Corpus, 2022. – 302 с.
55. Гайденко, П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века / П. П. Гайденко; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ин-т мировой культуры. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 468 с.
56. Гайдуков, А. В. Идеология и практика славянского неоязычества : специальность 09.00.06 «Философия религии»: автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук / Гайдуков Алексей Викторович ; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2000. – 19 с.
57. Гараева, Г. Ф. Софийный идеализм как историко-философский феномен: Соловьев В.С., Флоренский П.А., Булгаков С.Н. / Г. В. Гараева; Российское философское общество. – Москва : Диалог-МГУ, 2000. – 384 с.
58. Генералова, Александра Новая натура / Александра Генералова // Журнал Theblueprint : [сайт]. – URL: <https://theblueprint.ru/culture/art/recycle-interview> (дата обращения: 22.06.2022).
59. Генисаретский, О. Г. Культурно-антропологическая перспектива / О. Г. Генисаретский // ИНОЕ: хрестоматия нового российского самосознания : путеводитель. – Москва : Аргус, 1995. – 104 с.
60. Гиренок, Ф. И. Антропологические конфигурации философии / Ф. И. Гиренок // Философия науки. – 2022. – Вып. 8. – С. 408–426.
61. Гиренок, Ф. И. Клиповое сознание: клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании, неклиповое / Ф. И. Гиренок. – Москва : Проспект, 2018. – 254 с.

62. Гиренок, Ф. И. Основные принципы дигитальной философии / Ф.И. Гиренок // Философия хозяйства. – 2018. – № 6. – С. 133–139.
63. Гиренок, Ф. И. Смена перспектив в философии человека / Ф. И. Гиренок // Человек. – 2015. – № 10. – С. 83–92.
64. Глаголев, В. С. Столкновение в светском обществе религиозных и секулярных парадигм / В. С. Глаголева // Проблемы укрепления единства российской нации : материалы Всероссийского научно-практического форума (Пермь, 17–19 сентября 2014 г.). – Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2014. – Ч. 2. – С. 48–55.
65. Голикова, Т. А. Представления современных алтайцев о своей национальной вере – Ак Жан / Т. А. Голикова // Karadeniz. – Том 22. – №6. – 2014. – С. 37–48.
66. Григорьев, С. И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего / С. И. Григорьев. – Барнаул : АРНЦ СО РАН, 2001. – 229 с.
67. Григорьев, С. И. Жизненные силы человека / С. И. Григорьев, Л. Д. Демина, Ю. Е. Растова. – Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 1996. – 217 с.
68. Григорьев, С. И. Проблемы духовного производства и задачи русской интеллигенции / С. И. Григорьев, Т. А. Семилет, А. А. Короткова // Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века. – Москва : Издательский Дом Магистр-Пресс, 2003. – С. 207–222.
69. Григорьева, Л. И. Религии «Нового века» и современное государство / Л. И. Григорьева. – Красноярск : СибГТУ, 2002. – 399 с.
70. Гуревич, П. С. Паранойя базальной извилины / П. С. Гуревич // Философия и культура. – 2014. – № 9. – С. 1243–1247.
71. Гуревич, П. С. Тайна человека – вечная проблема / П. С. Гуревич // Философская школа. – 2018. – № 3. – С. 42–52.
72. Гуревич, П. С. Философская интерпретация человека: к 80-летию профессора Павла Семеновича Гуревича / Павел Гуревич ; Ин-т философии РАН, Ин-т науч. информации по общественным наукам. – Санкт-Петербург : Петроглиф, 2013. – 426 с.

73. Гуревич, П. С. Философское толкование человека / П. Гуревич. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 471 с.
74. Гурко, А. В. Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи / А. В. Гурко. – Минск : Издательство МИУ (Минский институт управления), 2006. – 274 с.
75. Гуцаленко, Л. А. Нужна ли социологии жизни живая личность / Л. А. Гуцаленко // Социологические исследования. – 2003. – № 10. – С. 3–13.
76. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва : Книга, 1991. – 574 с.
77. Данилин, А. Г. LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости / А. Г. Данилин. – Москва: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 520 с.
78. Движение Ак жан (Белая вера) – Бурханизм на Алтае: взгляд через столетие : материалы научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренг / редколлегия: Екеев Н. В. [и др.]. – Горно-Алтайск : [Б. и.], 2004. – 282 с.
79. Деланда, М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда ; перевод с английского К. С. Майоровой. – Пермь : Гиле Пресс, 2018. – 170 с.
80. Делягин, М. Человек-трансформер / М. Делягин // Изборский клуб. – 2019. – № 1 (67). – С. 58–65.
81. Денисов, С. Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды / С. Ф. Денисов. – Омск : Издательство ОмГПУ, 2001. – 205 с.
82. Джованни, Пико делла Мирандола. Речь о достоинстве человека / П. делла Мирандола Джованни // Эстетика Ренессанса / Составитель В. Л. Шестаков. – Москва : Искусство, 1981. – Т. I. – С. 249.
83. Ди Грей, О. Отмена старения. Прорывы в современной науке смогут обратить старение вспять уже при нашей жизни / О. Грей, М. Рэй. – Москва : Институт Биологии Старения, 2006. – 343 с.
84. Димитрова, С. В. Человек-артефакт: постановка проблемы / С. В. Димитрова // Манускрипт Тамбов : Грамота, 2020. – Том 13. – Выпуск 8. – С. 160–163.

- 85.Добровольский, М. Спиритуалистическая этика и новый дух капитализма / М. Добровольский // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18. – № 4. – С. 231–262.
- 86.Доронин, Д. Ю. Белый конь на гребне горы: структура и маркеры коммуникации в визионерских практиках алтайцев / Д. Ю. Доронин // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 2016. – № 12 (21) . – С. 115–134.
- 87.Дубровский, Д. И. Сознание и мозг. Перспективы преобразования природы человека / Д. И. Дубровский. – URL: <http://www.2045.ru/experts/29678.html> (дата обращения: 10.10.2021).
- 88.Дубровский, Д. И. Функционализм и «когнитивистская басня» / Д. И. Дубровский // NovaInfo. – 2011. – № 4. – URL: <https://novainfo.ru/article/2319> (дата обращения: 08.10.2021).
- 89.Дыдров, А. А. Человек будущего в контексте инновационных стратегий : специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : автореферат диссертацииина соискание ученой степени доктора философских наук / Дыдров Артур Александрович ; Челябинская государственная академия культуры и искусства. – Челябинск, 2021. – 27 с.
- 90.Дэвис, Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Эрик Дэвис ; перевод с английского С. Кормильцева, Е. Бачиной, В. Харитонов. – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2007. – 478 с.
- 91.Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, М. Ю. Шишин. Иванов, А. В., Фотиева, И. В., Шишин, М. Ю. Барнаул : Изд-во АГАУ, 2007. – 241с.
- 92.Екеева, Н. М. Культура и религиозные воззрения народов Республики Алтай / Н. М. Екеева // Вестник ТГУ. Серия: История. – 2013. – №3 (23). – С. 130–133.
- 93.Емельянов, Н. Н. Анализ «секуляризации» в России со стороны предложения / Н. Н. Емельянова // Христианское чтение. – 2017. – № 1. – С. 152–188.
- 94.Ерина, Е. Б. Понятие духовности в философии В. В. Соловьева / Е. Б. Ерина // Соловьевские исследования. – 2009. № 2 (22). – С. 107–112.
- 95.Ермаков, Д. С. Судьба наследия Н. Я. Данилевского в XXI веке / Д. С. Ермаков // Проблемы современной науки и образования. – 2018. – № 6 (126) . – С. 64–66.

96. Жерносенко, И. А. Бурханизм – новая духовная доктрина Алтая / И. А. Жерносенко // Священными тропами Алтая : учебно-методическое пособие по подготовке гидов-экскурсоводов / И. А. Жерносенко, В. П. Чижова, И. Н. Ротанова [и др.] ; под редакцией И. А. Жерносенко. – Горно-Алтайск, Барнаул : АРТИКА, 2008. – С. 151–164.
97. Журавлева, С. М. Нарциссизм или некрофилия? / С. М. Журавлева // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14. – № 1. – Ч. 1. – С. 230–244.
98. Забияко, А. П. Топография Священного / А. П. Забияко // Религиоведение. – 2012. – № 1. – С. 123–136.
99. Зеньковский, В. В. Принципы православной антропологии. Основы христианской философии / В. В. Зеньковский. – Москва : Издательство Свято-Владимирского братства, 1992. – 268 с.
100. Зеньковский, В. В. Христианская философия / В. В. Зеньковский. – Москва : Институт русской цивилизации, 2010. – 1072 с.
101. Зиммерман, М. Е. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме / М. Е. Зиммерман. – URL: <https://eroskosmos.org/religious-motifs-in-technological-posthumanism/> (дата обращения: 18.08.2021).
102. Иванов, А. В. Большая Евразия: понятие, вызовы, задачи России и Сибири / А. В. Иванов, С. М. Журавлева // Учёные записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств) : научный журнал. – 2020. – № 3 (25). – С. 12–20.
103. Иванов, А. В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты : монография / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, М. Ю. Шишин. – Барнаул : Изд-во АГАУ, 2007. – 243 с.
104. Иванов, А. В. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ имени И. И. Ползунова, 2006. – 640 с.
105. Иванов, Иван О роли зависания и пинка под зад в искусстве / Иван Иванов // Aroundart : [сайт]. – URL: <http://aroundart.org/2011/11/20/o-roli-zavisaniya-i-pinka-pod-zad-v-iskusstve/> (дата обращения: 12.08.2022).

- 106.Игнатъева, Н. М. Возвышенное и низменное в перформансах Марины Абрамович / И. М. Игнатъева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. Искусствознание. – 2014. – № 2 (3). – С. 245–247.
- 107.Изборский клуб : [сайт]. – URL: <https://izborsk-club.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).
- 108.Илларионов, Г. А. Гуманизм, посттрадиционность и секуляризм как три основания современного нарциссизма / Г. А. Илларионов, В. И. Кудашов // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14. – № 2. – Ч. 1. – С. 164–179.
- 109.Иллюстрированная история религий. В 2 т. / под ред. Д. П. Шантепи-де-ля-Соссей : репринт. – Москва : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1992. – Т. 1. – 412 с.
- 110.Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – Москва : ТОО «Рарогъ», 1993. – 448 с.
- 111.Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – Мюнхен : Типография Обители преп. Юва Почаевского въ Мюнхенъ-Оберменцингъ, 1957. – 155 с.
- 112.Ильин, И. А. Собрание сочинений в 10 т. / И. А. Ильин. – Москва : Русская книга, 1994. – Т. 3. – 592 с.
- 113.Ильиных, С. А. Мозаичный тип сознания как предмет исследования социологии управления / С. А. Ильиных // Вестник НГУЭУ. – 2012. – № 4. – С. 158.
- 114.Институт будущего человечества (Future of Humanity Institute) : [сайт]. – URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk/the-team/> (дата обращения: 16.05.2021).
- 115.Интервью Ломена А. Ника Бострома и Дэвида Пирса «Кронопис». – URL: <https://www.hedweb.com/transhumanism/russian.html> (дата обращения: 19.10.2019).
- 116.Ицков, Д. Заповеди жизни нечеловека / Д. Ицков. – URL: <http://vz.ru/opinions/2013/4/3/627133.html> (дата обращения: 17.11.2021).
- 117.Ищенко, Н. С. Гностические идеи в советской фантастике / Н. С. Ищенко // РУССКАЯИДЕА : [сайт]. – URL: <https://politconservatism.ru/articles/gnosticheskie-idei-v-sovetskoj-fantastike> (дата обращения: 21.08.2021).
- 118.Казённов, Д. К. Концептуальные основания трансгуманизма : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : автореферат диссертации на соискание

- ученой степени кандидата философских наук / Казённов Дмитрий Константинович ; Название университета. – Саратов, 2011. – 19 с.
- 119.Каку, Митио. Будущее разума / Митио Каку ; перевод с английского. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2017. – 502 с.
- 120.Капуто, Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным / Дж. Капуто // Логос. – 2011. – №3 (82). – С. 186.
- 121.Каргина, И. Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма / И. Г. Каргина. – Москва : МГИМО-Университет, 2014. – 278 с.
- 122.Катасонов, В. Н. Критика науки в традиции философской феноменологии / В. Н. Катасонов // Метафизика. – 2011. – № 1. – С. 55–61.
- 123.Катасонов, В. Н. Новая эволюционная утопия: трансгуманизм / В. Н. Катасонов // Научно-богословский портал. – URL: <https://bogoslov.ru/article/4273940> (дата обращения: 12.08.2022).
- 124.Катасонов, В. Н. Образ человека в философии и богословии XX столетия / В. Н. Катасонов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2010. – № 2 (30). – С. 67–78.
- 125.Кильдяшов, Михаил. Золото под сердцем (о романе «Таблица Агеева» Александра Проханова) / М. Кильдяшов // Изборский клуб : общественно-политический журнал. – 2020. – №8(84). – С. 110–112.
- 126.Кирби, А. Смерть постмодернизма и то, что после / А. Кирби // Metamodern : интернет-журнал о метамодернизме ; перевод с английского С. Онасенко. – 2017. – № 26. – URL: <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism> (дата обращения: 10.11.2019).
- 127.Киреевский, И. В. Духовные основы русской жизни / И. В. Киреевский. – Москва : Институт русской цивилизации, 2007. – 448 с.
- 128.Кириленко, В. Г. Философско-антропологический анализ идей совершенствования человека в XXI веке : специальность 09.00.13. «Философская антропология, философия культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Кириленко Владимир Геннадьевич ; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2022. – 133 с.

- 129.Клайв, Льюис. Человек отменяется / Льюис Клайв // Льюис, К. С. Любовь. Страдание. Надежда: притчи. Трактаты / К. С. Льюис. – Москва : Республика, 1992. – С. 185–261.
- 130.Климова, Н. В. Анализ понимания духовности в современной научной литературе / Н. В. Климова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014 – № 4 (60). – Т. 2. – С. 203–206.
- 131.Кнорре, Б. К. Современный алтайский шаманизм в контексте национальной религиозной политики Республики Алтай / Б. К. Кнорре // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2016. – № 12 (21). – С. 89–114.
- 132.Кныш, Е. В. Понятие постсекулярной культуры: к вопросу о правомерности использования категории / Е. В. Кныш // Человек в мире культуры. – 2015. – № 4. – С. 3–11.
- 133.Ковалева, Г. П. Категория «духовность» в философии Н. А. Бердяева / Г. П. Ковалева // Вестник КемГУКИ. – 2013. – № 22. – С. 178–189.
- 134.Ковба, Д. М. Теоретические аспекты феномена трансгуманизма: основные направления / Д. М. Ковба, Е. Г. Грибовод // Дискурс-Пи : научный журнал. – 2019. – № 3 (36). – С. 38–52.
- 135.Колкунова, К. А. «Духовные, но не религиозные» респонденты в современных исследованиях / К. А. Колкунова // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. – 2015. – Вып. 6 (62). – С. 81–93.
- 136.Коллинз, Ф. Доказательство Бога : аргументы ученого / Фрэнсис Коллинз ; перевод с английского М. Суханова. – Москва : Альпина нон-фикшн (АНФ), 2009. – 215 с.
- 137.Колпакова, А. П. Духовно-нравственное воспитание младших школьников в условиях сельского образовательного пространства : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Колпакова Августина Петровна ; Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова. – Якутск, 2004. – 122 с.
- 138.Комогорцев, А. Русский космизм и новая мифология развития / А. Комогорцев // Изборский клуб. – 2019. – № 9 (75). – С. 49–50.

139. Комплексный мониторинг латентных конфликтов и рисков в полиэтнической среде Республики Алтай : монография / Е. В. Литягин, Ю. В. Табакаев, С. Г. Дудик [и др.]. – Горно–Алтайск : РИО ГАГУ, 2015. – 117 с.
140. Кордейро, Х. Л. Смерть должна умереть: наука в борьбе за наше бессмертие / Хосе Луис Кордейро, Дэвид Вуд ; перевод с английского. – Москва : Альпина Паблишер, 2021. – 387 с.
141. Корольков, А. А. Духовная антропология / А. А. Корольков. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. – 324 с.
142. Косилова, Е. В. Вызовы компьютерной культуры / Е. В. Косилова // Вестник Московского государственного университета. Серия 7: Философия. – 2009. – № (3). – С. 22–33.
143. Костина, А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А. В. Костина. – Москва : Едиториал, 2003. – 404 с.
144. Костина, А. В. Популярная культура / А. В. Костина // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2005. – № 3. – 214 с.
145. Кравцова, М. В. Мэтью Барни: «Мое искусство – и шифр, и расшифровка» / М. В. Кравцова. – URL: <https://artguide.com/posts/1875> (дата обращения: 17.02.2021).
146. Кравченко, С. А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде / С. А. Кравченко // Социологические исследования. – 2019. – № 10. – С. 48–57.
147. Кржевов, В. С. Религия в современной России: духовное возрождение или клерикализация общества? / В. С. Кржевов // Философские науки. – 2012. – № 10. – С. 93–105.
148. Кудрявцев–Платонов, В. Д. Философия религии / В. Д. Кудрявцев–Платонов. – Москва : Издательство «ФондИВ», 2008. – 576 с.
149. Кузнецова, О. В. Контуры новой духовности в гендерном измерении / О. В. Кузнецова, Н. С. Смолина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 5-ти ч. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 12(86). – Ч. 2. – С. 102–105.

150. Кузьмина, Е. В. Постсекулярность: тенденции анализа феномена в современных религиозных исследованиях / Е. В. Кузьмина, Р. Р. Фазлеева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 8(82). – С. 106–112.
151. Кукаркин, А. В. Буржуазная массовая культура. Теории. Идеи. Разновидности. Образцы / А. В. Кукаркин. – Москва : Политиздат, 1985. – 397 с.
152. Куликов, Г. Я. «Безразличие к истине» как «этический код» постсекулярной культуры / Г. Я. Куликов // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – Том 44. – № 1. – С. 159–165.
153. Кутырев, В. А. Бытие или ничто / В. А. Кутырев. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2009. – 496 с.
154. Кутырев, В. А. Идеология бессмертия как выражения абиотического развития современной цивилизации / В. А. Кутырев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 1. – С. 231–239.
155. Кутырев, В. А. Как и куда сдвигается гуманитарная парадигма? / В. А. Кутырев // Философия и культура. – 2009. – № 10 (22). – С. 20–28.
156. Кутырев, В. А. Культура и технология: борьба миров / В. А. Кутырев. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 238 с.
157. Кутырев, В. А. Последнее целование. Человек как традиция / В. А. Кутырев. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2015. – 312 с.
158. Кутырев, В. А. Разум против человека (Философия выживания в эпоху постмодернизма) / В. А. Кутырев. – Москва : ЧеРо, 1999. – 230 с.
159. Кутырев, В. А. Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире / В. А. Кутырев. – Санкт Петербург : АЛТЕЙЯ, 2016. – 298 с.
160. Кутырев, В. А. Философия постмодернизма / В. А. Кутырев. – Нижний Новгород : Волго-Вятская академия государственной службы, 2006. – 95 с.
161. Кутырев, В. А. Философия трансгуманизма / В. А. Кутырев. – Нижний Новгород : ННГУ, 2010. – 85 с.

162. Кутырев, В. А. Человеческое и иное: борьба миров / В. А. Кутырев. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2009. – 264 с.
163. Кутырев, В. А. Экологический кризис, постмодернизм и культура / В. А. Кутырев // Вопросы философии. – 1996. – № 11. – С. 23–31.
164. Ланир, Дж. Вы не гаджет : манифест / Джарон Ланир ; перевод с английского Михаила Кононенко. – Москва : Астрель : Corpus, cop. 2011. – 317 с.
165. Лепский, В. А. Академик Лепский: «если приходит бессмертие» // Новая газета. – 2015. – № 35. – С. 20–21.
166. Лифтон, Р. Дж. Технология «промывки мозгов»: психология тоталитаризма / Р. Дж. Лифтон. – Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК ; Москва : ОЛМА-Пресс ; Москва : ПФ Красный пролетарий, 2005. – 576 с.
167. Лосев, А. Ф. История античной философии в конспективном изложении / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1989. – 204 с.
168. Лосев, А. Ф. Личность и Абсолют / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1999. – 719 с.
169. Лункин, Р. Н. Атлас современной религиозной жизни России / Р. Н. Лункин, С. Б. Филатов. – Москва, Санкт-Петербург : Летний сад, 2005. – Том I. – 620 с.
170. Лункин, Р. Н. Атлас современной религиозной жизни России / Р. Н. Лункин, С. Б. Филатов. – Москва, Санкт-Петербург : Летний сад, 2006. – Том II. – 686 с.
171. Лункин, Р. Н. Атлас современной религиозной жизни России / Р. Н. Лункин, С. Б. Филатов. – Москва, Санкт-Петербург : Летний сад, 2009. – Том III. – 863 с.
172. Лункин, Р. Н. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния / Р. Н. Лункин, С. Б. Филатов // Современная Европа. – 2018. – № 3. – С. 102–114.
173. Лункин, Р. Н. Религия и право в современной России / Р. Н. Лункин, И. В. Загребина. – Москва : Юриспруденция, 2017. – 256 с.
174. Макс Мор : [сайт]. – URL: <https://www.maxmore.com/about/> (дата обращения: 12.06.2019).
175. Малахов, В. С. Мерцающий секуляризм: религия в российском публичном пространстве / В. С. Малахов, Д. Э. Летняков // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 135–149.

176. Малышева, Н. Л. Кино как ключ к пониманию искусства перформанса / Н. Л. Малышева // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 1. – С. 350–354.
177. Малышева, Н. Л. Шаманизм как основа перформанса: метод Марины Абрамович / Н. Л. Малышева // Ярославский педагогический вестник. – 2005. – № 2. – Том I (Культурология). – С. 242–245.
178. Мамлеев, Ю. Россия вечная / Ю. Мамлеев. – Москва : Традиция, 2017. – 97 с.
179. Маньковская, Н. Б. Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс / Н. Б. Маньковская. – Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2009. – 495 с.
180. Марков, А. В. Постмодерн культуры и культура постмодерна / А. В. Марков. – Москва : Рипол-Классик, 2018. – 254 с.
181. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе ; перевод с английского А. А. Юдина. – Москва : АСТ, 2009. – 331 с.
182. Мартишина, Н. И. Нарциссическая культура и места ее обитания / Н. И. Мартишина // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14. – № 1. – Ч. 1. – С. 194–213.
183. Маслов, В. М. Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе : монография / В. М. Маслов ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева». – Нижний Новгород : [б. и.], 2014. – 130 с.
184. Медведев, Д. А. Конвергенция технологий как фактор эволюции / Д. А. Медведев // Новые технологии и продолжение эволюции человека: трансгуманистический проект будущего. – Москва : URSS, 2008. – С. 40–74.
185. Медведев, Д. А. Технологии трансгуманизма / Данила Медведев // Российское Трансгуманистическое Движение. – URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/136/110/> (дата обращения: 17.07.2021).
186. Месси Д. : [сайт]. – URL: <https://www.venusplusx.org/> (дата обращения: 14.05.2021).

- 187.Миронов, В. В. Тоска по истинному бытию в цифровой культуре / В. В. Миронов, З. А. Сокулер // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2018. – № 1. – С. 3–22.
- 188.Михайлов, П. Б. Неопатристический синтез / П. Б. Михайлов // Православная энциклопедия. – Москва : Муромский в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь – Непал, 2017. – Т. XLVIII. – С. 654–657.
- 189.Михельсон, О. К. Массовая культура, игра и новая религиозность / О. К. Михельсон // Вестник Санкт-петербургского государственного университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 113–117.
- 190.Михельсон, О. К. От «псевдорелигии» и «квазирелигии» к «имплицитной религии». Теологизм в исследованиях современной религиозности / О. К. Михельсон // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2014. – № 6 (41). – С. 155–159.
- 191.Михельсон, О. К. Сакрализация популярного. Методологические подходы к исследованию religion-like phenomena в современном религиоведении / О. К. Михельсон // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – Вып. 1. – С. 122–137.
- 192.Мичурина, З. В. Проблема духовной идентичности России в трудах П. Я. Чаадаева и Н. Я. Данилевского / З. В. Мичурина // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 8. – С. 45–48.
- 193.Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль : перевод с французского. – Москва : ЛКИ, 2008. – 416 с.
- 194.Мор, М. Принципы экстропии / М. Мор. – URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/168/94> (дата обращения: 21.09.2018).
- 195.МТА : [сайт]. – URL: <https://transfigurism.org/mission> (дата обращения: 02.11.2021).
- 196.Муйтуева, В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев / В. А. Муйтуева. – Горно-Алтайск : Типография ЧП Высоцкая Г.Г., 2004. – 182 с.
- 197.Мы верим в Россию. От Русской доктрины к Изборскому клубу / автор-составитель В. В. Аверьянов. – Москва : Русская цивилизация, 2019. – 1088 с.

- 198.Нафикова, А. И. Трансгуманизм как современная концепция социального развития / А. И. Нафикова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – URL: <https://scienceeducation.ru/ru/article/view?id=22306> (дата обращения: 17.11.2021).
- 199.Нейсбит, Дж. Мегатренды / Джон Нейсбит ; перевод с английского М. Б. Левина. – Москва : АСТ, Ермак, 2003. – 380 с.
- 200.Некрасова, Н. А. Природа и сущность духовности: феноменологический анализ / Н. А. Некрасова, С. И. Некрасов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2006. – № 1. – С. 561–566.
- 201.Некрасова, Н. А. Феномен духовности, бытие и ценность : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Некрасова Нина Андреевна ; Ивановский государственный университет. – Иваново, 2002. – 313 с.
- 202.Никитина, Е. Б. О постчеловеческой субъективности: становясь животными, растениями и машинами / Е. Б. Никитина // Художественный журнал. – 2018. – № (106). – С. 189–200.
- 203.Никифор (Бажанов) // Библейская энциклопедия. – Москва : Локид-Пресс; РИПОЛ классик, 2005. – 795 с.
- 204.Нилогов, Алексей Философия сопротивления : интервью с Кутыревым В. А. // Завтра.ру : [сайт]. – URL: <https://zavtra.ru/blogs/valerij-kutyiryov-filosofiya-soprotivleniya> (дата обращения: 18.10.2022).
- 205.О стяжании Духа Святаго Божия : беседа Преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым // Православная библиотека : [сайт]. – URL: <https://www.pravoslavnaaya-biblioteka.ru/biblioteka/articles/o-tseli-khristianskoj-zhizni.html> (дата обращения: 09.10.2021).
- 206.Оболкина, С. В. «Электронные боги» У.С. Бейнбриджа: на страже будущего или прошлого? / С. В. Оболкина // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 64. – С. 105.
- 207.Оленич, К. История успеха: Мэтью Барни / К. Оленич. – URL: <http://royaldesign.ua/ru/metyubarni-i-ego-put.bXvsN/> (дата обращения: 09.11.2021).

- 208.Ополев, П. В. Антропологическое измерение прогресса: совершенствование, приращение, перераспределение / П. В. Ополев // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13. – № 1. – Ч. 1. – С. 181–196.
- 209.Ореховский, П. А. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики / П. А. Ореховский, В. И. Разумов // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13. – № 3. – Ч. 1. – С. 84–102.
- 210.Орлова, З. Н. Понятие «культура»: аксиологический аспект / З. Н. Орлова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2007. – № 2 (7). – С. 158–163.
- 211.Осипов, А. М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования / А. М. Осипов // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28. – № 5. – С. 63–72.
- 212.Особенности массовой культуры российской провинции / Т.и С. Злотникова, Л. П. Киященко, Н. Н. Литина, Т. И. Ерохина // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С.110–114.
213. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. – Париж : YMCA-PRESS, 1973. – 292 с.
- 214.Павлов, А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время / А. В. Павлов. – Москва : Дело РАНХиГС, 2019. – 560 с.
- 215.Павлов, А. В. Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ : специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук : / Павлов Александр Владимирович. – Москва, 2019. – 28 с.
- 216.Паскаль, Б. Мысли / Б. Паскаль. – Москва : REFL-book, 1994. – 528 с.
- 217.Пеннер, Р. В. Рецензия на книгу Розы Брайдотти «Постчеловек». *Galactica Media: Journal of Media Studies* / Р. В. Пеннер // *Critics & Reviews*. – 2022. – № 2. – С. 174. – URL: <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i2.268> (дата обращения: 10.02.2023).
- 218.Пенфилд, У. Мозг. Тайна разума / У. Пенфилд ; перевод с английского С. Ли. – Москва : АСТ, 2019. – 256 с.
- 219.Першин, Ю. Ю. Наступление нарциссической культуры: заметки на полях / Ю. Ю. Першин // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14. – № 2. – Ч. 1. – С. 149–163.

220. Пешков, А. А. Неопатристический синтез: исторический контекст / А. А. Пешков // Труды Нижегородской духовной семинарии. – 2015. – № 13. – С. 55–68.
221. Пирумов, А. Кое-что о рэйве / А. Пирумов // Вавилонская башня. «Новое религиозное сознание» в современном мире : сборник статей. – Москва : Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Татьянин день, 1997. – С. 36.
222. Пичко, Н. С. Духовность человека как философская проблема / Н. С. Пичко // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – Том I (Культурология). – С. 89.
223. Подвальный, М. Религиозные культы в функциональной вселенной RPG «Ведьмак» / М. Подвальный // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 3. – С. 173–190.
224. Попов, Е. А. Виталистские тенденции и стратегии в социодинамике русской культуры / Е. А. Попов : монография. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2006. – 231 с.
225. Попов, Е. А. Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI в. / Е. А. Попов : монография. – Москва : Магистр-пресс, 2003. – 379 с.
226. Попов, Е. А. Как заинтересовать социолога изучением искусства и духовной жизни? / Е. А. Попов // Социологические исследования. – 2017. – № 6. – С. 141–147.
227. Попов, Е. А. Основы виталистской культурологии (Развитие научных принципов социологического и культурного витализма) / Е. А. Попов : учебное пособие. – Барнаул : АзБука, 2005. – 118 с.
228. Попов, Е. А. Особенности витального комплекса русской культуры XX – начала XXI вв. : специальность 09.00.13. «Философия и история религии, философская антропология, философия культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Попов Евгений Александрович ; Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2006. – 290 с.
229. После человека. Идеология и пропаганда трансгуманизма в современном мире : доклад / редактор-составитель В. А. Щипков. – Москва : Русская экспертная школа, 2018. – 156 с

230. Потапов, Л. П. Алтайский шаманизм / Л. П. Потапов. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1991. – С. 24–25.
231. Прими красную таблетку: наука, философия и религия в "Матрице" / под ред. Глена Йеффета ; перевод с английского Т. Давыдова. – Москва : Ультра. Культура, 2003. – 312 с.
232. Протестантская тематика в современном российском религиоведении : научная дискуссия / А. В. Апполонов, А. П. Забияко, Е. В. Зайцев [и др.] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. – 2022. – № 1. – С. 195–222.
233. Проханов, А. Таблица Агеева / А. Проханов // Изборский клуб. – 2020. – № 8 (84). – С. 3–109.
234. Психология религиозности и мистицизма : хрестоматия / составитель К. В. Сельченко. – Минск : Харвест, 2001. – 541 с.
235. Разлогов, К. Э. Не только о кино / К. Э. Разлогов / под ред. Т. С. Стяжкина. – Москва : Совпадение, 2009. – 285 с.
236. Редин, Ф. Д. Ритуал как способ трансляции идей новой духовности / Ф. Д. Редин // Идеи и идеалы. – 2020. – Том 12. – № 4. – Часть 2. – С. 429–450.
237. Религиозные воззрения в национально-этническом самосознании социальных групп // Современное состояние национально-этнического самосознания социальных групп (на примере Республики Алтай) : монография / Ю. В. Табакаев, Е. В. Литягин, Л. В. Кыпчакова [и др.]. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2013. – 116 с.
238. Республика Алтай // Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Том 1. Кестонский институт / научный редактор и составитель С. Б. Филатов. – Москва : Летний сад, 2014. – С. 70–120. – URL: http://www.keston.org.uk/_resources/ (дата обращения: 14.10.2020).
239. Розанов, В. В. Поздние фазы славянофильства. Н.Я. Данилевский / В. В. Розанов. – URL: <https://danilevsky.ru/publikatsii-o-tvorchestve/pozdnie-fazy-slavyanofilstva-n-ya-danilevskij/> (дата обращения: 09.09.2021).

240. Российское трансгуманистическое движение : [сайт]. – URL: <https://transhuman.ru/> (дата обращения: 08.09.2021).
241. Ростова, Н. Н. Аджорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой / Н. Н. Ростова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Философия и конфликтология. – Санкт-Петербург : ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет. – 2020. – Том 36. – № 4. – С. 731–750.
242. Ростова, Н. Н. Деконструкция сакрального в философском исследовании человека : специальность 09.00.13. «Философская антропология, философия культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Ростова Наталья Николаевна ; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2016. – 545 с.
243. Ростова, Н. Н. Изгнание Бога: проблема сакрального в философии человека : монография / Наталья Ростова. – Москва : Проспект, 2017. – 432 с.
244. Ростова, Н. Н. Человек на границе животного мира / Н. Н. Ростова // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 446. – С. 68–75.
245. Рупова, Р. М. Неопатристический синтез как религиозно-философское течение XX – XXI веков: религиоведческо-антропологический анализ : специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Рупова Розалия Моисеевна ; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2018. – 56 с.
246. Руткевич, Е. Д. «Социология духовности»: проблемы становления / Е. Д. Руткевич // Вестник института социологии. – 2017. – Том 8. – № 1. – С. 36–65.
247. Руткевич, Е. Д. От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст / Е. Д. Руткевич // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2014. – № 1. – С. 5–25.
248. Руткевич, Е. Д. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии / Е. Д. Руткевич // Вестник института социологии. – 2014. – июнь. – №2 (9). – С. 131–161.

249. Рыжов, Ю. В. *Ignoto Deo: новая религиозность в культуре и искусстве* / Ю. В. Рыжов. – Москва : Смысл, 2006. – 328 с.
250. Савин, А. В. Патриотический контекст в отечественных гуманитарных исследованиях на примере «России и Европы» (к 190-летию Н.Я. Данилевского) / А. В. Савин // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. – 2012. – Вып. 2 (40). – С. 73–79.
251. Сандберг А. : [сайт]. – URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk/team/anders-sandberg/> (дата обращения: 01.05.2021).
252. Священная история – здесь и сейчас : Доклад Изборскому клубу / В. В. Аверьянов, А. В. Елисеев, А. Ю. Комогорцев [и др.] ; под редакцией Виталия Аверьянова // Изборский клуб : [сайт]. – URL: <https://izborsk-club.ru/16343> (дата обращения: 15.10.2022).
253. Селицкий, А. Л. Феномен космизма в контексте формирования антропоприродной парадигмы / А. Л. Селицкий // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13. – № 3. – Ч. 1. – С. 48–68.
254. Семилет, Т. А. Жизненные силы культуры в свете теории культурвитализма / Т. А. Семилет // Русское социокультурное пространство: духовные константы и социальные технологии : материалы региональной научной конференции / под ред. Т. А. Семилет. – Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2004. – С. 3–21.
255. Сингер, П. О вещах, действительно важных. Моральные вызовы двадцать первого века. Питер Сингер Peter Singer ETHICS IN THE REAL WORLD / П. Сингер ; перевод Елены Фотьяновой. – Москва : Синдбад, 2019. – 391 с.
256. Сингер, П. Освобождение животных / П. Сингер // Киевский эколого-культурный центр. – 2002. – Выпуск 29. – 136 с.
257. Синергия. Проблемы аскетики и мистики православия / под ред. С. С. Хоружего. – Москва : ДИ-ДИК, 1995. – 366 с.
258. Скорев, В. А. Нарциссическая культура в действии: власть, общество, безопасность, самоопределение / В. А. Скореев // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14. – № 1. – Ч. 1. – С. 214–229.

- 259.Смирнов, С. А. Человек перехода / С. А. Смирнов. – URL: <http://anthropology.ru/ru/text/smironov-sa/chelovek-perehoda> (дата обращения 12.05 2023).
- 260.Соловьёв, В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьёв // Сочинения. В 2 т. – Москва : Мысль, 1988. – С. 32–490.
- 261.Софина, Д. Кибернетическое, цифровое и гибридное искусство – как развивается технологическое искусство и куда оно ведет человека /Дарья Софина // Itmo. News : [сайт]. – URL: https://news.itmo.ru/ru/science/life_science/news/7835/ (дата обращения: 18.03.2021).
- 262.Сохань, И. В. «Нарцисс – приоритетная модель идентичности в массовом обществе / И. В. Сохан // Человек. Культура. Образование. – 2012. – № 1(3). – С. 35–47.
- 263.Степанова, Е. А. Новая духовность и старые религии / Е. А. Степанова // Религиоведение : научно-теоретический журнал. – 2011. – № 1. – С. 127–134.
- 264.Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – 743 с.
- 265.Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. – 407 с.
- 266.Субетто, А. И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке / А.И. Субетто. – Санкт-Петербург : Астерион, 2010. – 542 с.
- 267.Табаева, Н. Алтай Жан Ак Жан – для человечества / Н. Табаева // Амаду Алтай. – 2018. – 5 апреля. – С. 7.
- 268.Табаева, Н. Окружающая нас природа / Н. Табаева // Амаду Алтай. – 2018. – 5 апреля. – С. 11.
- 269.Тадина, Н. А. Два взгляда на бурханизм у Алтай–кижи / Н. А. Тадина // Социальная антропология. – 2013. – № 4. – С. 159–166.
- 270.Тадина, Н. А. Символика и этнические ценности алтайцев в практиках возрожденного бурханизма / Н. А. Тадина // Вестник ТГУ. Серия: История. – 2013. – № 4 (24). – С. 97–100.
- 271.Таланин, В. И. Сущность идеологии трансгуманизма: современные информационные технологии / В. И. Таланин. – Запорожье : ЗНУ, 2016. – 128 с.

- 272.Тареев, М. М. Основы христианства. В 4-х т. / М. М. Тареев. – Сергиев Посад : Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1908. – 423 с.
- 273.Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – Москва : Наука, 1987. – 239 с.
- 274.Тернер, Б. Религия в постсекулярном обществе / Б. Тернер // Государство. Религия. Церковь. – 2021. – 2(30). – С. 21–22.
- 275.Тернер, Л. Манифест метамодернизма / Л. Тернер // Metamodernizm.ru : [сайт]. – URL: <http://metamodernizm.ru/manifesto/> (дата обращения: 12.12.2023).
- 276.Тетюшкин, М. А. Тульпа. Галлюцинации наяву / М. А. Тетюшкин. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ухоKrn7Jwz0> (дата обращения: 12.12.2023).
- 277.Тимофеева, О. Сова и ангел / О. Тимофеева // Логос. – 2016. – Том 26. – № 2. – С. 134–136.
- 278.Тищенко, П. Д. Россия 2045: котлован для аватара / П. Д. Тищенко // Вопросы философии. – 2014. – № 8. – С. 181–190.
- 279.Трансгуманизм: цифровой левиафан т голем-цивилизация / составитель Виталий Аверьянов. – Москва : Книжный мир, 2021. – 320 с.
- 280.Тростников, В. Н. Мысли перед рассветом / В. Н. Тростников. – Париж : YMCA-Press, 1980. – 360 с.
- 281.Трофимов, В. В. Человекоразмерность науки и культурные парадоксы трансгуманизма : специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Трофимов Виктор Владимирович ; Белгородский национальный исследовательский университет. – Белгород, 2018. – 23 с.
- 282.Тульпа — карманная шизофрения для гиков или реальный воображаемый друг. – URL: <https://habr.com/post/161575> (дата обращения: 16.08.2021).
- 283.Тутов, Л. А. Модель экономического человека в неортодоксанных подходах на примере либертарианского трансгуманизма / Л. А. Тутов, А. А. Мнацаков // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. – 2018. – № 3. – С. 5.

284. Тюхтенева, С. П. Личность и общество у алтайцев: от родовой принадлежности до общеалтайской идентичности / С. П. Тюхтенева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 4. – С. 72–81.
285. Узланер, Д. Конец «проправославного консенсуса»: религия как новый раскол российского общества / Д. Узланер // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 3 (163). – С. 96–116.
286. Управителей, А. Ф. К будущему цельному мировоззрению (Религиозное миросозерцание П.А. Флоренского) / А. Ф. Управителей : монография. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 1997. – 162 с.
287. Управителей, А. Ф. Конструирование субъектности в антропологии С. Н. Булгакова / А. Ф. Управителей : монография. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2001. – 199 с.
288. Урсул, А. Д. Феномен ноосферы: глобальная эволюция и ноосферогенез / А. Д. Урсул. – Москва : Ленанд, 2015. – 336 с.
289. Уткин, В. Трансгуманизм: анализ российских публикаций и опыт формулирования задач теологического осмысления трансгуманистических вызовов / В. Уткин // Тетради по консерватизму. – 2019. – № 1. – С. 409–420.
290. Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений. В 4-х томах. – Москва : Прогресс, 1995. – Том 1. – 518 с.
291. Федоров, Н. Ф. Сочинения. Философия общего дела / Н. Ф. Федоров. – Москва : Мысль, 1982. – 711 с.
292. Федотова, В. Г. Духовность как фактор перестройки / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 1987. – № 3. – С. 20–23.
293. Филатов, С. Б. Религиозно-общественная жизнь в российских регионах / С. Б. Филатов, Р. Н. Лункин, К. Деннен ; Кестонский институт. – Москва : Летний сад, 2014. – Т. I. – 620 с.
294. Флоренский, П. А. История и философия искусства / П. А. Флоренский. – Москва : Мысль, 2001. – 202 с.
295. Флоренский, П. А. Собрание сочинений в 2 т. / П. А. Флоренский. – Москва : Правда, 1990. – Т. I. – 490 с.

- 296.Фор, Дж. Космизм – национальная русская мифология против трансгуманизма / Дж. Фор // Изборский клуб : [сайт]. – URL: <https://izborsk-club.ru/20830> (дата обращения: 18.10.2021).
- 297.Франк, С. Л. Духовное наследие Владимира Соловьева / С. Л. Франк // Вестник русского студенческого христианского движения. – Париж, 1950. – Выпуск 4-5. – URL: http://www.odinblago.ru/nasledie_solovieva/ (дата обращения: 12.12.2023).
- 298.Франк, С. Л. Реальность и человек / С. Л. Франк. – Москва : Республика, 1997. – 479 с.
- 299.Фромм, Э. «Иметь» или «быть» / Эрих Фромм ; перевод с немецкого Э. М. Телятниковой. – Москва : АСТ, 2012. – 314 с.
- 300.Фромм, Э. Душа человека, ее способность к добру и злу / Э. Фромм. – Москва : Республика, 1992. – 430 с.
- 301.Фуллер, Р. «Духовные, но не религиозные» / Р. Фуллер. – Oxford : University Press. – 2001. – 224 с.
- 302.Фуллер, С. От социальной эпистемологии к Humanity 2.0 : интервью со Стивом Фуллером / С. Фуллер // Логос. – 2018. – № 5. – С. 13–16.
- 303.Хабермас, Ю. Религия и публичность / Ю. Хабермас // Между натурализмом и религией. – Москва : Весь мир, 2011. – С. 109–141.
- 304.Харауэй, Д. Антропоцен, Капиталоцен, Платациоцен, Ктулуцен: создание племени / Д. Харауэй // Художественный журнал Moscow Art Magazine. – 2016. – № 99. – URL: <https://mam.garagemca.org/issue/39/article/771> (дата обращения: 10.06.2022).
- 305.Харауэй, Д. Биополитика постмодерных тел: способы конституирования "я" в дискурсе иммунных систем / Д. Харауэй ; перевод с английского А. Г. Кузнецова по изданию: Haraway, D. The Biopolitics of Postmodern Bodies: Constitutions of Self in Immune Systems Discourse / D. Haraway // Simians. Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. – NY : Routledge, 1991. – P. 203–231.
- 306.Харауэй, Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / Д. Харауэй. – Москва : Ad Marginem, 2017. – 110 с.

- 307.Хвастунова, Ю. В. Новый тип религиозного лидера в неоязычестве на примере группы Алтай Жан Ак Жан в Республике Алтай / Ю. В. Хвастунова // Народы и религии Евразии. – 2017. – 18(1). – С. 104–112.
- 308.Хвастунова, Ю. В. Развитие современного New Age на примере религиозного движения «Алтай Дян ак Дян» в Республике Алтай / Ю. В. Хвастунова // Манускрипт. – Тамбов : Грамота, 2019. – Том 12. – Выпуск 12. – С. 207–211.
- 309.Хвастунова, Ю. В. Сетевой Нью Эйдж и его региональное преломление в современном обществе / Ю. В. Хвастунова // Манускрипт. – Тамбов : Грамота, 2020. – Том 13. – Выпуск 8. – С. 151–156.
- 310.Хвастунова, Ю. В. Современное тенгрианство (на примере версии тенгрианства В.А. Сата в Республике Алтай) / Ю. В. Хвастунова // COLLOQUIUM NEPTAPLOMERES. – 2018. – Выпуск V. – С. 33–43.
- 311.Хвастунова, Ю. В. Специфика прозелитической деятельности в движении New Age на примере регионального неоязычества (философско-правовой анализ) / Ю. В. Хвастунова // Манускрипт. – Тамбов : Грамота, 2020. – Том 13. – Выпуск 1. – С. 158–161.
- 312.Хель, И. Приблизилась к бессмертию? / И. Хель // Hi-news.ru : [сайт]. – URL: <https://yagazeta.com/stil-zhizni/priblizilis-k-bessmertiyu/> (дата обращения: 13.10.2021).
- 313.Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений. В 8 т. / А. С. Хомяков. – Москва : Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. – Том 1. – 348 с.
- 314.Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений. В 8 т. / А. С. Хомяков. – Москва : Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. – Том 2. – 886 с.
- 315.Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно // Москва – Санкт-Петербург : Медиум. Ювента, 1997. – 312 с.
- 316.Хоружий, С. С. Постчеловек и постчеловечество: будущее цивилизации или ее конец? : материалы круглого стола // Вестник Московского государственного областного университета. – 2016. – № 3. – С. 10–11.
- 317.Хоружий, С. С. Проблема Постчеловека, или Трансформативная антропология глазами Синергийной антропологии / С. С. Хоружий // Философские Науки. – 2008. – № 2. – С. 31.

- 318.Хоружий, С. С. Исихазм как пространство философии / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – 1995. – № 9. – С. 80–94.
- 319.Хоружий, С. С. Диптих безмолвия / С. С. Хоружий // После перерыва. Пути русской философии. – Санкт-Петербург : Алетея, 1994. – 448 с.
- 320.Христианская трансгуманистическая ассоциация : [сайт]. – URL: <https://www.christiantranshumanism.org/> (дата обращения: 12.11.2021).
- 321.Хутиева, О. А. Духовная культура современной российской молодежи: культурфилософский анализ : специальность 09.00.13 «Название» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Хутиева Ольга Александровна ; Название университета. – Ставрополь, 2009. – 22 с.
- 322.ЦЕЗНУР : [сайт]. – URL: <http://www.cesnur.org/> (дата обращения: 10.08.2018).
- 323.Центр изучения религий : [сайт]. – URL: <http://religion.rsuh.ru/about/> (дата обращения: 23.09.2019).
- 324.Центр Разум будущего: [сайт]. – URL: <https://www.fau.edu/future-mind/> (дата обращения: 14.05.2021).
- 325.Ценцура, К. Блокчейн-проповедники и гики-буддисты. Пять самых популярных цифровых религий / К. Ценцура. – URL: <https://techno.nv.ua/it-industry/pjat-samykh-populjarnykh-tsifrovyykh-relihij-2475250.html> (дата обращения: 12.09.2022).
- 326.Цыплаков, Д. А. К вопросу об изучении российской постсекулярности / Д. А. Цыплаков // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Том 18. – Выпуск 3. – С. 234.
- 327.Чемчиева, А. П. Алтайские субэтноты в поисках идентичности / А. П. Чемчиева; Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт археологии и этнографии. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012. – 254 с.
- 328.Четверикова, О. Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар / О. Н. Четверикова. – Москва : Книжный мир, 2020. – 384 с.
- 329.Четверикова, О. Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России / О. Н. Четверикова. – Москва : Книжный мир, 2019. – 320 с.

330. Четверикова, Ольга Химеры трансгуманизм / Ольга Четверикова // Мнение : [сайт]. – URL: <https://mnenie.me/ximery-evropejskogo-transgumanizma-mnenie-olgichetverikovej.html> (дата обращения: 10.11.2021).
331. Шевченко, В. Что не так с теорией ассамбляжей / В. Шевченко // Логос. – 2020. – Том 30. – № 5. – С. 131–164.
332. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – Москва : Гнозис, 1994. – 413 с.
333. Шендрик, А. И. Культура в мире: драма бытия : избранные работы по теории и методологии культуры, социологии культуры, социальной философии / А. И. Шендрик. – Москва : Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2007. – 702 с.
334. Шендрик, А. И. Теория культуры : учебное пособие для студентов вузов по дисциплине «Культурология» / А. И. Шендрик. – Москва : ЮНИТИ, Единство, 2002. – 519 с.
335. Шиманская, О. К. Принципы философии кризиса в творчестве Н.Я. Данилевского / О. К. Шиманская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2006. – Выпуск 1 (5). – С. 580–588.
336. Шишкин, А. Е. Трансгуманизм как метод развязывания консциентальной войны. В 2 т. / А. Е. Шишкин // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту : материалы V Международной научно-практической конференции / под ред. С.. Соловьевой, В.. Ионесова, Л.. Артамоновой. – Самара : Самарский государственный институт культуры. – 2017. – С. 153–162.
337. Шнирельман, В. А. Неоязычество и национализм: восточноевропейский ареал / В. А. Шнирельман // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 1998. № 114. – С. 1–25.
338. Шнирельман, В. А. Религиозная культура или приглашение в религию – чему учат новые учебники? / В. А. Шнирельман // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 4 (35). – С. 89–118.
339. Штекль, К. Европейская интеграция и русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей / К. Штекль // Государство. Религия. Церковь. – 2012. – №1 (30). – С. 57–82.

- 340.Эйзенштадт, Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация / Ш. Эйзенштадт // Государство. Религия. Церковь. – 2012. – №1 (30). – С. 330.
- 341.Экстропианство : [сайт]. – URL: <https://ru.abcdef.wiki/wiki/Extropianism> (дата обращения: 12.07.2019).
- 342.Элбакян, Е. С. Парадигмы исследования религии в XXI веке / Е. С. Элбакян // Феномен религиозной традиционности в глобальном мире : пленарный доклад (Россия, Москва, Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 29 ноября 2019). – URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/256330432/> (дата обращения: 16.07.2022).
- 343.Элбакян, Е. С. Религиозное на фоне светского: межрелигиозный диалог в светском обществе / Е. С. Элбакян // Проблемы укрепления единства российской нации : материалы Всероссийского научно-практического форума (Пермь, 17–19 сентября 2014 г.). – Пермь : Пермская государственная академия искусства и культуры, 2014. – Ч. 2. – С. 186–194.
- 344.Эрдэнэев, Э. Т. Социальный аспект трансгуманизма : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Эрдэнэев Эрдэни Тумурович ; Забайкальский государственный университет. – Чита, 2019. – 146 с.
- 345.Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX–начале XXI в. / под ред. П. К. Дашковского ; Министерство науки и высшего образования РФ, АлтГУ. – Барнаул : Изд–во Алтайского университета, 2019. – 268с.
- 346.Эшельман, Р. Перформатизм как преодоление постмодерна / Р. Эшельман // Логос. – 2021. – Том 31. – № 6 – С. 1–34.
- 347.Юдин, Б. В. Трансгуманизм – наше будущее? / Б. В. Юдин // Человек. – 2013. – № 4. – С. 5–17.
- 348.Юркевич, П. Д. Философские произведения / П.Д. Юркевич. – Москва : Правда, 1990. – 669 с.

349. Ярцев, А. Б. Современное неоязычество: к вопросу о происхождении понятия / А. Б. Ярцев // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки». – 2012. – № 5. – С.153.
350. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс : перевод с немецкого. – Москва : Политиздат, 1991. – 527 с.
351. Яшин, В. Б. Новые региональные религии России (на примере древнерусской англистической церкви) / В. Б. Яшин // Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции : материалы международной научно-практической конференции (Казань, 2-3 октября 1997 г.). – Казань : Казанский государственный университет, 1998. — С. 66–67.
352. Agar, N. How to be Human in the Digital Economy / N. Agar. – Cambridge : MIT Press, MA, 2019. – 232 p.
353. Agar, N. Humanity's end : why we should reject radical enhancement / N. Agar. – Bradford : Books, 2010. – 232 p.
354. Agar, N. Liberal Eugenics: In Defence of Human Enhancement / N. Agar. – Oxford : Blackwell, 2004. – 207 p.
355. Agar, N. Truly Human Enhancement A Philosophical Defense of Limits / N. Agar. – London : The MIT Press Cambridge, Massachusetts, England. – 2014. – 216 p.
356. Annas, George J. Is it Protecting the Endangered Human: Toward an International Treaty Prohibiting Cloning and Inheritable Alterations/ G. J. Annas, L. B Andrews and M. Rosario // American Journal of Law & Medicine. – 2002. – № 28. – P. 151–178.
357. Bainbridge, W. S. eGods: Faith versus Fantasy in Computer Gaming / W. S. Bainbridge. – N. Y. : Oxford University Press, 2013. – 336 p.
358. Bainbridge, W. S. Transhumanism Heresy / W. S. Bainbridge // Journal of Evolution and Technology. – 2005. – Aug. – Vol. 14. – P. 1–10.
359. Bainbridge, W. S. Unraveling Religion Ethical Technology / W. S. Bainbridge // Ieet.org. – URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20141108>
360. Beck, U. Risk society: Towards a new modernity (1st ed.) / U. Beck. – Newbury Park, CA : Sage Publications, Ltd. – 1992. – 260 p.

361. Beckford, J. SSSR Presidential Address. Public Religions and the Postsecular: Critical Reflections / J. Beckford // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 2012. – Vol. 51.1. – March. – P. 1–19.
362. Bostrom, N. Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies / N. Bostrom. – Moscow, Mann : Ivanov and Ferber, 2016. – 496 p.
363. Bostrom, N. History of transhumanist thought / N. Bostrom // *Journal of Evolution and Technolog.* – Vol. 14. – P. 4.
364. Bostrom, N. Transhumanism F.A.Q. / N. Bostrom // Oxford Future of Humanity Institute // [Nickbostrom.com](https://nickbostrom.com). – URL: <https://nickbostrom.com/views/transhumanist.pdf>
365. Bridge, S. Why a Religious Person Can Choose Cryonics / S. Bridge. – URL: <https://www.alcor.org/Library/html/frozensouls.html>
366. Building Better Humans? Refocusing the Debate on Transhumanism / Edited by Hava Tirosh-Samuels and Kenneth L. Mossman. – Frankfurt : Peter Lang, 2012. – 520 p.
367. Childish, B., Thomson Ch. Remodernism // *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century* / D. Rudrum, N. Stavris. – New York, London, New Delhi, Sydney : Bloomsbury Academic, 2015. – P. 101–110.
368. Childish, Billy Remodernism, stuckism.com / Billy Childish, Charles Thomson. – 2007. – Accessed September.
369. Cremaster Fanatic, the Matthew Barney fan site // Cremasterfanatic.com. – URL: <https://www.cremasterfanatic.com/index.html>
370. Davie, G. Religion in Britain since 1945. Believing without belonging / G. Davie. – Oxford : Cambridge, Mass : Blackwell Publishing, 1994. – 226 p.
371. Davie, G. Religion in Europe in the 21-st Century: The Factors to Take into Account / G. Davie // *European Journal of Sociology. Arch. Europ. Sociol.*, XLVII. – 2 // *Cambridge Journals online*. – Cambridge : Univ. Press, 2006. – 218 p.
372. Deitweiler, C. Halos and Avatars: Playing Video Games with God / C. Deitweiler. – Westminster : John Knox Press, 2010. – 224 p.
373. Eisenstadt, S. N. Multiple Modernities / S. N. Eisenstadt // *Daedalus*. – 2000. – Vol. 129. – №. 1. – P. 1–29.

374. Eliezer Yudkowsky on "Three Major Singularity Schools" / Eliezer Yudkowsky // Youtube.com. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mEt1Wf1ljvo>
375. Ellul, J. *Technological Society* / J. Ellul. – Toronto : Vintage Books, 1964. – 437 p.
376. Eshelman, R. *Performatism, or the End of Postmodernism* / R. Eshelman // *Anthropoetics*. Fall 2000. – Winter, 2001. – Vol. VI. – № 2. – URL: <http://anthropoetics.ucla.edu/ap0602/perform>
377. Ferkiss, V. C. *Technological man : The myth a. the reality* / Victor C. Ferkiss. – London : Heinemann, 1969. – XIII. – 336 p.
378. FTP025: *Cyborg Buddha - IEET's James Hughes on Transhuman Enlightenment and Basic Income* // [Futurethinkers.org](http://futurethinkers.org/cyborg-buddha). – URL: <http://futurethinkers.org/cyborg-buddha>
379. Fukuyama, F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution* / F. Fukuyama. – Moscow : ACT, 2004. – 349 p.
380. Geraci, R. M. *Virtually Sacred: Myth and Meaning in World of Warcraft and Second Life* / R. M. Geraci. – N. Y. : Oxford University Press, 2014. – 348 p.
381. Geraci, R. M. *Apocalyptic AI - Visions of Heaven in Robotics, Artificial Intelligence, and Virtual Reality* / R. M. Geraci. – Oxford : University Press , 2010. – 248 p.
382. Goertzel, B. *A Cosmist Manifesto: Practical Philosophy for the Posthuman Age* / B. Goertzel. – [Б.М.] : Humanity+ Press, 2020. – 337 p.
383. [Goertzel.org](https://goertzel.org/). – URL: <https://goertzel.org/>
384. Habermas, J. *The Future of Human Nature* / J. Habermas, translated by Hella Beister, Max Pensky, and William Rehg // *Ethics*. – 2005. – № 115(4). – P. 816–821.
385. Hanegraaff, W.J. *New Age religion and Western culture: esotericism in the mirror of secular thought* / W.J. Hanegraaff. – New York : Albany, NY : State University of New York Press, 1996. – 580 p.
386. Haraway, D. *When Species Meet* / D. Haraway. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2008. – 11 p.
387. Hauskeller, M. *Mythologies of Transhumanism* / M. Hauskeller. – London : Palgrave Macmillan Cham, 2016. – 225 p.
388. Hayles, K. N. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics* / K. N. Hayles. – Literature and Informatics, Chicago : The University of Chicago Press, 1999. – 350 p.

- 389.Heelas, P. The Spiritual Revolution: From “religion” to “spirituality”/ P. Heelas // Religion in Modern World / Ed. by L. Woodhead, P. Fletcher, H. Kawanami, D. Smith. — L.: Routledge, 2002. — 300 p.
- 390.Heelas, P. Research Note: RAMP Findings and Making Sense of the “God Within Each Person, Rather than Out There”/ P. Heelas, D. Houtman // Journal of Contemporary Religion. — 2009. — Vol. 24. — № 1. — P. 83–98.
- 391.Heelas, P. The Spiritual Revolution. Why Religion is giving Way to Spirituality / P. Heelas, L. Woodhead, B. Seel, et al. — Oxford : Blackwell Publishing, 2005. — 176 p.
- 392.Houtman, D. Counting Spirituality? Survey Methodology after the Spiritual Turn / D. Houtman, P., Heelas, P. Achterberg // Annual Review of the Sociology of Religion. — 2012. — Vol. 3. — P. 1–21.
- 393.Hughes, J. After Happiness / J. Hughes // Cyborg Virtue Free Inquiry. — 2011. — Vol. 32 (1). — P. 1–7.
- 394.Hughes, J. IEET Launches Cyborg Buddha Project / J. Hughes, G. Dvorsky, M. LaTorra // Ieet.org. — URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/latorra20090924>
- 395.Institute for the Studies of Religio, ISR // Baylorisr.org. — URL: <http://www.baylorisr.org/>
- 396.Dunajeva, Jekatyerina and Karrie J. Koesel. “From Godless to Godly: How Religion is Shaping Russia’s Relations with the West,” Arc of the Universe, Under Cesar’s Sword, University of Notre Dame. — URL: <http://arcoftheuniverse.info/from-godless-togodly-how-religion-is-reshaping-russias-relations-with-the-west-2>
- 397.Jenkins, J. R. Transhumanism, Posthumanism, and the Human in Octavia Butler’s Xenogenesis. In: Japtok M., Jenkins J. (eds) Human Contradictions in Octavia E. Butler's Work / J.R. Jenkins. — London : Palgrave Macmillan, 2020. — P. 136.
- 398.Jonas, H. The gnostic religion: the message of the alien God and the beginnings of Christianity / Hans Jonas. — 2015. — 396 p.
- 399.Kass, Leon R. The Wisdom of Repugnance: Why We Should Ban the Cloning of Humans / L. R. Kass. — 1998. — URL: <https://scholar.valpo.edu/vulr/vol32/iss2/12>
- 400.Kirby, A. Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture / A. Kirby. — New York, London : Continuum, 2009. — 288 p.

401. Kirby, D. *Fantasy and belief: alternative religions, popular narratives, and digital cultures* / D. Kirby. – New York : Routledge, 2014. – 224 p.
402. Koesel, Karrie J. *Religion and authoritarianism : cooperation, conflict, and the consequences* / Karrie J. Koesel. – New York : Cambridge univ. press, cop, 2014. – 226 p.
403. Kurzweil, R. *The singularity is near: When humans transcend biology* / R. Kurzweil. – N.Y. : Penguin Books, 2005. – 652 p.
404. Kurzweil, R. *The law of accelerating returns* / R. Kurzweil // Kurzweilai.net. – URL: <https://www.kurzweilai.net/kurzweils-law-aka-the-law-of-accelerating-returns>
405. La Torre, M. *Cyborg Buddha: Science and Spirit* / M. La Torre // Kurzweilai.net. – URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/latorra20090924>
406. Magda, R.M.R. *Globalization as Transmodern Totality* / R.M.R. Magda // *Transmodern Theory*. – URL: <https://transmodern-theory.blogspot.com/search/label/Globalization%20as%20Transmodern%20Totality>
407. Magda, R.M.R. *Transmodernidad: un nuevo paradigma* / R.M.R. Magda // *Transmodernity: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*. – 2011. – Vol. 1. – P. 1–13.
408. Magda, R.M.R. *Transmodernity: A New Paradigm* / R.M.R. Magda // *Transmodern Theory*. – URL: // <https://transmodern-theory.blogspot.com/2017/05/transmodernity-new-paradigm.html>
409. Manzocco, R. *Transhumanism - Engineering the Human Condition History, Philosophy and Current Status* / R. Manzocco // <https://www.springerpraxisbooks.com/>. – Chichester, United Kingdom : Springer Praxis Books, 2019. – 293 p.
410. McClure, J. *Partial Faiths: Postsecular Fiction in the Age of Pynchon and Morrison* / J. McClure. – Athens : University of Georgia Press, 2007. – 209 p.
411. McCollum, A. *The Transhumanism Pandemic: Sub-Humanity's Messiah; Humanity's Annihilation* / A. McCollum, by Aaron E. McCollum. – Stanhope Gardens : Pisceanesque Publishing, 2013. – 325 p.
412. Messer, N. *Theological Neuroethics Christian Ethics Meets the Science of the Human Brain* / N. Messer. Bloomsbury T&T Clark An imprint of Bloomsbury Publishing Plc. – London , New York : Bloomsbury T&T Clark, 2017. – 215 p.

413. Moraru, C. *Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary* / A. Moraru. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2011. – 428 p.
414. More, M. *Technological SelfTransformation: Expanding Personal Extropy* / M. More // *Extropy*. – 1993. – Vol. 4. – №1. – URL : <http://www.maxmore.com/selftrns.htm>
415. More, M. *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future 1st Edition* / M. More, N. Vita-More. – John : Wiley & Sons, 2013. – 460 p.
416. More, M. *The Overhuman in the Transhuman* / M. More // *Journal of Evolution and Technology*. – 2010. – V. 21. – P. 1–4.
417. Mormon Transhumanist Association // Transfigurism.org. – URL : <http://transfigurism.org/community/files/1170/download.aspx>
418. Nealon, J. T. *Post-postmodernism, or, The logic of just-in-time capitalism* / J. T. Nealon. – Stanford : Stanford University Press, 2012. – 227 p.
419. Niebuhr, R. *The Nature and Destiny of Man: A Christian Interpretation. Two volumes in one* / R. Niebuhr // *Human Nature*. – New York : Charles Scribner's Sons, 1953. – 680 p.
420. Ojochogwu, A. *Reflections on James Hughes' Problems of Transhumanism (Part 2)* / A. Ojochogwu // ieet.org. – URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/bio/hughes>
421. Parsons, T. *Theories of Society. Foundations of Modern Sociological Theory* / T. Parsons, E. Shils, K Naegele, J. Pitts. – New York : The Free Press of Glencoe, Inc., 1961. – Vol. 1. – 726 p.
422. Possamai, A. *Not the New Age: Perennism and Spiritual Knowledges* / A. Possamai // *Australian Religion Studies Review*. – 2001. – Vol. 14. – № 1. – P. 82–96.
423. Pearce, D. *The Hedonistic Imperative* / D. Pearce // Hedweb.com/ – URL: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>
424. Pellissier, H. *Transhumanism: there are [at least] ten different philosophical categories; which one (s) are you?* / H. Pellissier // ieet.org. – URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/pellissier20150708>
425. Peters, T. *Playing God? Genetic Determinism and Human Freedom Second Edition* / T. Peters. – New York : Routledge, 2003. – 260 p.

426. Peters, T. Transhumanism and transcendence : Christian hope in an age of technological enhancement / T. Peters, by Ronald Cole-Turner, editor. – Washington : Georgetown university press, 2011. – 232 p.
427. Patriciapiccinini.net. – URL: [https:// www.patriciapiccinini.net](https://www.patriciapiccinini.net)
428. Porterfield, A. Religious pluralism, the study of religion and «postsecular» culture / A. Porterfield // The American university in a postsecular age / Ed. by Douglas Jacobsen and Rhonda Hustedt Jacobsen. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – P. 186–201.
429. Mercer, C. Religion and Transhumanism. The Unknown Future of Human Enhancement / C. Mercer and T. J. Trothen. – Santa Barbara, Denver, Oxford : Editors Copyright, 2014. – 452 p.
430. Roco, M. C. Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. NSF/DOC-sponsored report / M. Roco, W. Bainbridge // Virginia : National Science Foundation, Arlington, 2004. – 468 p.
431. Roco, M. C. Societal implications of nanoscience and nanotechnology / M. Roco, W. Bainbridge. – Boston : Kluwer Academic Publ, 2001. – 370 p.
432. Rosen, J. Cyborg Buddha: Is what we are born with enough or could we use a little help? / J. Rosen // Tricycle.org. – URL: <https://tricycle.org/magazine/cyborg-buddha/>
433. Rothblatt M. Virtually Human: The Promise-and the Peril-of Digital Immortality / M. Rothblatt, R. Kurzweil. – New York : St. Martin's Press, 2014. – 350 p.
434. Ryan, D. Cryonics and religion / D. Ryan // Alcor.org. – URL: <https://www.alcor.org/Library/html/religionandcryonics.html>
435. Samuels, R. Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education/ R. Samuels // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected. – Cambridge, MA : MIT Press, 2008. – P. 219–240.
436. Singularity University // Su.org. – URL: <https://www.su.org/team>
437. Sorgner, S. L. Nietzsche, the overhuman, and transhumanism / S. L. Sorgner // Journal of Evolution and Technology. – 2009. – Vol. 20. – P. 29–42.
438. Sparrow, R. A. Not-So-New Eugenics: Harris and Savulescu on Human Enhancement / R. Sparrow // Hastings Center Report. – 2011. – № (41) 1. – P. 32–42.

439. Stark, R. A Supply-Side Reinterpretation of the “Secularization” of Europe / R. Stark, L. Iannaccone // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 1999. – № 1. – P. 230–255.
440. Stephen, R. L. The Human Mystery / R. L. Stephen, J. C. Eccles // *Philosophical Quarterly*. – 1985. – № 35 (140). – P. 323.
441. Sutton, A. Transhumanism: A New Kind of Promethean Hubris / A. Sutton // *The New Bioethics*. – 2015. – № 2(2). – P. 117–127.
442. *Technofutures // Nature and the Sacred Transdisciplinary Perspectives* / Edited by Celia Deane-Drummond University of Notre Dame, USA Sigurd Bergmann Norwegian University of Science and Technology. – Trondheim : Norway Bronislaw Szerszynski University of Lancaster, 2015. – P. 139-158.
443. Ten Cosmist Convictions (Mostly by Giulio Prisco). – URL: <http://cosmistmanifesto.blogspot.com/2009/01/ten-cosmist-convictions-mostly-byhtml>
444. Terasem Movement // [Terasemcentral.org](http://terasemcentral.org). – URL: <https://terasemcentral.org/>
445. Thompson, J. Transhumanism: How Far Is Too Far? / J. Thompson // *The New Bioethics* / – 2017. – 23(2). – P. 165–182.
446. Vermeulen, T. Notes on metamodernism / Timotheus Vermeulen, Robin van den Akker // *Journal of Aesthetics & Culture*. – 2010. – T. 2, 1. – P. 567.
447. Tirosh-Samuels, H. Perfecting Human Futures Transhuman Visions and Technological Imaginations / H. Tirosh-Samuels, J.B. Hurlbut. – Arizona State University Tempe, USA : Springer Fachmedien Wiesbaden, 2016. – 380 p.
448. Toffoletti, K. Cyborgs and Barbie Dolls Feminism, Popular Culture and the Posthuman Body / K. Toffoletti, I.B. Tauris; 1st edition. – New York : Tauris & Co Ltd, 2007. – 224 p.
449. Toth, J. The Passing of Postmodernism: A Spectroanalysis of the Contemporary / J. Toth. – Albany : SUNY Press, 2010. – 210 p.
450. Trothen, T. J Religion and Human Enhancement. Death, Values, and Morality, Palgrave Studies in the Future of Humanity and its Successors / T. J. Trothen, C. Mercer. – London : Palgrave Macmillan Cham, 2017. – 377 p.
451. Turing Church // [Turingchurch.net](http://turingchurch.net). – URL: <https://turingchurch.net/archive-order-of-cosmic-engineers-6c562b401b03>

452. Vinge, V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era / V. Vinge ; Department of Mathematical Sciences San Diego State University // Edoras.sdsu.edu. – URL: <https://edoras.sdsu.edu/~vinge/misc/singularity.html>
453. Vita-More, N. Designing Human 2.0 / N. Vita-More // *Artifact*. – 2008. – № 2 (3–4). – P. 145–152.
454. Voas, D. The Rise and Fall of Fuzzy Fidelity in Europe / D. Voas, S Bruce // *European Sociological Review*. – 2009. – № 25(2). – P. 155–168.
455. Voas, D. The Spiritual Revolution: Another False Dawn for the Sacred / D. Voas, S. Bruce // *A Sociology of Spirituality* / Ed. by K. Flanagan and P.S. Jupp. – Aldershot, United Kingdom: Ashgate, 2007. – P. 43–62.
456. Voas D. Religion in Britain: Neither believing nor belonging / D. Voas, A. Crockett // *Sociology*. – 2005. – № 39 (1). – P. 11–28.
457. Volker, H. Schmidt Multiple Modernities or Varieties of Modernity? / H. Volker // *Current Sociology*. – 2006. – № 54(1). – P. 77–97.
458. Elsje, F. A future for the theory of multiple modernities: Insights from the new modernization theory / F. Elsje // *Social Science Information*. – 2012. – № 51(1). – P. 52–69.
459. Walker, M. Genetic Virtue Permanent End / M. Walker // ieet.org/. – URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/walker20031119>
460. Walker, M. Happy-people-pills for all / M. Walker // *International Journal of Wellbeing*. – 2011. – № 1(1). – P. 127–148.
461. Wiseman, H. The myth of the moral brain: the limits of moral enhancement / Harris Wiseman. – Cambridge : Mass ; London : MIT press, 2016. – 340 p.
462. Wolfe T. Sorry, but your soul just died // *The Independent*. – 1997. – 2 Feb. – URL: <https://samizdat.co/shelf/documents/2004/12.04-wolfe/wolfe.pdf> (дата обращения: 13.11.2021).
463. Zondervan, Antonius A.W. Sociology and sacred : an introduction to Philip Rieff's theory of culture / Antonius A.W. Zondervan. – Toronto : University of Toronto Press Incorporated, 2005. – P. 140–158.